ДАГЕСТАН

№ 6 (27)

Портрет баронессы Мелани Оливии фон Нагель Мусаясул, родившейся в Берлине, выросшей в Мюнхене, жившей в Италии, Египте, а последние десятилетия в монастыре близ Нью-Йорка, ушедшей из жизни недавно в возрасте 98 лет, поэтессы, профессора музыки, философа, Мушки-ханум (как звали ее дагестанцы), хранительницы творческого наследия замечательного живописца и мужа - дагестанца Халилбека Мусаясул - портрет его кисти.
Публикуем картину художника в память о его супруге, всю жизнь издалека горячо любившей Дагестан - родину горячо любимого супруга.

С Новым Годом, дорогие земляки!

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 6(27)

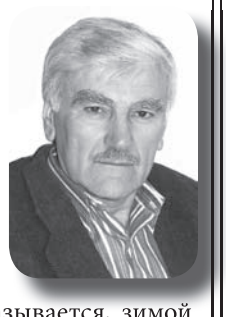
ДАГЕСТАН

ноябрь/декабрь 2006

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

“...у ворот!”



Как всегда, Новый год подкрался незаметно. Понятно – праздник зимний, а зима у нас гостья всегда неожиданная. Готовимся к встрече долго – остаток весны, лето, всю осень, но – бац! – а к декабрю не во всех махачкалинских домах (это в столице-то!) тепло: то денег нет, то трубы остались дырявыми, то фактор погоды сказался. Холодно, оказывается, зимой. Но все равно – праздник замечательный. Душа полна надежд: с Новым годом, с новым счастьем!

Как там у Льва Толстого? Каждая семья счастлива одинаково, а несчастлива – по-своему. Опровергать классика бесперспективно. Потому и не пытаюсь. Однако счастье одно на всех только в сказках случается да при коммунизме, когда сказка становится былью. Но не стала: на то она и сказка. Быль же наша меняется, правда, не так споро, как хотелось бы. Но все же меняется. Чем бы ни грозились злопыхатели, как бы ни ругались зомбированные, как бы ни кривились ворчуны. Прогресс можно остановить, даже повернуть вспять. Но не навсегда. Он свое все равно возьмет. И зима тогда не свалится как снег на голову. А Новый год… Он и сейчас – Новый. Со всеми нашими ожиданиями. Счастливыми, конечно.

Тьфу-тьфу – не сглазить! Это так – на всякий случай. Потому что то, что происходит, наконец, в стране, что начинает происходить у нас, в Дагестане, убеждает: лед тронулся. Не верите? Допускаю: скептиков у нас много. Что закономерно: всякому действию возникает противодействие, при всякой новации непременно услышишь: ничего не выйдет.

Думаю, что выйдет! Тем более, что, как в детской песенке поется: «…Новый год, Новый год – у ворот…»

Далгат АХМЕДХАНОВ,
гл. редактор

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБЩЕСТВО

Магомед АБДУЛХАБИРОВ
Философия Рамазана Абдулатипова……2
Зубайру ЗУБАЙРУЕВ, Светлана АНОХИНА
Под богом может каждый жить, а гражданином быть – обязан!……5
Гази ГАСАЙНИЕВ
Благотребовательность и благопопустительство……8
Марьям ХАЛИМБЕКОВА
Магомед Сулейманов: профессия как судьба……10
Булач ГАДЖИЕВ
Перед именем твоим……16
Ибрагим КЕРИМОВ
Русский кумык Арсений Тарковский, Сталин и Берия……26
Хасай АЛИЕВ
Тоска по испорченной картине……31
Габиб ГАДЖИЕВ
Европейцы мы? Или азиаты?……33

ЛИТЕРАТУРА

Ибрагим ИБРАГИМОВ
О корове, клевете, письме и сапогах……34
Лапит ГАДЖАКАЕВ
Баллада о матери……42
САИДАТ
Предсмертные записки……43
БАДРУТДИН
“Оборванное стремя” (отрывки из книги)……50
Магомед ГАЗАЛИЕВ
Наш Муса……53
Аминат АБДУЛМАНАПОВА
Солнышка лучи……55
Агалар ДЖАФАРОВ
Золотой гребешок……56
Вагит АТАЕВ
Слово дорогое……57
Светлана АНОХИНА, Далгат АХМЕДХАНОВ
Памяти Абдулгамида Абдуллаева……58
Яхья ЯХЬЯЛОВ
Сказка-ложь……60

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.

При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны: **67-02-03** (главный редактор),
67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).
E-mail: dagjur@mail.ru

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в Махачкалинском ф. банка «Возрождение» (ОАО) г. Махачкала,
К/с 30101810500000000882,
БИК: 048209882, ИНН: 0562053040
КПП 056201001
ГУ Редакция журнала «Дагестан»

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

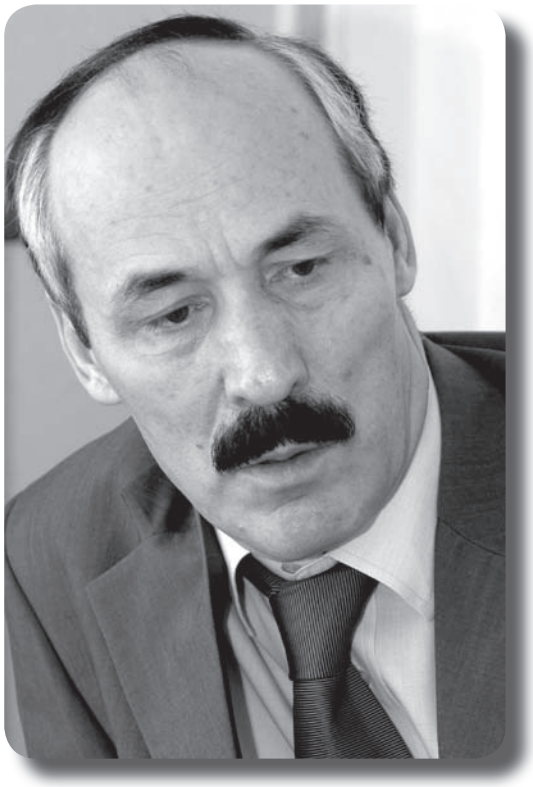
Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии.

Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Петра I, 61.

Усл. п. л. – 7,5.
Тираж – 1000 экз.
Номер заказа –

Подписной индекс – 78434.

Цена номера в киосках «Роспечати» – 20 руб., у общественных распространителей – свободная.



Мы попросили в свое время Магомеда Абдулхабирова, дагестанского врача, работающего в Москве, полноправного представителя дагестанцев в столице и нашего активного автора, побеседовать с Рамазаном Абдулатиповым, который не нуждается в специальном представлении. Имя нашего земляка, активного политика, ныне работающего послом РФ в Таджикистане, у всех на слуху не только в Дагестане, но и во всей России.

ФИЛОСОФИЯ РАМАЗАНА АБДУЛАТИПОВА

Гимры, Ашага-Стал. Цада, Кумух, Тарки… и десяток других аулов вошли навсегда в историю не благодаря архитектуре или наличию нефтяных скважин. Их прославили те, кто родились в них.

В последние годы и в Дагестане, и в Москве стало звучать еще одно название – Гебгута. Это аул, где 17 домов примостились на горе Цамаури, что на высоте более 2000 тысяч метров над уровнем моря. Здесь родился Рамазан Абдулатипов, известный политик, ныне посол России в Таджикистане. Горы, крытые сосновым лесом, чистый воздух, внизу каньон, где встречаются реки Джурмут и Хванор. Оттуда до Гебгута серпантином вьется узкая дорога. По пути в аул родник, построенный отцом Рамазана. У входа в Гебгута огромных размеров рукотворная арка из камня в честь посещения аула делегации Саратовской области во главе с Аяцковым в 2001 году. На головокружительной высоте у края утеса двухэтажная башня: на первом этаже музей, а на втором – библиотека. На почетном месте – скульптурный памятник Варваре Ивановне, русской учительнице с учеником, она работала в 50-е годы в Хидибской школе. А еще впереди по дороге – башня, симпатичный садик и аллея «Зов корней», деревья – корнями к небу. Что хотел сказать садовод этим новшеством? Оказывается, иначе деревья никак не прорастали на каменном утесе, продуваемом ветрами и со скудным слоем земли. Но самое удивительное, что на вершине утеса гебгутинцы в скале выдолбили волейбольную площадку и со всех сторон обнесли ее сеткой, дабы мяч при ударе не летел в пропасть. А чуть выше – добротный дом Рамазана.

Вечернее время. Звезды над головой, вдали – огни соседних аулов. Зрелище, достойное кинобестселлера. Прохладно. И надев тулупы с папахами, мы уселись на веранде абдулатиповской сакли.

– С чего для тебя начинается родина, чем ты здесь, приезжая, занимаешься, бывают ли у тебя гости?

– Гости – редко, а земляков приходит очень много. Люди ощущают себя брошенными, колхоза, райкома, к которым они привыкли, нет, и они не знают к кому и к чему приткнуться. Власть, возникшая после прежней, оказалась безответственной. Глава района старается, но нет системы работы с людьми. Впрочем, это не только здесь, не только в республике, это повсюду. А родина – это сородичи, земляки, соотечественники. Родина для меня – это могила дедушки, родителей, родники, дороги, поля, от которых пахнет детством, мамой, толокном.

– Что повлияло на твое становление как ученого, политика, общественного деятеля, человека?

– Мое становление – это семья, род, аул, отец и мама, старшие братья, родичи, а потом уже школа, техникум, армия. Фундамент личности закладывается до 10 лет, а уже потом создается надстройка. Любовь к знаниям во мне заложила русская учительница. И благодаря этой любви я хорошо учился, старался много читать. Энергетика любознательности формирует из человека личность.

– С высоты прожитого и пережитого какие истины стали фундаментальными?

– Ответственность перед близкими, самоутверждение, честь и достоинство, совесть. Главное, чтобы родители, аул, а потом, может, и народ, если и не гордились, то хотя бы не стыдились меня. Ответственность перед ними – главное.

– Совершенствуется техника, развивается наука, а сущность человеческая не имеет тенденцию к накоплению доброты, разума, любви, скорее ощущается эрозия совести. В чем тут дело? И как этому противостоять?

– Новые технологии создали новый мир, в котором человек не нуждается, как прежде, в другом человеке. Возникает отчужденность человека от человека и, следовательно, общества. В этой отчужденности становится меньше ответственности, совести, любви. Какая ответственность перед машиной, телефоном? Эгоизм торжествует. Даже родители отдаляются. Я сейчас пытаюсь написать книгу «Воля к смерти (духовное ничтожество глобального человека)». Это человек, которому ни перед кем не стыдно. Это страшный человек, который безответственно губит себя и может погубить других. Нужно вернуть его людям. Не давить на него, но согреть теплотой человеческой души. Если до человека никому нет дела, ему тоже на всех наплевать. Человек, не услышанный никем, начинает напоминать о себе стрельбой и взрывами.

– Твоя жизнь изобилует резкими поворотами: медицина, комсомольская работа, научно-педагогическая деятельность, политическая, государственная, депутатская, общественная, а ныне – и дипломатическая работа. Это стечение обстоятельств? В какой ипостаси наиболее комфортно?

– Комфортно там, где реализуешь себя, где душа получает удовлетворение. Тебе нужно, и ты нужен – вот стержень самоутверждения. Ненавижу формализм, отсутствие профессионализма, пустые разговоры, неорганизованность, пустую трату времени. Жизнь должна быть наполнена смыслом. Не люблю ленивых, инертных людей, в которых нет «мотора». Если ты безынициативен, значит, имитируешь других. Если трус – то раб.

– В чем заключается миссия посла? Как работается в Таджикистане?

– Хорошо работается. Для дипломата важны две категории: жизнь страны, которую ты представляешь, и жизнь страны, в которой ты работаешь. Возникли новые молодые, независимые государства и многое надо налаживать, выстраивать новые отношения. Мне хорошо работается с Путиным и Рахмоновым, с министрами Лавровым и Назаровым. В МИДах молодых стран в целом работают грамотные люди. Но министерства и ведомства работают, как правило, крайне инертно, в них низка исполнительская дисциплина. В 1994 году было подписано соглашение о создании культурного центра России в Душанбе. До сих пор вопрос не решен. Был в России у всех министров, у председателей палат парламента, дважды у председателя правительства – все соглашаются, но результата нет. А ведь речь идет о нашем, российском, культурном пространстве.

– Представляя Дагестан в парламенте России, помогая Дагестану, высказывая в свое время желание участвовать в выборах на должность руководителя Дагестана, как воспринимаете с личных позиций избрание президентом Дагестана Муху Алиева?

– Свое отношение я уже высказывал. Хотя кое-кто нашел в нем каких-то «блох». Повторяю: Муху Гимбатович – это наиболее грамотный, опытный и чистоплотный человек. И я ему желаю успехов, не замыкаться в себе, учитывая ошибки и достижения прошлого, реализовать себя и потенциал республики в полной мере.

– Унизительно с такими интеллектуальными и природными ресурсами быть дотационной республикой, жить за счет ивановцев, ярославцев, сибиряков, но что можно сделать уже сейчас, чтобы Дагестан стал благополучной республикой?

– Работать честно и грамотно. Вот и все. Грамотно – значит современно. Надо сконцентрировать волю народа на созидание, избавиться от тех, кто работает только на себя!

– Работая среди тех, кто находится на самом верху государственной власти, наверняка можно получить впечатление о том, каков в высших эшелонах процент людей, реально служащих государству, а не себе. Каков он?

– Меня президент Путин как-то спросил: «Как дела в Совете Федерации»? Я отвечаю: сказать как надо, или как есть? Конечно, как есть, говорит президент, улыбаясь. «Раньше были депутаты, которые работали на народ и где-то на себя, а теперь пришли те, кто работает только на себя, а вот у микрофонов – на государство», – отвечаю. «К сожалению, это не только в Совете Федерации», – с грустью заметил президент. Так что вместо профессионалов на должности подбираются «свои». И они используют должность как дойную корову. Доят до крови. Отсюда и дилетантизм, коррупция, безответственность. Перед кем стыдиться, коль все «свои»? Несколько человек в стране работают, а остальные имитируют работу. Хотя есть и прекрасные министры: Гордеев, Яковлев, Нургалиев, Лавров, Шойгу, Кудрин… Надо налаживать кадровую политику – отечественную, а не «свою», соблюдать критерии кадрового подбора по эффективности работы. Чтобы навести порядок, нужна «чистка» кадров. Конечно, не в варианте 37-го года, но чистить надо дом, где много накопилось хлама.

– Ныне много разговоров о конфликте цивилизаций, о проблеме исламских экстремистов. Неприятно об этом упоминать, но если быть

предельно откровенным, то в последние годы абсолютное большинство терактов совершены мусульманами с исламским воззванием на устах «Аллаху Акбар!». Что следует сделать, чтобы преступления не увязывались с исламом?

– Ислам самая молодая религия и многое в ней более усовершенствовано, хотя общая линия авраамических религий бесспорна. Все дело в качестве религиозных чиновников. Мало кто из них выдерживает испытание на право говорить от имени Аллаха и пророка Мухамеда. И здесь духовным наставникам не достает культуры, просвещенности, цивилизованности, не достает веры. И этот дефицит пытаются компенсировать фанатизмом, одеждой, бородой. Все это мишура – главное вера. А в вере самое страшное, как говорил пророк, невежество. Для ислама нужны наука, знания, просвещение. Это требования священного Корана. Но это все в дефиците.

Отношение к исламу тоже невежественное. Веками Запад свергал и унижал ислам и мусульман. Понимание ислама на Западе на уровне мракобесия. Нет, и не может быть конфликта между цивилизациями и религиями. Цивилизации не сталкиваются, а сталкиваются невежество и мракобесие. Религиозные деятели редко когда оправдывают ту миссию, которую они на себя взяли. Ислам нуждается в качественном научном, просветительском, информационном обеспечении. Отсталый, безграмотный, невежественный человек не может быть в полной мере мусульманином.

– В такой многонациональной стране, как Россия, проблема межнациональных отношений была актуальной во все времена, как и сегодня. Но министерство по делам национальностей ликвидировано. Почему? Спрашиваю как создателя и руководителя Ассамблеи Народов России.

– Никто сегодня разумной политикой по становлению демократии в регионах практически не занимается, кроме отдельных руководителей субъектов федерации, энтузиастов. Отсутствие такой политики порождает равнодушие к межнациональной жизни. Тысячи изданий, интернетовских сайтов открыто насаждают экстремизм, национализм и расизм. Даже на убийства и погромы нет должной реакции или они используются для разжигания межнациональной розни. Кондопога, Грузия… Людей натравливают друг на друга. Я этого не понимаю. Почему ответственные за возникновение подобных ситуаций не думают о последствиях? В любой момент в любом регионе при таком стечении обстоятельств возможны погромы. Нужна долгосрочная национальная политика.

– Владимиру Путину досталась обворованная и оболганная Россия. Но при нем страна, хотя тяжело и со скрипом, стала подниматься с колен. В чем особенность президента Путина?

– Ему удалось упорядочить в общем дела в стране. Это человек, которым мы можем гордиться. Теперь нужно от общей стратегии обратиться к частным вопросам: состоянию кадров, самочувствию граждан, состоянию реального сектора экономики, правам и свободам людей, к предпринимательству. Коррупция, непрофессионализм разрушают государство. Президент построил хороший каркас, теперь нужны отделочные работы: отопление, водоснабжение, безопасность...

– В 2008 году ожидается жесточайшая борьба за президентское кресло. Можно ли назвать десять человек, достойных стать Президентом России?

– Думаю, что «жесточайшей борьбы» не будет. Президентом станет тот, на кого укажет Путин. Хорошо ли это? На нынешнем этапе хорошо, но в принципе не очень. Нет нормальных партий, нет жизнеспособных институтов гражданского общества, нет граждан в истинном смысле или их очень мало. В этой ситуации стихия недопустима. Нас освободили от крепостничества, но землю не дали. Как в 1861 году. От получения одной свободы гражданином не стать. Главное в стране – это самочувствие гражданина.

– Что за наука – политология? Разве политика обладает теми качествами, которыми располагает наука?

– Политология изучает закономерности политических процессов, политические институты. Народ, наверное, можно обмануть, но люди в целом все равно хорошо чувствуют правду, честность, чистоплотность. Сегодня они не участвуют в честных выборах. За избирателей все решают местные чиновники. У нас к минимуму сведена политическая жизнь. И люди терпят. Как говорится, не до жиру, быть бы живу! В Древней Греции людей делили на две категории: «политикос» – тех, которые интересуются общественными и государственными делами, оказывают на них влияние, и «идиотикос» – тех, кто не интересуется политикой, которые не граждане. Ведь гражданин – это уже политик. Надо быть хорошим гражданином, тогда ты будешь хорошим политиком. А идиотикос – это раб, чья-то жертва.

– В знаменитой египетской «Книге мертвых», которую клали в гроб усопшим еще в третьем тысячелетии до н.э., задолго до Торы, Библии и Корана, есть исповедь отрицания 40 грехов перед 42 Богами посмертного суда. В этой книге: «я не совершил грехов против людей», «я не обманывал…», «я не причинял боль», «я не крал…», «я не совершал убийства»… и другие отрицания греховных поступков. Какие надписи следует внести сейчас на папирус жизни?

– Человечество накопило огромный опыт, но нас кормят Мадонной, Моисеевым, Жириновским – до тошноты. Видимо, кому-то очень нужно увеличение числа «идиотикосов». Кому-то нужны не граждане, а поголовье. Они на нем зарабатывают.

У Махатма Ганди перечислены не сорок, а всего семь грехов человечества: политика, лишенная принципов (как у нас); коммерция, лишенная морали (как у нас); богатство, лишенное труда (как у нас); образование, лишенное качества (как у нас); наука, лишенная человечности (как у нас); удовольствие, лишенное совести (как у нас); поклонение, лишенное жертвенности (тоже, как у нас). Мы утопаем в этих грехах, значит, в нас побеждает «Воля к смерти» над естественным и разумным состоянием, где должна побеждать «Воля к жизни». Нельзя жить в грехе. Наказание неотвратимо. Быть может, поэтому так много сегодня стихийных бедствий, трагедий. Просто так ничего не бывает. Используй свою жизнь для созидания, руководствуйся всегда совестью и разумом. Жизнь не так коротка, как нам кажется, но и не так длинна, как нам хотелось бы. Все зависит от отмеренного тебе потенциала творчества, достоинства, созидания, которые ты смог использовать в своей жизнь. Я так думаю!

Беседовал
Магомед АБДУЛХАБИРОВ

Мы живем в такое время, когда отношения между церковью и государством напоминают адюльтер. То есть связь-то есть, но не узаконенная, без распределения сфер влияния, а все граждане России оказались в положении внебрачных детей, не понимающих, кто они, собственно, такие и по каким законам они живут. С одной стороны, есть вроде бы конституция, в которой прописано, что церковь у нас от государства отделена. А с другой, мало кто задумывается, где же именно проходит эта разделительная черта.

Об этом и о ситуации в Дагестане беседуют наш корреспондент Светлана АНОХИНА и политолог, выпускник Московской школы политических исследований, член политсовета Дагестанского отделения Союза правых сил Зубайру ЗУБАЙРУЕВ.

ПОД БОГОМ МОЖЕТ КАЖДЫЙ ЖИТЬ, А ГРАЖДАНИНОМ БЫТЬ – ОБЯЗАН!

– Если вы обратили внимание, Зубайру, за последнее время очень в нашей стране активизировалась церковь. Причем, зачастую она присваивает себе функции цензора и ополчается не на социальные язвы, а на явления культуры. Вот в Сыктывкаре, например, собирался Государственный театр оперы и балета поставить «Сказку о попе и работнике его Балде» с музыкой Шостаковича, однако тамошняя епархия не рекомендовала. А чуть раньше было хорошо организованное возмущение по поводу выставки «Осторожно, религия!» и разгром этой самой выставки. Анафему пропели Мадонне, призывая не пускать ее в «православную» Россию и средненькой киноподелке фильму «Код да Винчи». Замахнулись даже на Церетели. В городе Любим Ярославской области церковные власти требуют запретить установку памятника Ивану Грозному. Не важно, по какой причине, важнее, что губернатор области тут же с ними согласился. Дагестан не остался в стороне от этих свежих веяний. На сайте islam.ru не так давно было вывешено обращение имамов Махачкалы к звездам российской эстрады. «Вас здесь не ждут» называлось это обращение и включало в себя «черный список» – перечень групп и исполнителей, кому не рекомендовано приезжать с гастролями в Махачкалу по причине недостаточной нравственности. Вас это не удивляет?

– За овладение умами идет жестокая борьба, вплоть до военного противостояния, вплоть до попыток кого-то поставить вне закона. Почему она идет, я могу объяснить. По вине государства и общества в том числе. Слишком много своей власти государство не использует, есть за что повоевать. Слишком много граждан Дагестана попадают под влияние людей негосударственных и в результате выпадают из правового гражданского общества.

– А есть какие-то законы, которые этим нарушаются? Ну, вроде того, что на своей кухне ты можешь говорить, о чем пожелаешь, но если выйдешь на площадь, да еще и с плакатом, то можешь и срок схлопотать?

– Нет их, этих законов, вот в чем дело! Наше правовое поле вообще несовершенно. Есть огромные сферы жизнедеятельности, которые вообще никто и не думает законодательно утверждать, полагая, что власть исполнительная разберется. Вот она и разбирается, как сама считает нужным, в соответствии со своим уровнем образования и морали, который, как я понимаю, не устраивает большинство населения республики. Наши граждане и наши политические деятели, конечно, могут иронизировать над законодательством Соединенных Штатов, в котором остались законы несуразные, странные...

– Например, закон, запрещающий из трамвая стрелять по кроликам?

– Вот-вот. А мне хочется сказать, ну, ребята, знаете что, вы сначала свои законы в порядок приведите, а потом будете иронизировать. При всем при том, что действительно смешно – трамвай, кролики, стрельба. Но он, этот закон, был принят не с бухты-барахты. Видимо, был прецедент и понадобился такой закон, и его немедленно ввели. Так что это не смешно, смешно у нас!

– Какой, по-вашему, закон нам нужен, чтобы я, к примеру, в одно прекрасное утро не осталась без работы, потому что редакторам всех газет и журналов наше духовенство «не рекомендует» принимать мои статьи?

– Мне кажется, надо четко обозначить сферы, в которых влияние религиозных деятелей недопустимо. На мой взгляд, нельзя им вмешиваться в сферу исполнительной власти, распределения земель, кадровую политику, финансовую политику, в систему образования, в вопросы законотворчества, в вопросы соблюдения и

исполнения законов и т.д. Нужно проработать подробный законодательный акт, где бы четко регламентировалось исполнение тезиса, который в соответствии с конституцией нашей страны гласит «Религия отделена от государства». Как, где, во сколько, на сколько – все должно быть подробно оговорено. Между прочим, самим религиозным деятелям это только на пользу. Что такое религия? Я сейчас буду излагать свое собственное видение, возможно, оно покажется кому-то кощунственным. Любой государственный деятель, который радеет за сохранение стабильности и порядка в обществе, всегда поддерживал религию. Всегда. Только безумные коммунисты с ней боролись...

– Ну, не то, чтобы боролись, они просто подменили понятия, а суть осталась той же.

– Ну да. Так вот. Когда человек не может найти ответы на все мучающие его вопросы, он находит успокоение в религии. Это такой хороший канал отвода нереализованных амбиций, невостребованной энергии недовольных, точнее, неудовлетворенных своим положением людей. Государству выгодно отвести религии должную роль и место в обществе, хотя бы ради стабильности, ведь истинно религиозный человек ищет причину своих бед в собственном несовершенстве, а не выходит с двустволкой шмалять налево и направо, восстанавливая «социальную справедливость». Но для того, чтобы религия выполняла свою функцию, ее и нужно ограничивать, потому что если не ставить ей барьер, она начинает заниматься несвойственными ей делами. Причем, очень сильно себя этим дискредитируя. Определение своей сферы духовенству важнее, чем кому-либо еще, потому что именно в этой сфере его авторитет не подвергается никакому сомнению. А вот вопросов экономических, политического строя, методов решения каких-либо социальных проблем религия ни в коем случае не должна касаться. И тем более, она не должна касаться законодательного процесса.

– Но мы живем в республике, где большинство жителей, если просто выйти на улицу и расспросить, назовут себя мусульманами и, соответственно, на первом месте у них не светские законы, а установления Корана, законы шариата.

– Это должно быть, как правила дорожного движения. Пока у нас действует закон, мы все свои взаимоотношения должны соответственно закону строить, а все остальное – моральные, этические нормы... – туда не соваться. Демократия – это диктатура закона. У нас пока, конечно, хаос и бардак. То, что происходит сейчас, напоминает движение машин в центре Тегерана. Я помню наш нескончаемый диспут с Максом Шевченко – это ведущий первого канала, большой ученый в области религий – так вот он всегда говорит: «Ой, осторожнее, ой, религия это такая тонкая материя, ой, религиозные чувства! Смотрите, не трогайте своими грязными лапами!». И я у него спрашиваю: «Макс, чего я должен бояться больше, нарушить закон или задеть чьи-то национальные и религиозные чувства?». Я не понимаю – это как раз касается того самого обращения имамов – почему я должен бояться пойти против их рекомендаций?

– Но дело в том, что находятся люди, которые принимают эти рекомендации к сведению. Понятно, что Леонтьев или Жанна Фриске, чьи имена есть в «черном списке», не читают с утра пораньше исламские сайты, чтобы узнать, как им дальше жить. Письмо ведь обращено к нашим людям. В частности, к организаторам концертов. И изрядная их часть...

– Готова подчиняться. Это только первые шаги. Обратите внимание, перечень не полный, на магической цифре 21 он не обрывается. Там фраза такая есть: «Имен остальных представителей современной российской эстрады, которых можно было бы внести в данный список, мы не называем, т.к. перечень получился бы очень длинным». Многообещающе, правда? Это как раз и есть тот момент, когда общество, государство через свои институты могут и непременно должны реагировать. И меня удивляет такая вялая реакция, вернее, полное ее отсутствие.

– Я бы поняла, если бы такого рода призывы были обращены к пастве, мол, дорогие братья и сестры, сказали бы на пятничной молитве, не ходите на эти вот концерты, бойкотируйте, потому как харам – и баста! Тогда бы все происходило естественным путем. Если их так много, единомышленников, то после такого призыва всего полтора человека купили бы билеты на концерт того же Моисеева. А организаторы концертов, не обнаружив спроса, переключились бы на кого-то другого, более востребованного.

– Совершенно верно. Законы рынка.

– А вы понимаете, что организаторы, которые готовы отменять концерты, кстати, концерт Киркорова все же состоялся, боятся не общественного порицания, а совершенно конкретных вещей. В этом обращении, вокруг которого, так или иначе, вертится наш разговор, есть довольно угрожающая фраза: «Ваши выступления дагестанцы в основной массе воспринимают... как личное оскорбление, как попрание чести и достоинства мусульманина. Не искушайте судьбу, не провоцируйте гнев и недовольство людей!». На мой взгляд, прямое подстрекательство.

– Меня беспокоит отсутствие у нашего общества болевого синдрома, естественной реакции на происходящие процессы. У нас в этом смысле совершенно мертвое общество. Все больше и больше мы подчиняемся неписаным, а если говорить точнее, кем попало установленным правилам. Живем по чьим-то «понятиям», причем все это нам преподносится как «обычаи и традиции нашего народа». И нам нечего обвинять духовенство за чрезмерную активность, мы сами в этом виноваты, наша пассивность – это наш собственный выбор, наше неумение распоряжаться своими правами и свободами. А наши религиозные лидеры как раз ведут себя совершенно нормально для данной ситуации – видят, что под них гнутся, и прибирают власть к рукам. А почему бы и нет, если этому никто не противодействует?

– Я, возможно, паникерша, но меня потрясла одна из передач по ТНТ из религиозно-просветительских. Звонит в студию женщина и спрашивает, можно ли ей ухаживать за больным мужем, если она мусульманка, а он выпивает. Представляете, насколько далеко все зашло? Она прожила с этим человеком много лет, возможно, рожала ему детей и теперь звонит и спрашивает разрешения у совсем чужих и незнакомых ей людей – можно ли принести больному чаю, укутать одеялом, дать валидол.

– Тут вы правы, я не видел такого же интереса наших граждан к тому, как выполнять государственные законы и общественные правила. Им они по барабану! Они больше религиозными законами интересуются! Что это значит? Эти законы работают, а светские – нет! И я удивляюсь нашему обществу, значит, ему не нужно никаких государственных законов, значит, это общество продолжает жить дальше по «понятиям». Получается, что человек, который всю свою жизнь пытается выстроить по принятым в государстве правилам, оказывается в дурацкой, проигрышной ситуации. Мало того, он еще должен учитывать национальность того человека, к которому обращается, селение, откуда тот родом, статус, вес, количество денег и, конечно, степень религиозности. И тогда человек понимает, что все государственные законы при столкновении с этими

обстоятельствами – отменяются. Законы отменяются даже при встрече с обычным рядовым чиновником, у которого брат является одноклассником девчонки, чей муж работает секретарем у водителя прокурора.

– А есть ли положение, которое регламентирует публичные выступления в прессе и по телевидению, запрещая высказывания, которые задевают чувства верующих иных конфессий и неверующих атеистов? Очень часто приходится слышать и читать о том, что ислам «единственная истинная религия». Так считает автор. И пусть. Но не задеваются ли этим религиозные чувства других людей? Ведь их миллионы! На мой взгляд, такое утверждение с моральной точки зрения некорректно. Когда пресса нарушает законы морали, оскорбляет людей, по закону должны вмешиваться соответствующие структуры. А здесь как?

– Я уверен, что нет такой законодательной схемы, реально действующей. И такие телепередачи, публикации в газетах лишний раз подтверждают необходимость того, что общество должно задуматься над тем, что тезис «религия отделена от государства» нуждается в наполнении. То есть это – законы, подзаконные акты, какие-то постановления, которые позволят нам этот тезис реализовать на практике. Самое страшное, что в обществе нет понимания необходимости принятия таких законов. Чтобы понимание это у людей как-то появилось, хочу сказать вот о чем. Мне неприятно выступать в роли вестника несчастий, но я убежден, что очень скоро наша республика столкнется с серьезными проблемами. За последние 15-20 лет выросло целое поколение ребят, которых с самого детства водили не столько в школу, сколько в мечеть. К моему большому сожалению, ни о каком сочетании глубокой веры и современного образования в этом случае и речи быть не может. Если же говорить о причинах... Мне кажется, что те люди, которые сейчас задают тон в формировании религиозной элиты, не особенно преуспели в жизни. И соответственно у их воспитанников и последователей нет культа знаний, к приобретению которых, кстати, призывает Коран, культа коммуникабельности, культа универсализма. Я не вижу в них понимания того, что мир очень разнообразен и помимо их религии существуют и другие, также достойные уважения. Что и атеизм – это нормально. Кстати, по последним опросам 50% россиян атеисты. И в этом списке Россия на 12-м месте. Причем в Австрии, скажем, в скандинавских странах, Франции, Чехии и других западных, то есть в тех странах, где многие из нас хотели бы жить – атеистов больше. А у наших людей нет того, что мне кажется безмерно важным – культа закона.

– Потому что приоритеты заранее определены?

– Совершенно верно! И вот таким растет новое поколение. На здоровье, это его право, это его выбор. Но предположу, что эта огромная масса ребят в возрасте от 20-ти до 25-ти лет начнет осознавать свое реальное отставание. Они окажутся неконкурентоспособными, их не столь набожные, но более грамотные сверстники займут все посты и должности, все престижные и высокооплачиваемые рабочие места. Они будут проигрывать в бизнесе, который требует гибкости и толерантности, это я вам гарантирую как экономист, они не смогут быть госслужащими высшего ранга из-за недостаточного знания русского языка и законов. Они привыкли слушать и исполнять и не привыкли все ставить под сомнение. Они не виноваты, их так учили. И что, по-вашему, произойдет дальше, когда эти ребята поймут, в какой ситуации они оказались? Представить легко. Они будут «восстанавливать попранную социальную справедливость» такими методами, какие посчитают нужными, ведь другого выбора у них не останется. Дай Бог нам к этому времени иметь грамотных религиозных лидеров, которые скажут им: «Ребята, учеба религии не мешает». Должен появиться такой религиозный лидер, что загонит всех этих молодых людей в интернет-класс, а не будет держать их только в мечетях… Надеюсь, что к этому моменту у нас будет сильная правоохранительная структура и организованное общество. Но, скорее всего, никакого организованного общества у нас не будет, никто не почешется. И тогда, учитывая еще и извечную трудоизбыточность нашей республики, появится огромное количество пассионарных молодых людей без специальности, без работы и без копейки в кармане. И тут стоит только какому-то демагогу перевести фразу «отнять и поделить» на арабский язык, как начнется такое!.. У нашего общества вопросов возникнут тогда большие проблемы, потому что такие ребята будут как раз организованы очень хорошо.

– Сейчас в пяти областях России в обязательном порядке введен школьный предмет «Основы православной культуры». Что за этим последует?

– Наши могут тоже ответить, причем, уверен – крайне неадекватно.

– Введут в школах новый предмет? Будут изучать только ислам, а преподавать станут выпускники исламских университетов? Ведь каждый год множество молодых людей (в исламских учебных заведениях республики обучается свыше четырнадцати тысяч человек; в вузах – около трех тысяч; в филиалах – более двух) получают соответствующий диплом, и их необходимо как-то трудоустроить. Значит, они пойдут преподавать. Или на общественных началах просвещать детей. А это даст непредсказуемые результаты. Мне пришлось разговаривать с мамой пятиклассника, которому школьные товарищи надавали по голове за то, что он во время уразы на перемене жевал бутерброд. Да, нельзя задевать чувства верующих, но почему никто не заботится о чувствах атеистов?

– У нас очень любят ругать Америку, но там ни один человек не почувствует того, о чем вы сейчас говорите. Я там был и сужу не с чужих слов. Цивилизация, капитал, успех приходят туда, где государство умеет отрегулировать эти сложные вопросы. А у нас своих препон хватает, так мы еще и искусственно их создаем. В тех же самых Арабских Эмиратах ведь очень терпимое общество, работают любые клубы, увеселительные заведения. Мы закукливаемся под предлогом сохранения национальных особенностей и какой-то особой, только нам присущей, нравственности. Если мы хотим быть богатыми и процветающими, нужно сделать так, чтобы на нашей территории легко и свободно себя чувствовал кто угодно. Мы должны хотя бы попытаться сделать Дагестан не задворками цивилизации, а ее центром. Дагестан ведь – это пересечение Севера и Юга, Запада и Востока. При мудрой политике это – огромный плюс, а при глупой – извечные конфликты народов, религий, культур.

Я был бы очень рад, если бы духовные лидеры призывали свою паству к изучению языков и культур всех народов, к терпимости. Но самое главное, и я не устану это повторять, к уважению и соблюдению законов той страны, в которой все мы живем. Иначе всех нас захлестнет хаос. Но справиться с этой задачей ни духовные лидеры, ни государственная власть без участия и активного, подчеркну, участия всего общества не смогут. Ведь главная проблема в том, что в Дагестане отсутствует гражданское общество – то есть общность людей, согласившихся на соблюдение каких-то правил общежития. И национальность, и религиозность человека в гражданском обществе не имеют никакого значения. Религия без фанатизма несет в себе человеку массу положительного. Но на этом свете мы в своем государстве, в первую очередь – граждане, а потом уже – все остальное. Но это уже другая тема.

БЛАГО ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ И ПОПУСТИТЕЛЬСТВО

Гази ГАСАЙНИЕВ

– Знаешь, сколько денег у нее на счету? – полушепотом спросил управляющий сберкассой, когда из его кабинета вышла вкладчица. – Тридцать шесть тысяч рублей, – торжественно-доверительно назвал он цифру и попросил: – Смотри, никому ни гугу. (Как же: тайна вкладов!)

Было это четверть века назад. За такие деньги тогда можно было купить шесть автомобилей последней модели ВАЗ. Если учесть, что тогдашний рубль по покупательной способности иначе соотносился с сегодняшним долларом, станет ясно, что женщина была не из бедных.

Ну и что с того, спросит иной читатель, и тогда были состоятельные люди. Да, были. Пикантность же приводимого примера заключается в том, что женщина та была… попрошайкой. Она и в дождь, и в зной годами сидела в грязи у входа на рынок с протянутой рукой. И выпросила-таки у сердобольных сограждан целое состояние. Она и сейчас там сидит – побелевшая, постаревшая, но верная своей «профессии». Не знаю, какой цифрой измеряется ее сегодняшнее состояние. Известно только, что те ее деньги сгорели, как и вклады миллионов ее сограждан, в горниле перестройки. Впрочем, это – тема для другого разговора.

Попрошайничество сейчас превратилось в индустрию – люди с протянутой рукой встречаются повсюду. Среди них немало тех, кто действительно нуждается, кто по тем или иным причинам не видит и не находит иного способа обеспечить себе пропитание. Такая категория людей достойна сочувствия сограждан и более действенной помощи государства. Речь не о меценатах, способствующих развитию культуры, не о спонсорах, помогающих изданию книг и т.п. Речь здесь о другой категории, о тех, кто протянутую руку превратил в инструмент бизнеса.

Как и представители любой профессии, попрошайки профессионально растут, развиваются, совершенствуют искусство выбивания денег из чужих кошельков. Иногда диву даешься их изобретательности. И наглости. Более пятнадцати лет назад, заразившись объявленной тогда свободой предпринимательства, мы вместе с товарищами повезли в сибирскую тайгу продукцию наших полей. По приезду разбрелись по разным деревням. На второй день к нашему грузовику подъехали «Жигули» с дагестанскими номерами. Двое молодых людей, вышедшие из них, объяснили, что они такие же коммивояжеры, как и мы. Только, земляки, сказали они, нам нужна ваша помощь. У нашего КамАЗа сломалась коробка передач, машина стоит в лесу, продукция портится, на запчасти нет денег. Займите, слезно умоляли они, если успеем – вернем здесь же, если не успеем – вернем по приезду в Дагестан. Как в этой ситуации не помочь землякам!? Дали мы им денег. Они записали наши адреса, обещали непременно вернуть долг, да еще и с шашлыком в придачу. Но на следующий день выяснилось, что с такой же легендой о поломанной машине и с мольбой о помощи они обратились и к нашим товарищам, торговавшим в соседнем населенном пункте, что и они им дали денег. Надо полагать, такое же сочувствие изобретательные попрошайки нашли и у других дагестанцев, коих раскидано немало по всей нашей необъятной родине. Понятно, что ни денег, ни «земляков» мы больше не видели.

А вот пример более свежий, но касающийся наглости попрошаек. Недавно стал свидетелем такой сценки. Молодая дородная женщина стоит с протянутой рукой возле рынка в «Узбекгородке». Проходящая мимо пожилая женщина, вся седая (видимо, не столько от прожитых лет, сколько от пережитого), положила в протянутую ладонь монету. Вместо того чтобы поблагодарить, попрошайка не на шутку обиделась. «Если не можешь дать хотя бы 10 рублей, зачем тогда позоришься», – отчитала нахалка потерявшую дар речи сердобольную женщину.

Раньше о баснословных доходах цыган

ходили легенды. Видимо, не без основания, потому как в этот вид бизнеса включились и люди вполне респектабельные. Другие же респектабельными стали благодаря такому бизнесу – деньги ведь не пахнут. И протягивают уже не руку, а кое-что повместительнее.

Многочисленные ходоки обивают пороги руководителей государственных учреждений, организаций, частных фирм и предпринимателей с просьбой дать средства на что-нибудь, чаще всего на строительство мечети. За последние 10-15 лет их количество выросло в десятки раз. Сейчас трудно найти населенный пункт, где бы не было «дома Аллаха». В некоторых, даже в некрупных, селах их по нескольку, уже есть примеры строительства сугубо семейных мечетей. Радоваться бы надо, но… На какие средства они построены или строятся? Нередко на средства из той же протянутой руки. Узнать бы у руководителей городов и районов, различных ведомств, известных своей благотворительностью, других людей, охотно «отстегивающих» в протянутые руки, во что им обходится чужая благотребовательность. А ведь не станешь контролировать, действительно ли на строительство мечети пошли все выпрошенные средства, или они были потрачены и на другие, менее благовидные и приземленные дела.

Почему-то никто никакие пороги не обивает и не клянчит денег на строительство школ, которых в наших городах, и в селах тоже, катастрофически не хватает. Не стоит затевать спор о том: школа важнее или мечеть. Нужны и те, и другие, но только в разумных пропорциях. Сейчас почти в каждом городе количество мечетей, и даже вузов и их филиалов превышает количество школ. Казалось бы, так быть не должно, но это так. Объяснение этому дагестанскому феномену не в том ли, что и мечети, и вузы (их филиалы) – это просто бизнес. И бизнес не хилый. Вот их и развелось.

Все больше людей требуют (именно требуют, а не просят) денег на выпуск книги, на покупку жилья, на женитьбу любимого отпрыска, – да мало ли на какие еще нужды. Такая благотребовательность становится национальной чертой характера. Район требует денег у республики, республика – у федерального центра, страна – у международного валютного фонда. Справедливости ради надо отметить, что в последнее время Россия не только перестала просить деньги, но и начала возвращать старые долги. Появилось ласкающее слух словосочетание – профицит бюджета. Золотовалютные запасы страны пополняются невиданными доселе темпами. Но на жизнь простых граждан эти обстоятельства влияют не с той быстротой, на которую простые граждане надеются.

Почему так? Почему в других странах состоятельные люди добровольно вносят денежные средства в благотворительные фонды, а у нас у дверей потенциальных благотворителей выстраивается толпа благотребователей? Почему люди так охотно выставляют свою нужду напоказ? Не потому ли, что это и не нужда вовсе, а порожденная многолетней советской действительностью привычка и надежда прожить на халяву – воруя у государства, не работая, но делая вид, что работаешь, и т. п. Истинная нужда ведь всегда стыдлива.

Известно еще, что незаработанные деньги портят – как граждан, так и руководителей организаций, районов, территорий. Получив однажды такие деньги, человек захочет получить их еще и еще раз, причем в еще больших и больших размерах. При этом дистрофируются чувства стыда, меры, развиваются алчность, наглость, вседозволенность. Если проанализировать причины возникновения терроризма, то выясняется, что попрошайничество, благотребовательность, развившись, плавно переходят в вымогательство. А терроризм – это высшая форма вымогательства, когда группа людей захватами заложников, убийствами и взрывами диктует свои условия – экономические ли, политические ли. То есть, такими методами требуют себе блага. За примерами далеко ходить не надо – дагестанцы пережили захваты и самолетов, и больниц, и даже представителей международных гуманитарных организаций.

Из всего вышесказанного следует только одно: благотворительностью заниматься тоже надо уметь. Вкладывая без разбору рубли в каждую протянутую руку, мы тем самым поощряем этот вид деятельности. Менталитет наших людей таков, что многие думают: если таким способом кто-то зарабатывает себе на жизнь, то почему бы и мне не попробовать? Вот и пробуют целыми толпами – сейчас на каждом оживленном махачкалинском перекрестке попрошаек не меньше, чем машин.

Наивно полагать, что от попрошаек можно избавиться по мановению волшебной палочки. Хотя в качестве волшебной палочки и выступает рынок с его разумными формами хозяйствования, наше многолетнее пребывание в плановой экономике и идеологическая зашоренность чуть ли не на генетическом уровне подорвали веру людей в собственные силы. Вот почему многие, вместо того чтобы взять удочку и самим ловить рыбу, просят ее у государства.

А ведь зачастую и получают – правительство страны стало самым главным и щедрым благотворителем. Во всяком случае, для дагестанцев. Мало того, что львиную долю бюджета составляют дотации из федерального центра, оно, правительство, еще и глаза закрывает на то, что у нас чуть ли не каждый второй или инвалид, или пенсионер. Но это – пока закрывает. Не может долго продолжаться, что большая часть бюджетных денег оказывается не там, куда они предназначались.

Сейчас страна после перестроечной лихорадки экономически выздоравливает. Везде требуются рабочие руки. А между тем тот же менталитет наших людей славен трудолюбием. Пора нам, требующим и дарующим, избавляться от самой пагубной советской привычки к иждивенчеству. Пора не на словах, а на деле помнить, что чувство собственного достоинства, – это то самое, что отличает порядочного человека от приспособленца.

Магомед СУЛЕЙМАНОВ: ПРОФЕССИЯ КАК СУДЬБА

Марьям ХАЛИМБЕКОВА

Невольно вспоминаю слова Лермонтова, что история одного человека гораздо увлекательнее и поучительнее, чем история целого народа. Магомед Магомедович Сулейманов воплотил в себе лучшие качества настоящего врача и дагестанца. И это не традиционная посмертная хвала с неизбежным преувеличением достоинств. Кажется, сколько ни говори об этом человеке благодарных слов, все будет мало.

Я практически выросла на маминых рассказах о нем: он поднял ее на ноги во время болезни и ненавязчиво опекал, «вел» ее очень долго и после завершения лечения. Такова была его особенность: взяв на себя раз ответственность за другого, он продолжал нести это бремя, не показывая, однако, что это – бремя.

Я видела его всего лишь раз в жизни, когда мне было лет 8, но его нестандартность поразила даже мое детское сознание. Он не шел, а парил по улице – подтянутый, стремительный, одетый с иголочки, источающий немыслимые благоухания и улыбки. С моей мамой он тогда проговорил минут пять, а я, открыв рот, завороженно смотрела на удивительного дяденьку, смутно понимая, что впервые столкнулась с чем-то действительно необычным. До сих пор вспоминаю эту встречу и все еще поражаюсь обаянию и магнетизму этой личности, умевшей сразу привлечь и увлечь за собой людей. Просто жадный до жизни человек, он спешил заразить этой жаждой и других, пресытившихся или отчаявшихся. При лечении душевных недугов его работа была ювелирной, не говоря уже о том, что это был высококлассный профессионал, вносивший максимум поэзии в суровые медицинские будни.

В наступающем году исполнится 15 лет, как его не стало; он, всю жизнь призывавший «убивать в себе раба», в конечном счете и был убит рабами. Его убийцы не найдены и, наверняка, никогда не будут найдены, но уж, наверняка, они прокляты таким количеством людей, что проклятие неминуемо их настигнет. Потому что я свято верю в закон воздаяния: вернулась же Магомеду Сулейманову его любовь к людям их долгой, доброй памятью…

Я беседовала с родными, друзьями, коллегами Магомеда Магомедовича, и пусть читателя не смущает идеальность получившегося образа: совершенных людей, может, и нет, но совершенные врачи есть точно.

Магомед Магомедович Сулейманов, врач высшей категории, уроженец сел. Нижний Батлух Советского района; после окончания в 1975-м году Дагмединститута 3 года проработал в Калужской области; вернувшись домой, работал в различных медицинских учреждениях; пройдя конкурсный отбор, возглавил Республиканский диагностический центр, во дворе которого 13 февраля 1992-го года и был убит.

«Мудрость мира, величие Аллаха состоит и в том, что среди огромной массы людей выделяются отдельные личности, более яркие, с присущими им высокими чертами характера, с благородными устремлениями, с решительными действиями в интересах людей, во имя благополучия всех окружающих…

Они рождены для людей, чтобы добрым словом облегчить их горе, своими действиями зажечь в их сердцах огонь надежды, всегда быть рядом с ними, а когда наступит время и необходимость, возглавить их и вести по правильному пути…» (Г. Галиев).

Альпият СУЛЕЙМАНОВА, жена:

С Магомедом мы познакомились в мединституте, где учились в одной группе. Как я узнала позже, он с детства мечтал поступить в литинститут. Магомед любил поэзию, пробовал творить сам. Его любимыми авторами были Лермонтов, Цадаса, которых он часто цитировал. Он печатался в местных газетах, сверстники и многочисленные родственники называли его «наш Гамзатов», но сам он достаточно критически относился к своим творениям, да и отец настаивал на профессии врача…

Магомед особенно не выделялся среди своих ровесников: обычный сельский парень. Но уже тогда он усиленно работал над собой, может, несколько комплексуя перед городскими студентами, и это стремление к самосовершенствованию осталось у него на всю жизнь. Кстати, преподаватели называли

его «философом» из-за стремления осмыслить и пропустить через себя всякую информацию. Во время учебы мы сдружились; меня, конечно, подкупали его благородство, рыцарская манера ухаживания. Женились мы на шестом курсе. По распределению после учебы попали в Калужскую область, в город Медынь, где Магомед стал районным терапевтом.

Основное население в русской провинции – старики, которых обычно не удосуживаются брать в больницы во избежание хлопот. С приходом Магомеда все принципиально изменилось: больным он уделял максимум внимания, носил их на руках (в прямом и переносном смысле). При одном его появлении пациенты, которые до этого жаловались на свои болячки, невольно подтягивались, начинали улыбаться.

Под начальством Магомеда отделение заняло первое место в больнице, чего раньше здесь не случалось. Помимо врачебной практики он активно участвовал в самодеятельности, танцевал и пел на праздничных концертах, поражая воображение местного населения чисто дагестанским огненным темпераментом. Когда пришло время уезжать, все пациенты плакали, и сам Магомед был заметно подавлен, хотя эти три года были очень тяжелыми для молодого, еще неопытного врача.

В Дагестане его ждала работа в санатории «Талги», которая после перенасыщенных лет в районной больнице показалась ему чересчур спокойной. Работал он и в медсанчасти строителей, и в санатории «Каспий», и в других местах, где выкладывался с одинаковым пылом: иначе просто не мог. Работоспособность его не знала границ: он составлял подробные конспекты заболеваний, без конца штудировал специальную литературу, стараясь быть в курсе новостей медицины, а состояние своих пациентов прослеживал до самого излечения и даже после, так что число опекаемых им людей неуклонно росло.

В коллегах Магомеда всегда неприятно удивляло формальное отношение к своей работе и отсутствие элементарной врачебной этики: он, например, никогда не позволял себе при пациенте ставить под сомнение диагноз и методы лечения другого врача.

Его жизненным девизом было «Убей в себе раба!», и он оставался верен ему в любых ситуациях, сохраняя человеческое достоинство и уча этому своим примером и остальных. Отбросив ложную скромность, отмечу, что его отличала честность во всем, повышенное чувство ответственности, уважительное отношение к старшим. Кроме высоких профессиональных качеств, он обладал чисто человеческим талантом – умением радоваться жизни и любить все ее проявления, поэтому он неизменно становился душой компаний, заразительным заводилой. Люди к нему тянулись, и для каждого у него находилось и доброе слово, и умение выслушать, и способность помочь. Даже будучи депутатом, на заседаниях Народного собрания он занимался решением чужих вопросов; каждая его минута была расписана, и он немыслимым образом умудрялся все успевать и всем помочь.

Врачом он оставался не только в рабочее время. Будучи в гостях в моем родном Карабудахкенте, он неизменно обходил всех моих родственников, выслушивал их жалобы, а в последующие приезды появлялся уже с купленными для них лекарствами. Его с гордостью называли «наш зять». Вместе с моим отцом он объезжал все селение и с неистощимым терпением и сочувствием выслушивал каждого, помогая по мере своих сил и никогда не роптал на отсутствие отдыха. Такие же «стихийные» приемы он устраивал и в своем родном Батлухе, каждый раз приезжая туда с огромными пакетами лекарств: он считал, что его врачебная миссия может считаться выполненной только тогда, когда медикаменты куплены им лично и доставлены самому больному. После гибели в его рабочем кабинете нашли такие же пакеты, приготовленные для отправки в селение. Кстати, его именем названа школа на его родине.

Как врача до мозга костей его характеризует такой случай. Как-то он вернулся домой поздно вечером в большом возбуждении: оказалось, на него напали грабители, и он хорошенько отделал их (Магомед с юности занимался боксом). Когда злость прошла, Магомед не на шутку разволновался, что переусердствовал и те негодяи могли серьезно пострадать: врач, как всегда, победил в нем простого смертного, реакция которого, как понимаете, была бы в подобном случае совсем другой.

Страстью Магомеда была литература, наш дом постоянно пополнялся книгами, которые он вез из всех командировок. Магомед часто упражнялся в декламации и привлекал к этому наших детей, так что ни одно застолье не проходило без этого. Даже во времена немыслимой загруженности он много и с упоением читал и создавал собственные художественные произведения (к сожалению, из них не сохранилось почти ничего). Его родное селение Батлух вообще отличается писательскими дарованиями, на его похороны многие пришли с сочиненными в его честь скорбными стихами. Магомед, с его обостренным чувством горского достоинства, никогда не принимал кумыкского обычая, по которому мужчины приходят в дом умершего с громким плачем. Если бы он только видел, как на его похоронах мужчины плакали, не стыдясь своих слез! Удивительно, но даже спустя годы о Магомеде говорят как о живом.

Как-то Магомед посетовал в беседе с одним устазом, что не всегда совершает положенные намазы, на что тот ответил: «То, что ты успеваешь сделать для людей за день, можно приравнять к ста намазам».

Лилия ДЖАМАЛУТДИНОВА, сестра жены:

Алла (Альпият) до десятого класса жила за пределами Дагестана, потому ей было непонятно и дико нежелание наших родителей выдавать ее за человека другой нации (не кумыка). Впоследствии Магомеду довольно долго пришлось доказывать правильность ее выбора.

Первый раз я увидела его на виноградниках, угловатого, неприметного, но с запоминающимся взглядом: умным, пытливым. Когда мы поселились с сестрой в общежитии в Махачкале, он часто навещал нас, невольно располагая своей сдержанностью, строгим следованием горскому этикету и, конечно, трепетным отношением к Алле. В этих встречах он постепенно раскрылся как глубокий знаток литературы и человек, не устающий совершенствовать все свои навыки. Личная планка у него всегда была очень высокой, и он не переставал ее постоянно поднимать.

После Медыни Магомед работал одновременно в нескольких местах, выкладываясь до последнего из-за неумения делать что-то наполовину и из-за стремления обеспечить семью. Времена были нелегкие, но их дом всегда был полон гостей: врачи, художники, писатели… Будучи по натуре очень организованным и собранным, Магомед позволял себе отвлекаться и расслабляться только с помощью искусства.

Импульсивный, эмоциональный, такой чуткий к чужой беде!.. Помогая, он делал это настолько деликатно, что создавалось ощущение, будто проблема разрешалась сама собой. Так, например, когда я особенно остро нуждалась, он предложил мне работу в своей газете, а когда я однажды одолжила у него крупную сумму для поездки заграницу, он отказывался брать у меня деньги назад, так что пришлось подключить Аллу. Он всегда ненавязчиво опекал меня, а на все пикники брал неизменно и свою семью, и меня с детьми; детей обожал, но без сюсюканья, и в играх с ними сам превращался в ребенка. Своим детям – Мадине и Шамилю – уделял много времени, невзирая на всегдашнюю занятость. Был с ними строг и требователен, мог намеренно задеть их за живое с тем, чтобы раззадорить и побудить к нужным действиям. И одновременно мог отчаянно резвиться с ними, как мальчишка, далекий от напыщенной солидности и лоска.

Годы, проведенные в Медыни, не прошли для него бесследно: обладая сильно развитым национальным самосознанием, он, однако, постоянно сравнивал человеческие отношения там и на родине, и эти сопоставления не всегда были в пользу последней. К тому же к его врожденной интеллигентности прибавилась, скажем так, интеллигентность приобретенная. Сказывались также внутренняя культура и органичность, идущие от близости к природе, самому естеству, присущие большинству сельчан. Тут и гены сыграли свою положительную роль: родители Магомеда всегда были исполнены чувства собственного достоинства и врожденного такта, влекущих за собой, как следствие, уважение к частной жизни других, нежелание совать нос не в свои дела. Недаром Магомед с таким трепетом относился к своей семье.

Смутный период 90-х он встретил с оптимизмом и верой, потому что новая эпоха, казалось, сулила освобождение от самого ненавистного – от духовного порабощения. А Магомед всегда, даже в самые застойные времена, не гнул ни перед кем спину и не кривил душой: он попросту этого не умел.

Отдыхать он умел так же самозабвенно, как и работать, причем своим весельем он умел заразить каждого. Вспоминается свадьба моего младшего брата, когда он лихачил (слегка!) на машине, заставляя нас визжать от страха и удовольствия, а потом на свадьбе он от души плясал и пел, нисколько не смущаясь отсутствия совершенного слуха. И таким блистательным, ярким, жизнерадостным он был на всех посиделках!

Он был естественным, непосредственным, органичным человеком, умевшим быть и шаловливым ребенком и мудрым взрослым, – человеком, любившим жизнь и улучшавшим эту жизнь другим, сутки напролет лечившим других, самому болеть было просто некогда.

«…Врачи лечат больных различными процедурами и таблетками. Но лучшим лекарством для многих больных были бы забота и нежность близких людей». (М. Сулейманов)

Зазико ХАЛИМБЕКОВА, бывшая пациентка:

Мое первое знакомство с Сулеймановым состоялось в 1985 году, когда он работал в поликлинике строителей. В тот период он практиковал и гипноз и любезно согласился «вести» меня.

Во всяком лечении главное – верить в то, что ты делаешь, и я верила, не верить этому человеку было невозможно. Дошло до того, что мне было достаточно зайти к Магомеду Магомедовичу в процедурный кабинет, лечь, расслабиться, и у меня сразу снималась тахикардия, уменьшалось давление еще до его прихода. Постепенно я научилась владеть собой, стала приходить в поликлинику раз в неделю, а затем и в месяц. По любому поводу (в отношении здоровья) я обращалась к Магомеду Магомедовичу, и он тут же шел со мной к специалистам, заставлял проверить ся, чтобы доказать, что я совершенно здорова, только нестабильной была нервная система.

Магомед Магомедович даже дал мне свой домашний телефон на случай, если вдруг понадобится помощь. Я ни разу так и не воспользовалась этой возможностью, однако одно сознание, что я в любое время могу это сделать, действовало сильнее любого успокоительного.

По его же совету я поехала в санаторий «Каспий», и там однажды встретила Сулейманова на пляже; он объяснил, что приехал на встречу выпускников. Моя соседка по лежаку после его ухода начала его хвалить как очень внимательного и грамотного врача: оказалось, однажды он даже спас ей жизнь во время сердечного приступа, когда гостил в Карабудахкенте.

– Он такой внимательный, – продолжала знако-

мая, – вот и теперь он приехал сюда, как признался мне, специально для того, чтобы узнать состояние одной своей пациентки.

«Уж не мое ли?!» – пронеслось у меня в голове, и догадка моя позднее подтвердилась. Это всего лишь один эпизод из жизни врача Сулейманова, а таких эпизодов была уйма.

По счастливой случайности Магомед возглавил тургруппу по семейным путевкам, направлявшуюся в Болгарию. В основном были женщины с детьми. Сервис был не на высоте: было только 4 купе, которые заняли пожилые женщины с детьми, а остальные места – плацкартные. Сам Магомед – руководитель группы – из-за нехватки мест занял самое неудобное – полку для багажа («третий этаж»).

В первый же день по прибытию мы отправились на ужин в ресторан, где уже освоились группы из разных регионов СССР. Вдруг в зале появился мужчина (как оказалось, директор ресторана) и объявил, что среди вновь прибывшей группы из Дагестана есть именинница, которой по традиции ресторан преподносит бутылку шампанского. Мы переглянулись с Барият, моей племянницей: ей в тот день исполнилось 15 лет, но мы и подумать не могли, что эти поздравления в чужой стране среди чужих людей предназначались именно ей. Букет гвоздик преподнес и Магомед (именно он сообщил директору ресторана о событии), а когда наши женщины предложили скинуться и возместить его затраты, он оскорбился.

Был и такой случай. В те годы, в середине 80-х, у нас в стране не было ночных баров, а нам, женщинам, жутко хотелось посмотреть на эту «гримасу капитализма». Таких любопытных было трое, мы скинулись по 200 левов и в последние дни тура собрались в бар, решив взять в качестве провожатого Магомеда. Мы знали, что у него к тому времени денег уже не было, – женщины, зная его манеру платить за всех, уговорили его купить жене дорогой подарок еще в начале отдыха, – и попросили его составить нам компанию. Он извинился и отказался, а на нашу реплику, что мы не на родине и каждый будет платить за себя, ответил: «Дагестанец и вне Дагестана должен оставаться дагестанцем, а вас, женщины, за ваш же счет я в бар не поведу!» Оставался один день до возвращения домой, тратить деньги времени не оставалось, и я купила на них себе браслет. Спустя столько лет, надевая этот браслет, я сразу вспоминаю этот эпизод.

В Болгарии Магомеду не раз приходилось применять свои профессиональные знания. Так, прыгнув неудачно в бассейн, один наш мальчик рассек лоб, и Магомед оказал ему первую помощь, тут же поймал машину и сам отвез в больницу, в Варну. Когда ночью другой ребенок проснулся от острой боли в грудине, и его мать забила тревогу, доктор Сулейманов дал точный диагноз – миозит, сделал растирания, и малыш заснул прямо на его руках. Наутро рентген подтвердил диагноз. А одной из женщин он незаметно для нее самой, играючи, вырвал зуб, мучавший ее две ночи подряд, – и это он умел делать!

Почти через год после возвращения у меня повторился приступ неврастении: резко подскочило давление, меня охватил ужас. Я мысленно прощалась со всеми, а мама, как положено в таких случаях, читала молитвы и рвала надо мной ткань. И тут я услышала знакомый голос во дворе и, еще не осознав до конца, кому он принадлежит, сразу почувствовала облегчение: да, это был Магомед, мое спасение! Войдя в комнату как ни в чем не бывало, он сразу сказал, что со мной ничего серьезного не происходит, и даже не померил давление. Он «заболтал» меня так, что я, еще недавно умиравшая, уже сидела в постели и улыбалась. Благодарение Богу, что Магомед, работавший в Минздраве, дежурил раз в неделю на «скорой» (чтобы не потерять «форму»), и что именно в эту ночь он был на посту!

Прошло 4 года. Я больше не обращалась к нему как к врачу, потому что не было надобности, но с интересом следила за его политической карьерой. Однажды ко мне заглянула соседка и сообщила, что убили самого главного в диагностическом центре и что в сторону площади идут женщины в черном, с плакатами и фото убитого. Я не придала особого значения этой новости, но через полчаса позвонила племянница, ездившая со мной в Болгарию, и велела срочно включить телевизор: на весь экран передо мной предстал портрет Магомеда Сулейманова в черной рамке.

Я скорбела по нему, как по самому близкому человеку, и до сих пор оплакиваю его. Какое сердце перестало биться! Какого гражданина потеряла республика! Какого врача потеряли больные! Какого человека потеряла его семья!

«У него не было ни малейших признаков высокомерия и спеси по отношению к своим коллегам… Он не считал для себя зазорным спросить совета, прислушаться к мнению коллектива. Относился к той категории людей, которые жили по принципу: «делай, что умеешь, говори, что знаешь»… (Отзыв коллектива Республиканского диагностического центра).

Асият СУГУРБЕКОВА, коллега:

С Сулеймановыми мы дружили семьями около 10 лет, и я с полным правом могу утверждать, что Магомед – самый что ни на есть настоящий Данко с пылающим сердцем, человек, необычный во всех отношениях. Ему радовались, к нему тянулись абсолютно все: равнодушным он никого не оставлял, внушая как самую горячую любовь, так и ненависть людям, которых людьми назвать трудно.

Это было настоящее солнышко: жаркое, неистощимое… Однако его доброта никогда не оборачивалась слабостью: он был истинным борцом и умел отстоять не только себя, но и окружающих. Его неуемная энергия гнала его из кабинета в кабинет, от пациента к пациенту, – и все это с неизменным чувством юмора, неподражаемо заразительным смехом. Ему было достаточно одного взгляда на человека, чтобы определить, что что-то не так, и попытаться помочь с только ему свойственным тактом. Каждый раз на 8 Марта меня ждал букет в моем кабинете, и я, заходя к Магомеду, шутила: «Ты случайно не знаешь, что за дурак оставил этот веник у меня на столе?» На что Магомед парировал: «Да, только дурак мог сделать тебе подарок!» И так мы пикировались постоянно, благо, чувство юмора у него было великолепное. Он постоянно организовывал какие-то конференции, шумные обсуждения, застолья…

Наши с ним кабинеты были рядом, и стоило

какому-то излишне эмоциональному посетителю поднять на меня голос, как тут же появлялся Магомед и уводил его, беря, как всегда, на себя разрешение проблемы. Когда я лежала на сохранении, он постоянно присылал мне разные подарки, беспокоился обо мне, но сам не приходил, так как не подобает дагестанскому мужчине посещать роддом. А горский этикет Магомед знал, как никто другой!

На профосмотрах был беспощаден: не прощал поверхностности, присущей подобным проверкам, разносил нас в пух и прах, а затем обиженных нас вез куда-нибудь за город отдыхать. И при всей той горячей любви, которую он источал и в которой купался, он был на редкость преданным мужем, за свою непогрешимость прозванный в шутку «железняком». А к родителям, особенно к матери, он относился с такой трепетной нежностью, что даже целовал при нас их письма, – он, такой мужественный, такой сильный!..

Больше всего Магомед не любил непорядочности, лицемерия, но всегда давал оступившемуся шанс. Он никогда не держал на людей зла, все выкладывал в лицо, и начальство вынуждено было с ним считаться.

Пациенты обожали его, даже из других городов России приезжали на лечение специально к нему. Кстати: он навсегда запоминал всякого, кто хоть раз приходил к нему на прием. Не раз он выставлял больных, приходивших к нему с подарками: люди не могли поверить, что можно быть настолько отзывчивым совершенно бескорыстно. Когда он стал у нас заведующим терапевтическим отделением, наша поликлиника впервые за годы своего существования получила переходящее Красное знамя. Незабываемый, неповторимый период, когда мы все были молоды, а Магомед был жив!

Каждый год, 13 февраля, мы, старые работники поликлиники, ставим на стол любимый Магомедом аварский хинкал и коньяк и вспоминаем то фирменное «сулеймановское» время, когда мы ненавидели выходные, а на работу спешили, как на праздник…

Аминат ДЖАМАЛУТДИНОВА, коллега:

В нашей медсанчасти строителей Магомед проработал около 5 лет, и это было счастливое для всего коллектива время, которое вспоминается с щемящей ностальгией.

Магомед умел быстро сориентироваться в любой ситуации, принять единственно нужное решение. Живой, энергичный, он вел за собой людей, так что рядом с ним все мы казались себе значимыми, талантливыми; его масштабность не подавляла, а возвеличивала, вдохновляла нас.

Он был очень импульсивен, но отходчив и справедлив. Память у него была просто феноменальная, он схватывал все на лету, а подготовить яркий, содержательный доклад ему ничего не стоило. Он всегда владел темой беседы, умел найти нужные слова, причем грамотность у него никогда не переходила в занудство.

Он вкладывал максимум сил во все, что делал, и подчас наталкивался на непонимание в силу своей бескомпромиссности. В то же время в конфликтных ситуациях он проявлял очень тонкую дипломатию и гасил противоречия на корню. Работа Магомеда, ее способы и методики служили нам настоящей школой. Будучи заведующим терапевтическим отделением, он брал на себя полную ответственность в самых затруднительных случаях, когда врачи колебались в средствах лечения, они были за ним, как за каменной стеной. Отделение при нем работало слаженно, эффективно, так что внештатных ситуаций не возникало.

Коллектив у нас был молодой, сплоченный, и Магомед охотно поддерживал все наши «внеурочные» мероприятия. Он не допускал скуки, придавал яркий окрас всякой, даже самой незначительной работе, что подкупало и заряжало всех. Жизнь вокруг него бурлила, поэтому весть о его гибели повергла всех нас в шок. Именно мы организовали демонстрацию протеста. Потрясло то, что убили именно врача – человека, отдающего себя людям. Тем более такого врача, как Магомед, альтруиста и трудоголика. Думаю, для него даже не стоял вопрос о том, что на первом месте – дом или работа: ей он посвящал все свои силы. И вот такая духовная махина, такая сила оказалась бессильной перед чьей-то подлостью. Думаю, его убила именно зависть мелких, ничтожных людишек.

В этом человеке было все: чисто горский колорит, светская образованность, мужество и душевная тонкость; это самая яркая личность на моей памяти. Сколько лет прошло, а он перед глазами как живой: иначе его и невозможно представить.

Мина АТАЕВА, коллега:

Я долгое время работала в Новгороде, но, конечно, хотела вернуться на родину, и такая возможность вскоре представилась: в диагностическом центре на конкурсной основе набирали штат. Так я познакомилась с Магомедом, он показался мне очень строгим и требовательным: сам подбирал кадры для своего будущего коллектива.

Что я могу сказать о нем? Такого уважения, как к нему, я ни к кому не испытывала и, наверное, уже не испытаю. Он приложил все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы создать не только высокопрофессиональный, но и сплоченный коллектив, а это, как понимаете, зависит именно от руководителя.

Меня всегда поражало, как этот самородок из далекого селения постоянно стремился вникнуть во все не известное ему, вплоть до обращения с новейшим сложным медицинским оборудованием. На ежедневные пятиминутки он приходил тщательно подготовленным; это ощущалось так явственно, что заставляло постоянно подтягиваться и нас.

Настоящий мужчина, на которого всегда можно было положиться, он постоянно повторял нам, коллективу, состоящему в основном из женщин: «Я на вас надеюсь!» И мы готовы были горы свернуть только ради того, чтобы не разочаровать его. В свою очередь, он всячески опекал нас, умудряясь каждому уделить внимание, помочь словом и делом, и, благодарные, мы работали с удвоенной силой, – счастливое время всеобщего энтузиазма и душевного подъема!

Когда произошла эта ужасная трагедия, мы все погрузились в траур: так не по всякому родственнику скорбишь! А побывав на кладбище в его родном

Батлухе, я как никогда остро ощутила невосполнимость и несправедливость этой потери: подрезать крылья такому жизнелюбивому, честнейшему человеку! Хотя… А мог бы он, со своей рыцарской натурой, прижиться в нынешнем времени?

Вряд ли…

«Справедливости вообще нет... Неужели это стало системой в Дагестане? И я еще в России находил несправедливость?! Там рай, а это – ад, и я сгину тут, так как совершенно не могу лицемерить, подхалимничать и хитрить. Сколько несправедливости на каждом шагу, просто невероятно!» (М. Сулейманов)

«Люди разучились иметь свое «я» и отстаивать его. У нас не хватает смелости бороться за свои идеи, последовательно добиваться достижения поставленных целей. Все время оглядываются вокруг, ждут мнений и поддержки сверху… Если мы хотим быть свободными людьми, все же, рано или поздно, нам надо перешагнуть через невозможное.

В каждом из нас сидит раб, который боится всего на свете. Да и при социалистическом строе, когда говорили одно, делали другое, а думали иначе, другого и быть не могло. Особенно это рабство проявлялось на работе. Принцип был один: я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак! Я считаю, если раб сидит в человеке, то убить его практически невозможно. Но человеку свойственно мечтать. Вот и я мечтаю, чтобы любой человек стал раскованным, инициативным и внутренне раскрепощенным…» (М. Сулейманов)

«Начальниками всех рангов были, есть, будут у нас люди из номенклатурной обоймы, у которых инстинкт самосохранения является важнейшим, а все остальное второстепенным… Магомед начинал из низов и буквально ворвался на политический Олимп. Не будь новых веяний, прокатившихся по стране, вряд ли система пропустила бы через свой тройной фильтр людей с такими жизненными позициями, как у него.

…Мышление большей части людей остается прежним, на уровне того незабываемого времени, другая часть ударилась в религиозную ортодоксальность, третьи рвутся к власти, четвертые сидят на ней. И надо быть просто идеалистом или сознательно, как камикадзе, идти на верную гибель, как сделал это Магомед Сулейманов, чтобы хоть что-нибудь изменить к лучшему…

Вот с ним и рассчитались, а он заплатил по самому большому счету, оставив своих детей и жену без отца и мужа, а мы остались без своего лидера…» (Отзыв коллектива РДЦ)

Суракат АСИЯТИЛОВ, коллега:

Я знал отца Магомеда задолго до рождения сына, а непосредственное знакомство произошло уже на его свадьбе с Альпият. Именно я был послан сватом в ее дом, а на торжестве выступал в качестве тамады. Затем мы как-то утратили связь. Много позже, заболев, я попал на прием к Магомеду, и с тех пор мы уже не расставались.

Везде и во всем он был на уровне: все, что можно сказать о разносторонне талантливом человеке, можно смело отнести и на его счет. Он с головой был погружен в свою работу, был удивительно эрудированным человеком, причем во многих областях. Нас объединяло обоюдное увлечение боксом, кроме того мы входили в национальное аварское движение «Джамаат»; Магомед свято чтил традиции своего народа, что не мешало, а напротив, помогало ему быть настоящим интернационалистом.

Став депутатом, он никогда не пользовался своим служебным положением ради личных целей, а все открывавшиеся возможности направлял на решение чужих проблем. Магомед создал фракцию депутатов, был всегда на виду, особенно благодаря своим смелым, прямолинейным речам. Его всегда отличали нестандартность и раскованность мышления, столь редкая среди политиков. Например, он предлагал на должности назначать людей только после индивидуального тестирования, ставя во главу угла именно личные качества.

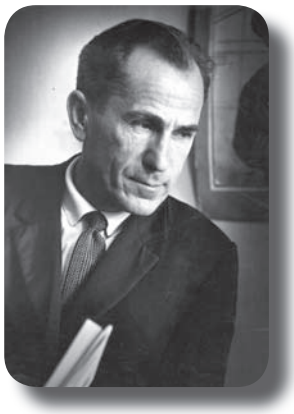
В ту последнюю его зиму на встрече членов «Джамаата» он признался мне, что ему уже давно угрожают. Это было как раз накануне его трагической гибели, всколыхнувшей всю республику. Преступление, с которого в Дагестане началась череда громких убийств, так и осталось нераскрытым.

Джамаатом Батлуха мне была оказана высокая честь после гибели Магомеда представлять вместо него пожизненно их округ, хотя я всегда выступал от другого района. Это необычайно трудно и ответственно – продолжать дело такого человека: настоящего патриота и мужчины, в котором всех талантов и способностей было просто в избытке, через край…

Из письма Леонида Соловьева, друга Сулейманова, его дочери Мадине:

«Твой папа был для меня в Медыни единственным человеком, с которым я мог поделиться самыми сокровенными мыслями, при встрече с которым у меня всегда поднималось настроение, трудолюбие которого меня всегда восхищало. А какая у него была целеустремленность! С каким вниманием он относился к больным, ведь только он один из всех врачей мог, не ожидая санитаров, взять тяжелобольного на руки и отнести его на пятый этаж! А как он восторженно относился к творчеству многих русских поэтов и поэтов Дагестана: мы могли часами говорить о стихах Есенина, Расула Гамзатова. И был он человеком твердого слова. Коль пообещал что-то сделать, обязательно сделает… Расставаясь с ним, я сказал ему: «Верю, что ты станешь со временем большим человеком! Не расслабляйся с годами». Он улыбнулся в ответ и сказал: «Постараюсь оправдать твои надежды…» И он их оправдал, став в родном Дагестане одним из самых уважаемых людей…

Хочется верить, что справедливость восторжествует, что убийцы будут найдены и получат по заслугам. А еще мне хочется побывать на кладбище, где захоронен твой папа, возложить на его могилу цветы и сказать: «Мир праху твоему, дружище!»...



ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ...

Булач ГАДЖИЕВ

М.И. ЧЕБДАР – НАСТАВНИК ЭФФЕНДИ КАПИЕВА

Михаил Иванович Чебдар, художник и скульптор, ставшийся по воле случая в Буйнакске учителем рисования в школе № 1 им. В.И. Ленина, до приезда в Дагестан жил на Алтае. Хорошо изучил край, особенно Телецкое озеро.

В 1922 году переехал в Москву, работал в детском доме. Жизнь в большом городе не привлекала. Выдержал только год. Потянуло в горы – в загадочный мир красок. Положил перед собою физическую карту Советского Союза и стал глядеть. Выбрал Дагестан, а в нем Темир-Хан-Шуру.

Пригласили его в школу № 1 преподавателем рисования. Чебдар имел невзрачную внешность. Рост ниже среднего, волосы рыжие. Впечатление было такое, будто он постоянно мерз – потирал все время кисти рук. Нос зимой и летом имел сизый цвет, хотя спиртного не употреблял. Говорил Михаил Иванович негромко, что, как известно, учителю противопоказано. Ко всему этому и одежда его не была привычной для буйнакцев 20-х годов прошлого века: костюм, галстук, шляпа, на ногах ботинки со шнурками и каблуками более высокими, чем это было принято.

М.И. Чебдар в верхнем ряду в шляпе среди буйнакских учителей

В общем, на улице обязательно оглянешься на него с усмешкой. Сперва и учащиеся приняли его за чудака: будет возможность посмеяться над приезжим.

Но только Михаил Иванович начал рисовать на доске, объяснять законы живописи, куда девались и рыжие волосы на голове, и будто на глазах сделался он выше ростом, и голос его стал слышен с любой точки класса. Одержимость художника передавалась детям.

Перемена: у стола учителя половина класса – это те, что увлеклись рисованием – Э. Капиев, А. Гаджиев, А. Алхазов, Г. Мельников. А другая половина разнесла новость по школе: «Новый учитель не кричит, не бранится, не зовет директора на помощь».

Оказалось, Михаил Иванович – страстный путешественник и обошел Алтай вдоль и поперек. Следующим местом пребывания Чебдар облюбовал Дагестан, может, потому, что здесь в разное время побывали такие великие художники, как Г.Г. Гагарин, Г. Горшельт, И.К. Айвазовский, Е.Е. Лансере.

Путешествовать можно было летом, но Михаил Иванович не терял попусту ни одного свободного дня. После уроков, в воскресенье, во время каникул уводил ребят в лес, горы, на речку, в ущелье. Учил слушать болтливый шепот листьев, присматриваться к природе, видеть ее краски, ощущать запахи.

Вот Беловеская горка. У ее подножья прямоугольник города, вытянутый с севера на юг. Дома тонут в зелени. От «Кавалер-Батареи» на юг протянулась главная улица, над площадью сверкает медью двуглавый Андреевский военный собор. От Кафыр-Кумуха, фыркая, ползет, будто змея, зеленый поезд. В общем, пиши стихи или рисуй. Главное, чтобы родилось чувство.

В классе учитель спрашивал: «Как я рисую?» Что могли ответить дети? Конечно, превосходно! А он им, детям, говорит, что была целая жизнь, когда их будущий учитель даже прямую линию не мог провести ровно. Не верят, смеются. Как это так? Им казалось, что Михаил Иванович родился художником. «Художником делаются, но это упорный труд, воля и, если хотите, смелость. Вот глубокая

канава. Чтобы продолжить путь, надо ее перепрыгнуть. Сердце стучит, ноги дрожат. А ну свалишься на дно? Никого кругом, можно повернуть обратно. Но на прыжок надо решаться, чтобы в собственных глазах не казаться трусом. В человеке это чувство заложено с молоком матери. А воспитывать нужно добро, любовь к Родине. Здесь вам на помощь придут карандаши, краски, паста», – говорил детям Михаил Иванович.

Летом 1926 года художник и его ученики Эффенди Капиев и Абакар Гаджиев (старший брат всем известного сегодня в Дагестане краеведа-педагога Булача Гаджиева. – ***Ред.***) прошли, как любил говорить Эффенди, «пешком-верхом» по такому сложному маршруту: Буйнакск-Аркас-Гергебиль-Хаджалмахи-Цудахар-Кумух-Мегеб-Чох-Гуниб-Карадах-Хунзах-гора Аракмеэр-Унцукуль-Гимры-Каранай-Буйнакск. Горы, долины, ущелья, аулы скользили мимо них будто картины, сотворенные великими мастерами кисти. От изумления путешественники устраивали незапланированный привал и начинали рисовать. Горцы, что проезжали или проходили мимо, восхищались, глядя на их работы, однако находились и такие, что говорили: «Занялись бы полезным делом».

Чебдар иногда, будто ни с того ни с сего, останавливал юных друзей и предлагал: «Слушайте». И они слышали, как меж скал гулял свободно ветер, или несся печальный крик иволги.

В другой раз мог закричать:

– Видите? Видите?

– Видим, – отвечали Эффенди и Абакар, – течет река.

– Вы что, слепые? А то, что в воде плавает круглая луна?

– Ах, да! – восклицали его юные спутники.

Слева – Эффенди Капиев, справа – известный в будущем агроном Абакар Гаджиев

Михаил Иванович для своих будущих картин готовил эскизы, наброски. Что теперь с ними?

Двое буйнакских ребят и их учитель стали близкими друзьями. Как-то Чебдар рассказал об убийстве в Лозанне советского дипломата – Вацлава Воровского.

– Моя мечта создать его бюст, – делился он с Абакаром и Эффенди, – может, вместе попытаемся?

Из Верхнего Дженгутая, на свои деньги на арбе привезли белого цвета камень. Высекать лицо – самое сложное – взял на себя учитель. А фигуру и постамент вырубали ученики. Много труда приложили они для воссоздания образа Воровского. Работа затруднялась еще и тем, что в распоряжении скульпторов имелась не совсем четкая фотография из газеты. И вот в 1927 г., к 10-й годовщине Октябрьской революции в скверике напротив школы им. В.И. Ленина, рядом с бассейном, торжественно был открыт памятник дипломату. Он хорошо смотрелся и стал одной из достопримечательностей города. Имя В.В. Воровского горисполком присвоил и улице, начинавшейся с этого же скверика, а краеведа А.П. Скрабе рядом с памятником построили большие солнечные часы, по которым жители города определяли время.

К тому времени в школе уже действовал кружок рисования. Работали в зале. Кроме Эффенди Капиева и Абакара Гаджиева, кружок посещали более 40 учащихся. Казалось, что Эффенди станет художником. Карандаш и бумага всегда были у него под рукой. Он набрасывал саклю над обрывом, парящего орла, карикатуру на однокашника или, скажем, на учителя черчения, который неважно чертил, но зато говорил так замысловато, что в его речи куда труднее было разобраться, чем в самом сложном чертеже. Работа с карандашом у Капиева стала потребностью, даже разговаривать не мог, не рисуя.

«Однажды, – рассказывал мне заслуженный учитель школы Дагестана Гамзат Мурклинский, – Эффенди принес картину – подражание шишкинской «Корабельной роще», но с дагестанским «сюжетом». На переднем плане у Эффенди из скалы выбивался родник. Справа по тропе спускалась горянка, а за деревьями притаился горец. Тогда нам, его школьным товарищам, казалось, что Капиев уже выбрал себе профессию и будет иметь со временем большой успех».

«Конечно, – писал впоследствии Эффенди Капиев, – художник из меня, каким хотел видеть М.И. Чебдар, не получился, но этот человек помог мне понять могущество изобразительного искусства. Любя сам, он научил нас, учеников, любить красоту...».

В очередной раз М.И. Чебдар уехал на Алтай. Ребята скучали, не знали, куда себя деть, будто осиротели, чувствовали, как не хватает учителя. А тот приехал загоревший, веселый, позвал на чай и до рассвета вел разговор о своих скитаниях: «Взошел на Белуху и увидел, что небо совсем черное...».

Неужто так бывает? Может, это грандиозный самообман? Но Чебдар – художник и мир видел, конечно, по-своему.

В те годы учитель сделался в школе кем-то вроде комиссара. Не было тогда еще радиоточки, учащиеся еще не пристрастились к чтению книг и газет, поэтому его рассказы о событиях в стране всегда привлекали ребят. Подражали ему в манере ходить, жестикулировать, старались говорить, как он, пели его любимую песню «Славное море, священный Байкал». В общем, М.И. Чебдар был любимцем учащихся. А одно событие и вовсе подняло его в глазах учителей города, если не сказать – всех горожан.

Бывший директор реального училища, прекрасный знаток русской литературы, Василий Степанович Сергеенко пренебрегал всем новым. Он не признавал советских писателей и поэтов, в их числе В.В. Маяковского. По своей инициативе учитель словесности вовсе «изъял» его из школьной программы. В адрес поэта он выражался приблизительно так: «Удивительная нескромность. Если даже судить по алфавиту, как это предлагает «поэт-новатор», то, действительно, не надо забывать, что между «М» и «П», т.е. между Маяковским и Пушкиным, стоят «Н» и «О» – «Но».

Узнав о вольностях своего коллеги, Чебдар вызвал его на публичный диспут и в стиле «РОСТа», как

это делал Маяковский, кратко и деловито, написал объявление. О предстоящем споре или, как его называли, «литературном суде» узнал весь город. В зале негде было яблоку упасть. В жизни человека порой наступает момент, когда он должен выйти к барьеру. Все-таки Сергеенко вызова не принял и на диспут не явился.

– Я старый конь. Работаю добросовестно, но кнута не потерплю, – заявил он директору.

Вечер все равно состоялся. Михаил Иванович в увлекательной форме говорил о поэте-новаторе, стихи которого «поют революцию». Присутствующие следили за рассказом Чебдара, как за поединком с неявившимся на «дуэль» Сергеенко.

Эффенди Капиев ничего подобного ранее не слыхал, а тем более, не читал о В.В. Маяковском. С тех пор в нем закипели шекспировские страсти. Думаю, что юноша своей любовью к литературе, прежде всего, был обязан тоже Чебдару.

Тот же Г. Мурклинский как-то застал в классе Эффенди. Товарищ признался, что пишет стихотворение, посвященное одной рабфаковке. Через два или три дня Мурклинский спрашивает:

– Написал?

– Написать-то написал, – огорченно ответил Капиев, – но Чебдар сказал, что необходимо найти то самое единственное, верное слово, над этим я сейчас и ломаю голову.

Эффенди несколько раз ходил на квартиру художника, а возвратившись, вновь зачеркивал и переписывал. И пришел день, когда он услышал из уст Чебдара одобрение. День тот Эффенди запомнил на всю жизнь.

В 30-е годы Михаил Иванович принимал активное участие в ликвидации неграмотности в горах Дагестане. Много месяцев провел он с учащимися педрабфака в горах. Привез массу эскизов, набросков, радовался, что помог горцам овладеть чтением и письмом.

Квартировал он по улице Урицкого, напротив детского дома № 3. Он посвятил Дагестану 10 лет жизни, приехав сюда в 1923 году. Говорили, что он умер внезапно в московской гостинице от какой-то инфекции.

Т.Н. ТАРАРИНА: ГОРЦЫ ЕЕ ПОМНЯТ

В конце позапрошлого столетия плотник Александр Иванович Крупнов из Нижегородской губернии, Арзамасского уезда, деревни Озерки в поисках работы обошел пол-России, пока свой выбор не остановил на городе Темир-Хан-Шура. Здесь со своей семьей он прожил 20 лет. Как-то во время строительных работ ураганный ветер сбросил его с высокой крыши на мостовую.

Остались шестеро сыновей. Все они выросли настоящими людьми. Во время Отечественной войны полковник Леонид Крупнов командовал дивизией. Машинист Александр Крупнов был одним из первых стахановцев на железной дороге. Старший лейтенант Федор Крупнов имел в подчинении роту, полностью ставшей отличником боевой и политической подготовки. Остальные трое братьев Крупновых, Дмитрий. Андрей и Иван, были еще молоды, и еще не определились. Все шестеро братьев остались на той войне, все они родились и ушли на защиту Родины из Буйнакска. Погибли, пропали без вести. Старшему из них в 1945 году было 34 года, а младшему – 19 лет.

Вот в такой славной семье жила и росла племянница Крупновых Т.Н. Тарарина. После десятилетки Татьяна Николаевна окончила краткосрочные курсы, и в 1928 году ее направили в аул Гочоб Чародинского района. И сегодня нелегко там живется, а представляете, что было 70 лет назад! Из Буйнакска Тарарина выехала на линейке. Спутниками оказались такие же, как и она, молодые люди – окулист Дина Пацай, хирург Михаил Нагорный, терапевт Алексей Бойко.

До Гуниба добирались трое суток. На подъемах лошади норовили остановиться, били копытами, требуя отдыха. После Гуниба пришлось идти пешком. Ночевали, где заставала темень. В одну из таких ночевок, когда в золе пекли картошку, из темноты вырос бородатый горец, бросил в костер сухие дрова и поинтересовался: «Кто вы?»

– Учителя, врачи, – был ответ.

– Иншалла! – произнес горец и так же внезапно будто, привидение, исчез в темноте.

В Гочоб добрались, когда на востоке румянилась заря. Путешествие закончилось весьма благополучно. Новое место потрясло Татьяну Николаевну: плоские крыши, а за аулом – хребет, вершины которого в белых папахах из снега, ниже альпийские луга, сосновый лес, в общем – красота неописуемая.

Приезжей определили саклю. Печка, крошечное окно, за которым бились под ветром голые ветки дикой яблони, было затянуто бычьим пузырем. Всю ночь над потолком что-то грызла неугомонная мышь. Хозяйка, до времени увядшая горянка, оказалась доброй-предоброй женщиной.

На рассвете следующего дня с минарета завораживающе раздался красивый голос муэдзина, зовущий аульчан к утренней молитве.

Советскую власть представлял бывший пастух Магомед Габичалов, человек в годах. Секретарь сельсовета Омаров также сносно понимал русскую речь. Таких в Гочобе оказалось четверо горцев. Эти четверо и стали первыми учениками Тарариной в ликбезе. Школа располагалась через улочку от сакли новой учительницы. Окна также были затянуты бычьим пузырем, потому даже в полдень, как в пещере, классы тонули в полумраке.

С приходом Татьяны Николаевны зазвенел школьный звонок. В школу она пришла с волнением, если не сказать в замешательстве, хотя и планы уроков были написаны, и мысленно прокручивала она, с чего начнет первые свои занятия. К своему ужасу Татьяна Николаевна обнаружила, что дети не знают ни одного русского слова. Но она не собралась бежать из Гочоба и не опустила руки. Тарарина сразу поняла одну азбучную истину: хочешь, чтобы к тебе шли люди, – сама иди к ним. И за два-три месяца молодая учительница с помощью хозяйки и учеников терпеливо овладевала аварским языком. Теперь можно было приступить к работе в 4-х классах по методике А. Бокарева: «Преподавание русского языка в национальной школе».

Первый урок ушел на ознакомление учащихся с предметами, которые окружают ребенка в классе, во дворе. Второй урок – экскурсия по селу. Третий – на мельницу, которая стояла на реке Кара-Койсу.

Это была причудливая мешанина из обрывков знаний. И каждый день повторение пройденного. Учили слова: «на», «возьми», «принеси», «отнеси»,

«что это?», «это мел»... Далее – составление примитивных предложений. И по требованию программы и, представьте себе, для забавы. Очень помогали наглядные пособия, нарисованные самой учительницей.

Планы уроков Тарарина не писала. Не было надобности. В гочобских условиях они превращались в пустую формальность. На весь класс несколько букварей. Картинки в них неразборчивые, какие-то пятна. Тетрадей нет. Туго было и с карандашами. Пусть никто не думает, будто я сгущаю краски. Так было. По ее просьбе из Гуниба пришлют чернильный порошок, перья, ручки. В следующем учебном году впервые гочобцы увидели парты. Дети даже на перемену не хотели уходить: до чего же удобно сидеть за ними!

Сколько поколений учащихся не только у мулл, но и в светских школах в 20-30-е годы прошлого века проводили уроки на корточках, держа бумагу на коленях... «Учебниками» были рассказы учителя и его нарисованные на доске или на клочках бумаги картинки. Я не преувеличу, если скажу, что в культурной революции Гочоба великую роль сыграла Т.Н. Тарарина.

В субботу не учились. Это было к лучшему: можно было посидеть дома, заняться по хозяйству: мало ли забот у молодой женщины. Татьяна Николаевна со своими учениками возила на ослах навоз на участки, полола, косила. Сельчане удивлялись: надо же – горожанка, а ведет себя, будто родилась здесь. И говорит на их языке, не брезгует никакой работой. А Татьяна цену труду знала не по книгам, с 13 лет пошла она работать на Буйнакский консервный завод. Работала в ночную смену, а днем училась. Школу кончила с отличием, училище – с красным дипломом. Любовь к труду не однажды выручала Татьяну Николаевну в жизни.

Кучу причин выдумывали тогда в аулах родители, чтобы не пускать девочек в школу. Татьяна Николаевна не отступала. Слушали ее дети, да и взрослые тоже, как завороженные. Особенно поражало слушателей то, что она, русская, знала все тонкости местного языка. Люди потянулись за ней. Были на то основания. Жили-то как? Сакля разделялась на две части. Зимою в одной половине жили люди, в другой – скот. Пришлось доказывать, что скот холода не боится, жители даже в России, где морозы покрепче, держат его на улице. Поддались уговорам. Меньше болеть стали дети.

Татьяна Николаевна учила матерей расчесывать волосы, заплетать косы и завязывать бантики. Сколько радости было по этому поводу. Не надо дагестанцев тех лет рисовать фанатиками. Ничего подобного. Люди всегда стремятся к свету, к красоте. А Татьяна Николаевна учила детей горцев этим тонкостям, а родителям детей показывала, как лучше оформлять комнату, заправлять постель, стирать белье.

Почему я об этом пишу? Вспомнить страшно. Устроят в земле яму, запустят туда воду – что-то вроде ванны. Забросают в такую «ванну» грязное белье, «замесят», затопчут ногами, прополощут, высушат и натянут на себя до следующего раза. В некоторых саклях стоял такой дух, что, казалось, вот-вот потолок вышибет. Люди привыкли к этому и не замечали. Обычай этот с приездом учительницы долго не продержался. А Тарарина радовалась наличию у сельчан таких качеств: верность слову, совестливость, взаимопомощь, гостеприимство, воздержанность, культ женщины-матери.

В 1929 году открылся кооператив. Событие! Шутка ли: в Гочобе стали продавать керосин, мыло, муку, спички, крупу, ситец, ложки, вилки, кастрюли! Хозяйственное мыло Татьяна Николаевна возвела в культ. Люди стали вступать в местный кооператив, чтобы приобрести его – иначе ведь не достанешь. Не было в Гочобе и медпункта, он находился в Тлярате. Татьяна Николаевна копалась в медицинских книгах: надо было научиться оказывать первую помощь. Так шли дни, катились месяцы. На каникулах ездила в Буйнакск, возвращалась с кипою наглядных пособий. Так растила она все эти годы своих учеников.

Раз в месяц выпадал праздник, когда отправлялась в райцентр, Тлярату. На дорогу уходило 2 часа. Час ходьбы, час бега. Вот тогда-то в горах и ущельях Тлейсеруха родилась легенда о летающей в облаках русской девушке. А в Тлярате товарищи по профессии – Варвара Константиновна, Тамара Соколова, местные учителя. Поговорят о событиях, происшедших за месяц, пообедают, а затем в сосновый лес, на природу. На рассвете снова в путь. Полдороги шагом, полдороги бегом.

Нечто незабываемое произошло в третий год работы. Из Буйнакска приехали учителя А.А. Потыранская, Ю.А. Шатан-Плюто и другие бойцы культсанштурма. Три месяца гости жили у Тарариной, после работы ходили по горам, посещали дальние леса, одетые в багряный убор. Как одно мгновение прошли 90 дней, как радужное видение. Она вспоминала их как отзвук далекой прекрасной легенды. На следующее утро Татьяна Николаевна приказала себе: прочь уныние! Ждут дети, работа!..

Т.Н. Тарарину послали в аул на три года. Как только она собиралась вернуться домой, в Буйнакск в наркомпрос скакали нарочные: «Так и так, просим нашу Татьяну оставить в Гочобе». Мне кажется, человеку труднее получить большую награду, чем эту. В Гочобе она проработала 7 лет. Знакомые у нее спрашивали: «Ну что ты нашла в своем Гочобе, разве не скучно в такой глуши убивать свои годы, свою молодость?» Она отвечала: «И в Париже найдется миллион скучающих людей».

Хотите верьте, хотите нет: сколько воды утекло, сколько перемен произошло, но, оказывается, и через 70 лет в Гочобе помнят Т.Н. Тарарину. Сошлюсь на один случай. Ко мне решительно подошел человек лет 30-35-ти.

– Я из Гочоба, – объявил незнакомец, – старший брат хорошо знает вас по Буйнакску. Приказал, если встречу, поклониться.

– Много лет назад, – в ответ произнес я, – у вас

работала русская учительница Татьяна Николаевна Тарарина, найдется ли хоть один человек в ауле, помнящий ее?

– А чего искать? Мой старший брат каждый год 1-го сентября на школьном митинге произносит ее имя...

Я крепко пожал руку гочобцу.

В 1936-1937 учебный год, оставив свое сердце в горах, Т.Н. Тарарина встретила в Буйнакской средней школе № 1. А ушла на пенсию через 33 года – в 1970 году. Сколько всего видела, сделала, пережила! Работала рядом с такими выдающимися педагогами, как С.М. Иванов, А.Н. Скрабе, С.С. Швачко, И.Н. Сорока, М.И. Чебдар. Ее уроки признавались отличными. Выработался свой тараринский почерк. Как-то попросили ее об этом рассказать. Получилась солидная рукописная книга: «Работа с детьми в начальных классах». Опыт – 40 лет работы – вложила она в эти записи.

Татьяну Николаевну увлекала и общественная работа. Четыре созыва была депутатом горсовета, членом комиссии по делам несовершеннолетних, вела методическую работы с молодыми учителями. А вышла на пенсию - появились новые заботы: надо посадить деревья, провести субботник, приглядеть за больными соседями, проследить все ли дети пошли в школу. В СШ № 4 им. Ю. Гагарина она шефствовала над одним из классов. Шла туда, как на работу. Потом перестала, думали, заболела. Кинулись – оказывается, умерла...

У заслуженной учительницы школы Дагестана Татьяны Николаевны Тарариной в жизни все было: и радость, и счастье, и горе, и слезы в подушку.

P.S. Не удержусь, чтобы не добавить несколько слов к рассказу Булача Имамутдиновича. Татьяна Николаевна была моей учительницей в начальных четырех классах буйнакской школы № 1. Только два воспоминания. Первое: в сороковые военные годы на перемене иногда к ней приходила старенькая мама и приносила обед – ломоть черного хлеба, посыпанный солью. И пока мы бегали по коридору, учительница, повернувшись к окну, им обедала. Второе: лет через 25 после окончания школы, т.е. почти через 30 лет после окончания мной 4-го класса, Татьяна Николаевна, случайно встретив меня в Буйнакске на улице, поговорив, внезапно спросила: «А ты так и не исправил почерк «как курица лапой»? Нет? А сколько я с тобой билась…».

Такой вот она была.

Далгат Ахмедханов

БОКАРЕВЫ ПОСВЯТИЛИ СЕБЯ ДАГЕСТАНУ

Глава семьи, А.И. Бокарев был выходцем из деревни Егорлык Ставропольской губернии. Родители сделали все, чтобы их сын окончил начальную школу. Как быть дальше, предоставили решать ему самому. Несколько лет ушло на самообразование. Перенес уйму лишений, однако своего достиг. Экстерном выдержал экзамен за учительскую семинарию. Алексей Иванович стал первым учителем из Егорлыка. Женился. Вскоре его супруга заболела легкими. «Питание и климат могут спасти ее», – сказали учителю. Вакансия была в Темир-Хан-Шуре, южном городе. Приняли в 4-классное высшее начальное училище, расположенное в центре города на углу улиц Аргутинской и Аварской.

Здесь Алексей Иванович обрел прекрасных товарищей: Абу-Джафара Мамедова, А.П. Скрабе, С.М. Иванова и других, и навсегда связал себя и свою семью с Дагестаном. Все они любили музыку. У Бокаревых имелась фисгармония. Когда приходили гости, за инструмент садились – сыновья Евгений, Анатолий и дочь Анна. Играли в четыре руки. Вкусы у всех совпадали – Глинка, Чайковский, Бетховен, Мендельсон. Вторым увлечением в семье Бокаревых были книги.

В начальном училище треть детей составляли дагестанцы. В четвертом классе программа была сложной: кроме математических дисциплин, химия, история, немецкий, французский языки, другие предметы. Окончившие училище могли получить место на казенной службе. Но курс четвертого класса становился для многих камнем преткновения. Помочь детям – такую задачу поставил перед собой Алексей Иванович.

Бокарев обратил на себя внимание, как неординарный педагог. Он, будто свежий ветер, разворошил спокойное течение жизни училища.

Его всегда тянуло к интересным личностям, он мог без конца, не перебивая, слушать собеседника. Невзирая на свои обширные знания, он не давил на коллег, если они не были столь эрудированы, помогал им фактическим материалом, методикой преподавания, вместе с ними искал, как действовать в той или иной ситуации. Нарочно придумывал сложности, приближенные к «боевым условиям», чтобы совместно с коллегами и решить, как из того или иного положения выйти с честью.

Учителю, если он замкнут, не хочет делиться с коллегами пусть маленькими, в масштабе, скажем, школы, открытиями, то ему не место среди педагогов. Надо, чтобы около твоего костра грелись и другие. Таким чудаком считали Алексея Ивановича Бокарева. Он отвечал на вопросы и отвечал на письма, показывал в прямом смысле этого слова, как и с чего, начинать молодому учителю свой первый, второй, третий уроки в жизни. Он абсолютно не понимал культивируемый тогда так называемый «бригадный метод», когда дети гуртом что-то бубнят себе под нос, а за всех ответ держит тот, кто что-то уразумел из текста. И от его ответа зависело – петь детям за здравие или за упокой. И много раз Алексею Ивановичу приходилось получать тумаки и набивать шишки за отступление от «революционного» пути в педагогике.

Вот что рассказывала мне о Бокареве старейшая дагестанская учительница Наталья Ивановна Скрабе:

«Алексея Ивановича знала еще до революции. Нравилась очень его выдержанность. А лекции читал – заслушаешься. В 1916 году собрали в Темир-Хан-Шуре сельских учителей, всего 30 человек – поместились в одном классе. Это со всего Дагестана! Занятия с нами вел Алексей Иванович. Рассказывая о 80-х годах XIX века, вторгался в историю и давал такие сведения, о которых я ни в каких книгах не читала.

Однако основной мыслью его выступлений, лейтмотивом было то, что Россия, русские должны все сделать, чтобы дать хотя бы начальное светское образование детям горцев. Вот что, прежде всего, двигало им...»

Брат и сестра Евгений и Анна Бокаревы

После гражданской войны Бокарев работал завучем, директором, преподавал в старших классах. Поражал в нем педагогический такт. А ведь появились новые, не совсем понятные организации: комсомол, пионерия, учком.

Он вложил много труда в ликвидацию неграмотности в Дагестане. Когда объявили культсанштурм, пешком обошел многие районы. Вернулся исхудавший, зато довольный, что помог горцам изучить грамоту. Приезжий учитель-муалим не только говорил с их детьми об алфавите, сложении и вычитании, но с большим знанием дела рассказывал горцам о посевах, уборке, о сортах пшеницы и кукурузы, потому что Алексей Иванович когда-то сам был крепко связан с землей. Алексей Иванович сделался популярнейшим человеком и в Буйнакске. Его пригласили работать в Махачкалу, в Наркомпрос.

– Только в Буйнакске и нигде больше не сумею жить, – извинился он перед наркомом просвещения.

Он очень любил горы, куда постоянно уходил со своей семьей во время каникул. Летом 1932 года в очередной раз Бокаревы отправились в Нагорный Дагестан. Ему было 52 года, супруге 49. С ними шли сыновья Евгений, Анатолий, Георгий и дочь Анна. Через Гимринский хребет, по тридцатикилометровой тропе они спустились в аул Гимры. На подъеме к перевалу запахи полыни и других трав рвали ноздри, а во время спуска с хребта, одни голые скалы окружали их да битая-перебитая каменистая тропа, с которой на дне глубочайшего каньона видна была синяя лента Аварского Койсу. Побывали в Гимрах, в Чирката, Тлохе, Ботлихе. Из последнего населенного пункта Евгений и Анатолий, с разрешения родителей, ушли в Грузию. Остальные Бокаревы держали путь домой.

За Унцукулем сын Георгий начал сдавать, почувствовал себя плохо. Места безлюдные: ни попутчиков, ни встречных. Редко попадалась даже арба, запряженная волами, еще реже всадник. Приветствия, несколько слов о погоде, урожае, пожелания счастливого пути – и на том расходились. Но в тот душный день вокруг будто все вымерло. Никого! Положение было чрезвычайно сложным. Алексей Иванович определил у Георгия гнойный аппендицит. Необходима была срочная операция. Но где в этих горах и ущельях можно было найти в ту пору врача или фельдшера, не говоря уж о больнице. Мальчика понесли на руках. Каждое неосторожное движение вызывало нестерпимые боли. Приближалась ночь. Мать плакала. Передвигались с трудом, не разбирая дороги. Пока донесли до Буйнакска прошло много часов. Опоздали. Спасти Георгия не удалось. Он скончался на руках родителей. Анне было жутко, она первый раз видела смерть, да еще такого любимого человека, как брат. Смерть сына так потрясла Алексея Ивановича, что и сам он после этого прожил всего два месяца.

Осталась написанная им книга, по которой училось не одно поколение педагогов, училось тому, как вести работу в дагестанской школе.

Судьба его семьи, если быть кратким, сложилась так. Сын, Евгений Алексеевич, знал немецкий, французский, итальянский, шведский языки. Одним из первых в Дагестане овладел эсперанто. Был большим его пропагандистом, выступал с лекциями перед разной аудиторией, в Буйнакске образовал секцию эсперантистов.

Доктор филологии Ш.И. Микаилов, отдавая должное Е.А. Бокареву, писал: «Его крупнейшим открытиям по дагестановедению должен быть посвящен специальный труд. В руках Е.А. Бокарева сейчас ключ от дагестанского праязыка, при помощи которого ученому удалось реконструировать его фонетическую систему. Мы, советские языковеды, этому придаем особое значение, ибо работы профессора Евгения Алексеевича Бокарева составляют новый этап кавказоведения».

...Получив отпуск, ученый всегда приезжал в Буйнакск, где проживала сестра Анна Алексеевна. День-два отдыха, встреча с друзьями детства, а затем марш в горы, в самые глухие точки Дагестана в поисках ответов на многие вопросы по языкознанию...

Его брат, Анатолий Алексеевич, средний сын А.И. Бокарева, родился в Темир-Хан-Шуре в 1910

году. В 19-летнем возрасте получил высшее образование, а в 24 года защитил диссертацию кандидата филологических наук. По поводу его работы профессор С.Д. Каунельсон выразился так: «Его диссертация, посвященная одному из наиболее сложных и запутанных вопросов строя кавказских языков, сразу выдвинула автора исследования в первые ряды специалистов-дагестановедов».

Анатолий Алексеевич владел аварским и группой андо-дидойских языков. Судьба отпустила ему только 30 лет жизни. Но даже за это короткое время он успел опубликовать более 210 научных трудов, среди них и такие фундаментальные, как «Синтаксис аварского языка», «Грамматика чамалинского языка» и другие. Впереди ждали заманчивые идеи, но началась Великая Отечественная война. Бокарев, имевший бронь, сразу ушел на фронт добровольцем. Осенью 1941 года погиб, защищая Ленинград.

Не упускаю возможности очередной раз напомнить, что я числился одним из самых слабых в школьных науках. Мне бы помалкивать, глубоко окопавшись на «камчатке», так нет же: Ваш покорный слуга осмеливался по ходу урока подавать глупые реплики. Анна Алексеевна могла бы, вызвав к доске, загнать меня в угол. Вместо этого учительница отбивалась от меня шутками, а когда я заходил слишком далеко, прерывала разговор, давая понять неуместность моих выходок.

Щадила она еще некоторых балбесов, не сумевших усвоить первоначальные основы химии. Она по лицу, глазам и еще по каким-то приметам точно улавливала, кто из нас дома ленится. В то же время не было случая, чтобы Анна Алексеевна вызвала бы разгильдяя на ковер, одернула, обидела. Она терпеливо ждала. В ее ожидании проявлялся величайший такт. Нам, ученикам, стал известен случай, происшедший в учительской. Кто-то из учителей не без ехидства заметил: «Из класса, где вы даете урок, всегда слышен смех». На что Анна Алексеевна отвечала: «Да, правда!» И добавила: «Где смех, там и человек, скотина, как известно, не смеется».

С нами за короткое время произошли удивительные перемены. Мы приняли учительницу, нам нравились ее манеры, методика ведения уроков и даже такая противная наука, как химия. Скажу больше: кое-кто из нас влюбился в учительницу. Бывает же такое! Думаю, что Анна Алексеевна догадывалась об этом. Влюбленные чаще других просились к доске, чтобы вне очереди заработать не столько отметку, сколько получить свою порцию улыбок, а девушки бегали к ней домой, чтобы согреться душой. Прекрасное знание предмета, безупречная дикция, неизменная улыбка на юном лице покорила нас. На выпускных экзаменах мне попался билет со сложными формулами. Я воспользовался шпаргалкой. Она это видела. И, чтобы я не маялся у доски, подозвала к себе и тихо шепнула:

– Удовлетворительная отметка удовлетворит вас?

– Вполне, – с величайшим облегчением произнес я.

Но по мне ни в коем случае не следует судить о ее работе и о знаниях моих одноклассников. Я являлся, пожалуй, единственным исключением из общего правила.

После нашей школы Анна Алексеевна успешно работала завучем и преподавателем географии в педагогическом училище, избиралась депутатом Верховного Совета Дагестана, была удостоена звания Заслуженного учителя школы Дагестана и РСФСР.

Е.С. БАЛКОВАЯ: УЧИЛА, СПАСАЛА, ВОСПИТЫВАЛА

Елизавета Саввична Балковая родилась в станице Новодеревянковской нынешнего Канаевского района Краснодарского края. Отец ее, С.М. Балковой, 6 лет прослужил артиллеристом в Дагестане. Его пушка стояла на скале «Кавалер-Батарея». Когда Савва Моисеевич вернулся домой, среди небогатых подарков он привез и цветную лубочную картину: площадь, церковь с двумя колокольнями, тополя и металлическая ограда. Шестилетняя Елизавета долго рассматривала.

– Что это?

– Наверное, Иерусалим, – предположила мать, не бывавшая нигде, кроме своей станицы. А Савва Моисеевич, показывая на подпись под картиной, прочитал по слогам: «Те-мир-Хан-Шу-ра».

Когда в начале 30-х годов Елизавета Саввична попала в Буйнакск, она сразу припомнила лубочную картину, на которой были изображены и площадь с оградой и Андреевский военный собор. Но девушка, конечно же, не могла и подумать, что свяжет свою жизнь навсегда с этим городом.

В семье было двенадцать детей. Четверо умерли в раннем возрасте. Из оставшихся в живых старший брат Феодосий Балковой участвовал в гражданской войне, был ранен в ногу. Строил колхоз.

Когда началась Великая Отечественная война, на фронт ушли остальные трое братьев. Воистину тесен мир: Василий оказался в роте дагестанца Азиза Мутагаджиева. Во время переклички командир спрашивает у солдата, имеет ли он какое-либо отношение к Е.С. Балковой.

– Сестра она мне, – отвечал Василий. – Вы что, знаете ее?

– Знаю ли я ее? – воскликнул дагестанец. – Я передал Елизавете Саввичне из рук в руки 500 учащихся и печать директора Буйнакского педагогического училища!

Дружба командира роты с красноармейцем оказалась короткой. Василий Балковой погиб смертью храбрых у станицы Крымской, а Азиз Мутагаджиев – в Крыму.

На войне остался и третий брат Елизаветы Саввичны – Иван. А самый младший из Балковых, Сергей, был тяжело ранен, выжил. Хлебнули горя и сестры Елизаветы Саввичны. Сперва в немецкой оккупации, а после изгнания оккупантов восстанавливая из руин станицу, колхоз, живя в землянке, питаясь лесными ягодами...

У Е.С. Балковой с раннего детства обнаружились склонности к учебе. Восьмой класс она, к примеру, закончила за 2 месяца. В два раза быстрее положенного срока на «отлично» завершила и педагогические курсы в Ейске. Стала учительницей. Все ей удавалось. Через 5 лет почувствовала, что знаний маловато. Поступила на математический факультет Ростовского университета. С разрешения дирекции совмещала учебу и на историко-экономическом факультете. Вскоре вызвали девушку в ректорат и говорят: «Нас обвиняют в анархизме. Выбирайте один факультет». Выбрала историко-экономический. Окончила с блеском. Предложили аспирантуру. Пойди она в науку, Балковую знали бы, наверное, как видного ученого.

Вместо этого Елизавета Саввична с М.П. Завадским и еще пятерыми товарищами по университету уехала в Дагестан.

Их определили в техникум при Доме кадров в Махачкале. Здание маячило на горе, как средневековая крепость. Кругом голо: ни деревца, ни травинки. Ветры дуют с четырех сторон. Знойное солнце летом, студеная осень и дикие ветры зимой. Из города туда добирались, чаще всего, пешком. Если повезет, на фургоне, редко на линейке.

Не прошло и месяца, как все приезжие специалисты как по команде позаболевали малярией. От хинина желтели лица, теряли слух, худели – кожа да кости. Не до работы. Какая польза государству от них?

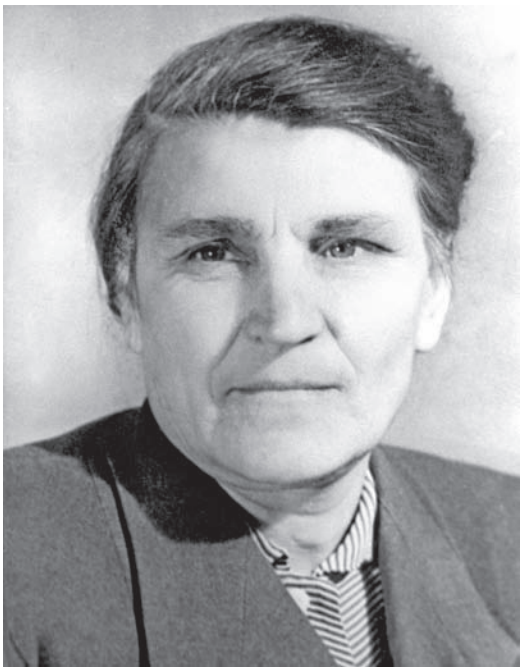
Нарком просвещения Дагестана предложил:

– Переходите на новую работу, открываем институт.

– А как быть с малярией? – спросила Елизавета Саввична.

– Пройдет...

Но она не проходила. В коридорах наркомата просвещения ростовских товарищей как-то встретил буйнакский учитель Я.Д. Кауров. «В 45 километрах отсюда есть чудо! – сказал он им. – Поедемте. Не пожалеете!»



В тот же день поезд доставил ростовчан в Буйнакск. Местные учителя А. Бокарев, Я. Кауров и их товарищи поводили гостей по окрестностям города, подняли на Беловескую горку, угощали фруктами из сада Давуда Османова. Действительно, чудо! Болезнь как рукой сняло. Остались. Работали в педтехникуме. Рядом трудились несколько выпускников Московского института им. Герцена и МГУ. Народ чрезвычайно интересный. Среди них выделялся учитель литературы Борис Рябов. Он писал стихи. Елизавету Саввичну еще удивляла преподавательница русского языка и литературы Мария Шаронова. Стихи в ее прочтении производили поразительный эффект. Возьмись читать сам – мало кто станет слушать. У Шароновой слова приобретали объемность. Учащиеся, как и учителя, слушали ее, очаровательную женщину, с пристальным вниманием. От нее веяло каким-то магнетизмом. Каково было удивление буйнакских товарищей, когда они узнали, что их коллега – автор книг и одной нашумевшей пьесы. Вот такие люди окружали Елизавету Саввичну, к таким людям тянулась она.

30-е годы прошлого века. Карточная система на хлеб и продукты. Жестокое время. Учащийся третьего курса лакец Махлаев говорил: «Мы сегодня на обед кушали H_2O». Назавтра повар техникумовской столовой в суп добавит несколько картошин, а Махлаев на уроке химии решает самим придуманную задачу: «H_2O + 10 граммов крахмала. Равняется...»

Елизавета Саввична в техникуме вела пять предметов – историю, истмат, диамат, политэкономию, деткомдвижение. Опыт таких педагогов, как А.П. Скрабе, А. Бокарева, подсказывал: надо учить местные языки. Решила начать с кумыкского. Овладевать новым языком помогали учащиеся. Это сближало детей с нею.

Имелись и другие резервы... чеховские пьесы. Они оказывались вдвойне смешными, т.к. актеры страшно коверкали слова, не там делали ударения, реплики произносили на свой лад, очень часто не понимая смысла того или иного слова. И все-таки спектакли приносили пользу.

Тем временем ее назначили директором, у нее стал вырабатываться свой почерк. Зайдет в класс, только окинет взглядом учащихся:

– Почему нет такого-то? Никто не знает? Узнайте! Может, ваш товарищ нуждается в помощи.

Делала все, чтобы на уроке, вот здесь, сегодня, сейчас, все стало понятно. Как думает ученик? И думает ли он вообще, в частности, о том, что происходит, может, он только физически в классе, а мысленно отсюда за тридевять земель!?

Она знала секрет «дозировки». Урок – это 45 минут. Каждая минута должна быть заполнена смысловой нагрузкой. Пустословию – ни минуты. Другое дело – смех. Это не возбранялось. Смех – оружие, смех – разрядка, отдых, после которого лучше работается, лучше понимается. Кто-то не готов к уроку. Был болен. Значит, спросит завтра, но сейчас не сиди на стуле, как на больничной койке, – участвуй в происходящем. Действует не хуже лекарства. А если тебе плохо, дадут сопровождающего, отведут к врачу...

Дополнительные занятия? Ни в коем случае. Все должно быть решено на уроке. «Дополнительное» время – на работу над собою, чтение, спорт, отдых. Она знала, что дополнительные занятия отбивают охоту к учебе.

Опоздал? В училище укоренилось правило: после учителя не входи! Почему? Может, он или она нарочно опоздали. Ее закон: опоздал – входи. Учитель заинтересован, чтобы в его уроке участвовали все. Среди учащихся ведь были и семейные. У них особые заботы. Как их не пускать?

В годы борьбы с неграмотностью Елизавета Саввична много поездила в горах. К этой священной миссии она, вместе с педагогическим коллективом, готовила и учащихся.

Обрадовалась Елизавета Саввична, когда Абдулла Абасович Магомедов, молодой учитель рисования, заявил, что хочет заняться краеведением. Директор тут же из своего шкафа достала рисунки, сделанные рукою А.П. Скрабе в различных походах, перелистала путевые дневники его ребят. Молодой педагог понял, что в лице директора училища он имеет крепкую опору. И на самом деле: Е.С. Балковая знакомилась с маршрутами будущих походов, сколь возможно, помогала материально. Не было случая, чтобы она не провожала бы туристов в дорогу, не встречала бы их по возвращении.

– Понравилось ли в походе? – спрашивала она обычно. – Нет ли простуженных, больных?

На ближайшем педсовете педагог рассказывал о путешествии. А по училищу читался приказ, в кото-

ром объявлялась благодарность всем его участникам.

Очень скоро воспитанники училища стали занимать ведущие места в республике по краеведению и туризму.

Е.С. Балковая все делала, чтобы сохранить замечательные традиции, заложенные А.П. Скрабе, А.М. Горбачевым и другими энтузиастами, влюбленными в горный край. Она была доброй, но не добренькой. И если приходилось защищать принципы, то тут уж и господь бог ничего не мог бы поделать. Ну вот такой пример.

Ученик Тимур, сын районного начальника, через окно ночью забрался к девушкам в общежитие. Хотел обидеть их. Педсовет был единодушен: исключить! Отец парня, тертый калач, с апелляцией в горком партии. А там, зная характер Елизаветы Саввичны, не пошли навстречу. Родитель – к министру просвещения. На следующий день дошлый родитель звонит директору:

– У вас во дворе ученик Тимур...

– Спасибо за информацию.

– Отведите его в класс.

– Он исключен.

– Я вам передаю приказ министра!

– Я вам сообщаю решение педсовета!

Родитель исключенного не отступил. И снова к министру. Тот вызвал Елизавету Саввичну в Махачкалу. Им в ту пору был Муса Сайдуллаевич Омаров. Она объяснила суть дела, доложила решение педсовета и сказала: «Наказывайте тогда меня». Ходил, ходил министр по своему кабинету. Потом, пожимая руку женщине, сказал: «Родитель ввел меня в заблуждение. Простите!»

В общежитии пропало несколько вещей. Виновником оказался Д., худенький, как птичье перо.

– Почему воруешь?

– Два дня не ел, – отвечает со слезами на глазах.

– А стипендия?

– У меня двойка по русскому языку.

– Почему родители не помогают?

– Их у меня нет...

Преподаватели и учащиеся в один голос: «Не нужен нам вор!». «Лучше бы с шапкой по кругу ходить, чем воровать», – говорил один.

Пришлось начать издалека. Случай случаю рознь. Днем занятия, ночью на вокзале юноша разгружает вагоны, голодает. Где тут до учебы! Но он очень хочет учиться. И украл-то, чтобы не бросить училище. Не убедительно? Попробуйте побыть в его «шкуре».

Первым откликнулся комсомол: «Увлеклись успеваемостью, сбором взносов, а в души не заглядываем». И профсоюз покаялся: «Не досмотрели! Поможем». Выделили немного денег, купили ботинки, рубашку – все самое простое, самое дешевое. А парнишка пришел в общежитие, лег на койку и долго-долго плакал. Очищался от грязи. Всем легче стало. Главное – сохранили парня. Д. окончил пединститут, работал в сельской школе учителем истории. Урок, преподанный Елизаветой Саввичной, помнит... «Она спасла мою честь и мою жизнь, – признавался мне Д., – иначе хоть пулю в лоб пускай».

Таких «спасенных» было немало. Человек в мире, знала Елизавета Саввична, как воин в осажденной крепости, и он нуждается в помощи.

Война прибавила трудностей. Выпускник техникума, бывший секретарь Буйнакского горкома партии Г.М. Далгатов, рассказывал мне: «Я учился в родном Каранае. Но что это была за учеба! Писали на газетных листах и страницах книг. За 3 километра от аула ходили за белой глиной, чтобы с ее помощью писать на доске. Из моркови выжимали сок: оранжевая жидкость – это чернила! После седьмого класса поехал в Буйнакск. Знания, считай, нуль. Оказалось, не я один такой. Все поступающие в тот год по диктанту получили «неуд». И я тоже. Значит – домой. Никого не отпустили – приказ директора. Всем дали стипендию. Особо нуждающиеся получили рубашки, брюки, носки. В первую зиму по каким-то причинам училищу не отпустили топливо. Холода сильные, вода мерзла в кранах. В спальнях неуютно. Но никто не роптал. Все видели, что директор и по ночам обходит корпуса, подбадривает. А однажды Елизавета Саввична устроила учащимся великий праздник: всем дали новую обувь. Разве такое забудешь! Мы догадывались, каких усилий ей это стоило, чтобы отстоять сельских ребят от холода, голода, несправедливостей. Поэтому мы готовы были идти за нею в огонь и в воду. До всего было ей дело. Однажды Елизавета Саввична забралась на

На переднем плане (слева направо): Е.С. Балковая, А.А. Бокарева и П.И. Карбоненко, преподаватель педучилища, автор нескольких учебников для дагестанских школ

крышу. Ходит там, проверяет, откуда течь. В одном месте проломилась доска, и директор присела от боли. Со двора эту картину увидели ребята, рванулись на помощь.

Поздней весной 1947 года ночью учащиеся одного курса устроили налет на черешневые сады Халимбекаула. Ничего не сказала Елизавета Саввична, не позорила. Поняли ребята, что обидели самого близкого человека, заменявшего им мать. В воскресенье всем курсом пешком отправились в Халимбекаул и бесплатно проработали в колхозе целый день. Затем извинились перед Елизаветой Саввичной, а когда та смягчилась, поставили перед ней ведро первосортной черешни, привезенной на «законных основаниях».

Подошло лето. Силами учащихся провели капитальный ремонт. Деньги отдали работавшим. На каникулах, по ее же совету, ребята трудились на консервном заводе. Деньги пошли на покупку белья, обуви, на подарки родственникам, да и в следующем учебном году пригодились.

Старейший учитель Августин Петрович Скрабе уроки биологии проводил в заброшенных садах на Беловеской горке. Не раз там появлялась и Елизавета Саввична. Не для контроля, боже упаси. Брала лопату и мотыгу и принималась за работу. Учитель шептал учащимся: «Смотрите и запомните!».

Со звонком она входила в класс. Тихо здоровалась. Придерживалась того мнения, что тихий голос далеко слышен. Только на минуту подойдет к столу, чтобы заполнить журнал.

– Что было непонятного? – первый ее вопрос к классу.

Не мешала задумываться. В оценках была снисходительна. Объяснение сжатое, но исчерпывающее. Бывали, конечно, и огорчения. Багаутдин на экзаменационном диктанте получил «неуд». Принял это как несмываемый позор. Поклялся, что может смыть его только собственная смерть. Елизавета Саввична с согласия педсовета юношу перевела на следующий курс.

Ее авторитет, как учителя и директора, был непререкаем. Если пригрозят: «Доложим директору», ноги подкашивались. Встречу ждали с трепетом и робостью. Не со страхом. Ведь она никогда никому ни разу не угрожала, не делала ничего худого. И почти не прибегала к двойкам. Поэтому ее «либерализм» не всеми понимался.

– Подготовься! – то ли просьба, то ли приказ, с которым она обращалась к ученику в таких случаях.

– Ну, а если он не подготовится? – спрашивал я Елизавету Саввичну. В таком случае, объясняла она, обращусь к успевающим: «Ты и ты помогите такому-то, пожалуйста. Видно, вашему товарищу не под силу изучение истории нашего отечества». Очень часто получавший двойку клялся и просил никого к нему не прикреплять, потому что сам справится.

«Как бы вы поступили?» – с таким вопросом часто она обращалась к товарищам по работе. То, что директор так считается с тобой, вдохновляло людей. Как-то Е.С. Балковая с 15 педагогами училища ездила в Хасавюрт – на какое-то совещание. Вернулись. Получили командировочные. Елизавета Саввична приглашает всех, кто был в поездке:

– Вам не доплатили по 15 копеек!

– Мы, что, – говорят учителя, – копеечники, что ли? Могли бы не вызывать.

– Не оскорбляйте трудовые деньги, – оборвала она, – получайте положенное.

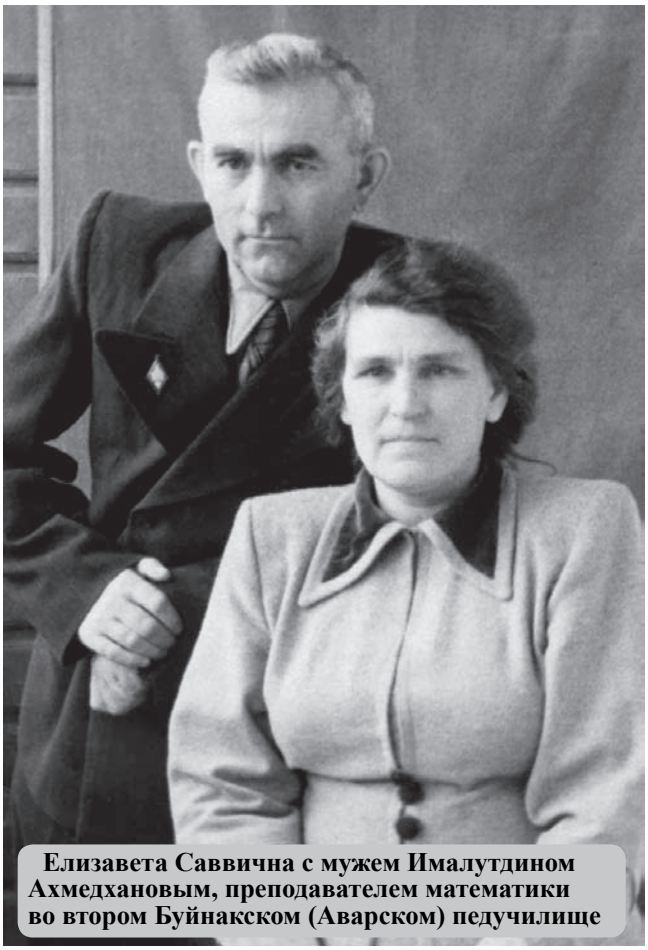
За 30 лет работы директором только один педагог получил от нее выговор. Выпивоха давал обещания, которым позавидовал бы любой кандидат в президенты.

– Накажите как следует! – советовали ей.

– Это тот случай, когда кнутом не поможешь! – отвечала она.

Тот сам развязал узел. Пришел к ней и попросил: «Стыдно мне показываться вам на глаза, а бросить пить не могу. Увольняйте!»

Учащиеся считали ее своей мамой. С горем или радостью – все к ней. Как воспитатель, она представляла собою совершенство. Главное оружие – слово, добро, пример. Никто ни разу не видел ее вялой. Энергичная, всегда подтянутая на работе, а ведь иногда шла к учащимся больною, после бессонной ночи. В таких случаях при разговоре с собеседниками лицо свое старалась держать в тени: пусть никто не догадывается о ее состоянии. А радость – пожалуйста, чтобы и другим хорошо было...



Елизавета Саввична с мужем Ималутдином Ахмедхановым, преподавателем математики во втором Буйнакском (Аварском) педучилище

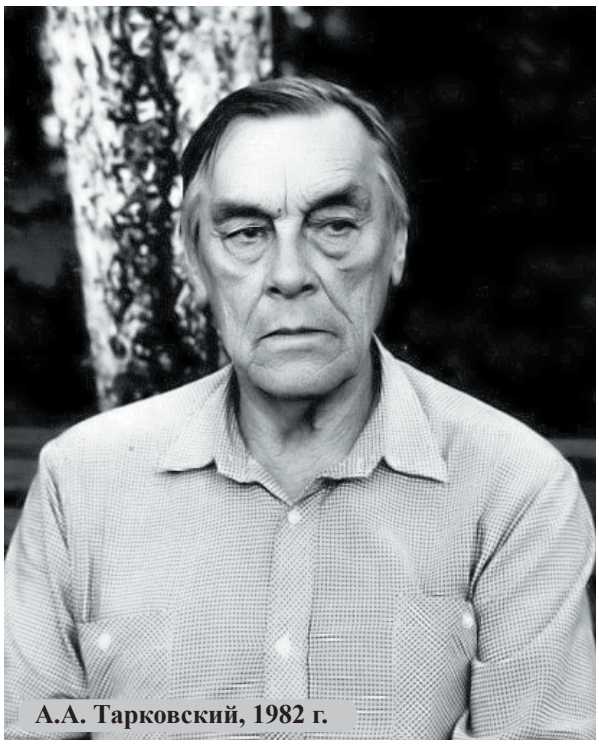
Заслуженная учительница школ РСФСР и ДАССР, кавалер ордена «Знак Почета», Елизавета Саввична вне Дагестана не представляла свою жизнь. Здесь она была бессменным депутатом многих созывов Буйнакского горсовета депутатов трудящихся. Здесь же она вышла замуж за дагестанца, учителя математики Ималутдина Ахмедханова, одна ее дочь преподаватель математики, другая педагог дошкольного воспитания, сын журналист.

И еще: одна из улиц Буйнакска носит ее имя – имя Елизаветы Саввичны Балковой.

Русский кумык Арсений Тарковский, Сталин и Берия

Ибрагим КЕРИМОВ

В 60-90-х годах прошлого века, обычно в летние месяцы, бывал я в подмосковных домах творчества Союза писателей СССР «Малеевка», «Голицыне», «Переделкино». Ездил, куда давали путевку, но всегда старался попасть в Переделкино: во-первых, ближе к Москве, во-вторых, там больше бывает известных писателей, знакомишься с ними, видишь, как они работают, учишься у них. Например, с автором эпопеи «Война» известным писателем Иваном Фотиевичем Стаднюком я познакомился в 1964 в Переделкине. Остроумный, добродушный, с ясным, улыбчивым лицом, Иван Фотиевич дружил со многими писателями. На мой взгляд, такое художественное полотно, как «Война», о трагических событиях начала Великой Отечественной войны пока не создано в нашей литературе.



А.А. Тарковский, 1982 г.

Но сейчас я хочу рассказать о своем друге – русском кумыке – Арсении Александровиче Тарковском, с которым тоже познакомился в Переделкине.

Летом 1965 года моим соседом здесь оказался известный татарский поэт Ахмед Ерикеев. Он был старше меня на 20 лет, тем не менее, мы стали друзьями. Когда уставали работать, мы выходили с ним на сосновые аллеи поселка, шли медленно, с завистью поглядывая на полузатененные плющем дачи известных писателей – Леонида Леонова, Николая Тихонова, Ильи Сельвинского...

Бывало, Ахмед Фазлович говорил по-татарски, я – по-кумыкски, и как дети радовались мы, что понимаем друг друга.

Однажды только выйдя на улицу, Ахмед Фазлович резко остановился.

– Забыли что-нибудь? – спросил я.

– Да нет. Что-то ни вчера, ни сегодня утром Арсения не было в столовой. Может, заболел. Зайдемка к нему на минутку.

– А кто этот Арсений?

– Как разве не знаешь? Он же, кажется, имеет какое-то отношение к вашему Дагестану.

– Впервые слышу.

Зашли в комнату на первом этаже. Человек, сидевший за столом, даже не поднял головы: он был в глубоком раздумье. Когда Ахмед Фазлович слегка коснулся его плеча, он встал, левой рукой крепко прижал к себе спинку стула, а правую протянул нам. Ахмед Фазлович познакомил нас:

– Из Дагестана, рассказы пишет.

– Там, кажется, много народностей?

– Я кумык, – сказал я.

Он что-то вроде захотел сказать: нижняя губа еле заметно зашевелилась.

– Вчера и сегодня утром тебя не было в столовой. Подумал, может, заболел, зашли проведать, – сказал Ахмед Фазлович.

– Да, вчерашний день у меня прошел впустую, ни одной строчки не написал. Нога сильно болела.

– Тогда наверстывай. Мешать не будем. Хотим немного пройтись на чистом воздухе.

После этого знакомства мы с Арсением Александровичем встречались почти каждый день. Причиной сближения, вероятно, могло быть то, что мы оба фронтовики, оба тяжело ранены, я тоже хромаю, долго и далеко ходить не могу, а Арсений Александрович старался по возможности вообще не ходить.

Вдоль парка – вокруг Дома творчества, затем дачи

маршала Буденного – проходит дорога в сторону города Одинцово. На противоположной ее стороне, прямо напротив входа в Дом творчества, находится крытая будка-остановка со скамейкой на пять-шесть человек. Проходящие автобусы хотя бы на полминуты останавливаются перед ней: редко кто-то садится или выходит. Арсений Александрович часто сидел на этой скамейке и смотрел на дорогу – кто едет в Москву, кто – в Одинцово.

Однажды мне пришлось ждать автобус в сторону Москвы. Вижу, сидит Арсений Александрович на обычном месте. Стесняясь, все же подошел к нему.

– Смелее, дагестанец, – сказал он, чуть улыбнувшись, и указал место рядом.

Я, обрадованный, сел.

Обращался я к нему на «вы», а он ко мне – на «ты». Началась неторопливая беседа.

– Мои дальние предки, оказывается, тоже были из Дагестана. Если бы мне не сообщил это один человек, вовек бы не подумал, – свел брови Арсений Александрович, – причем, из семьи князей – кумыкских шамхалов.

Тут подъехал автобус в сторону Москвы.

– Езжай, доскажу при следующей встрече, – сказал Арсений Александрович.

– Нет, пожалуйста, сейчас. Поеду следующим.

– Может, дело срочное, а может сорваться...

– Ничего срочного. Хочу зайти в журнал «Дружба народов».

– Солидный журнал. Временами печатает мои стихи. Посылал в него что-то?

– Да, небольшую повесть.

– Раньше печатался в нем?

– Да, однажды выходили мои маленькие рассказы.

– Значит, есть надежда, что напечатают и повесть. Судьба произведений в журналах, в основном, зависит от рецензентов. Но в «Дружбе народов» все, что поступает, читает сам главный редактор, Сергей Баруздин. Если удастся попасть к нему, передавай от меня привет. Хорошие мы друзья. Человек он с чистой совестью. И писатель талантливый.

Помолчали. Я жду, не продолжит ли он начатый разговор.

– Следующий автобус подойдет через полчаса. Я не успею все рассказать, – как бы извиняясь, сказал Арсений Александрович.

– Тогда я вообще не поеду.

Арсений Александрович как-то особенно посмотрел на меня, помолчал и так начал свой рассказ.

– Постучали как-то ко мне в дверь в глухую ночь. Посмотрел на часы: скоро два. Думаю, кто-то ошибся. Не стал подниматься. Постучали опять. Неохотно встал, открыл дверь: за порогом двое военных. Один из них тихо спросил – «можно?» и, не дожидаясь ответа, зашел в комнату. Второй остался в коридоре. При тусклом свете ночника погоны военного чуть блеснули – полковник.

– Вы Арсений Александрович Тарковский? – тихо спросил полковник.

Не смог ответить сразу: мысли унеслись далеко. Пришли арестовать меня? Но не 37-й год, а 49-й. И нет у меня вины не перед Родиной, ни перед народом! Может, в стихах или переводах пропустил что-нибудь...

– Вы Арсений Александрович Тарковский? – чуть громче повторил полковник.

– Да, – ответил я.

– Поедете с нами. Готовьтесь.

– Куда я поеду так поздно? И почему? Что произошло?

– Извините, не могу ответить ни на один вопрос. Не ответил бы, если и мог. Не имею права. Вам все объяснят на месте.

– Кто меня вызывает?

– Извините. Говорить не имею права. Я человек военный. Машина ждет на улице.

Оделся, остановившись у дверей, спросил:

– Может, захватить самое необходимое?

– Об этом мне ничего не известно.

– Опаздываем, – тихо произнес в эту минуту второй военный, тоже полковник.

Втроем мы поместились на заднем сиденье. Я в середине, по бокам полковники. По улице имени Фрунзе спустились на Манежную площадь и въехали в Кремль. Мысль работает лихорадочно. Кажется, везут не в тюрьму. В Кремле не может быть тюрьмы!.. Чуть успокоился, но страх не прошел.

Вошли в большую комнату на первом этаже. Полковники вышли, оставив меня одного. Из комнаты-то они вышли, а может, стоят за дверьми?

Обыкновенная комната, только стены обшиты морёными дубовыми панелями. По правую сторону у стены большой стол под темно-зеленым сукном, за столом – один, перед столом – два стула. Над ним на стене портреты Сталина и Дзержинского. Напротив двери широкий диван, а торцом к нему трехстворчатый шкаф.

Стою у входа. Показалось, что из шкафа, а на самом деле, может, из-за него, вышел крупнотелый человек в очках с вытянутым широким лицом. Он встал за столом и указал мне на один из стульев. Хотя был напряженным, заметил все же, что он не может совладать своим крупным телом, отдельные его части вроде висят.

– Знаете, кто я? – спросил он, садясь.

– Знаю, вы – Лаврентий Павлович Берия.

– Должность мою тоже знаете?

– Конечно, знаю, товарищ Берия. Вы министр внутренних дел СССР.

– Если не знаете остальных моих должностей, вам это достаточно. Сразу перехожу к делу. Как министр внутренних дел страны хочу попросить вас о помощи. Это и просьба, и очень почетное поручение.

Он пристально посмотрел мне прямо в глаза и после непродолжительного молчания спросил:

– Почему не спрашиваете, что за поручение? Или для вас это все равно?

– Я поэт, товарищ Берия. Какое может быть поручение поэту, а просьба – тем более.

– По данным, имеющимся у нас, вы талантливый поэт и известный переводчик. И моя просьба касается вас именно как переводчика. Скажу, в чем она заключается. Слушайте внимательно. В декабре этого года вождю народов СССР и пролетариата всего мира Иосифу Виссарионовичу Сталину исполняется семьдесят лет. Эту священную дату будут отмечать небывалым большим праздником не только наша страна, не только страны социализма, но и весь мир! Вся планета! Министерство внутренних дел СССР решило поднести дорогому Иосифу Виссарионовичу такой подарок, которого никто, ни один народ, ни одна страна не в состоянии подготовить – настолько он будет ценный!

Может, вы не знаете, а в молодые годы наш великий вождь в свободное от крестьянского труда время не мерил шагами улицы, как его ровесники, а сидел в темном углу низенькой, как хлев комнаты, и писал стихи, в которых изумительно красиво описаны го-ры и поля, виноградники и бахчи, мандариновые и апельсиновые сады, пахучие ароматом чайные плантации, полноводные реки и водопады родной Грузии. О сов-

ременных наших поэтах говорить нечего, но даже у нашего именитого классика Ильи Чавчавадзе мало таких пейзажей. Мы хотим выпустить отдельным томом эти стихи великого вождя в переводе на русский язык. Их не много, но если оформить со вкусом, с красочными иллюстрациями, получится прекрасный однотомник. Товарищ Тарковский, от имени Министерства внутренних дел страны переводы этих стихотворений любимого вождя я хочу поручить вам. Объясню почему: во-первых, вы переводили классические произведения туркменских, казахских, узбекских поэтов и национального фольклора, во-вторых, вы, по нашим данным, лучше других знаете русский язык.

Наступила тишина. Берия смотрит мне в глаза – вроде чем-то острым буравит их. Сравнивая этот взгляд с чем-то, вспоминаю эпизод, встреченный в одном туркменском эпосе: дракон грозно смотрит на свою жертву, а та сама медленно лезет ему в пасть. Этот взгляд был настолько суров, что такого страха, кажется, я не испытывал даже на фронте, когда на меня шли немецкие танки. Этот взгляд мешал и думать, а дума ох как тяжела: а что если перевод не сумеет точно передать значение какого-нибудь слова, а если вождю перевод не понравится? А если… Что? Идти в Сибирь!

– Я не смогу, товарищ Берия. Оставьте, пожалуйста, меня, – говорю тихо, будто про себя.

– Почему? Причина?

– Боюсь, не справлюсь. Есть поэты, которые смогут перевести лучше меня.

– Назовите.

– Например, Маршак. Прекрасные стихи пишет и прекрасно переводит.

– Маршак не подходит, он еврей, нам нужен переводчик русский.

– Я инвалид войны. Освободите меня. Не справлюсь я с таким столь ответственным заданием. И болею часто.

– Поможем вам. Создадим для работы идеальные условия: выделим отдельную дачу, автомашину, чтобы могли в любое время ездить в город, дадим домработницу, прикрепим специального врача, питание будут возить из самого лучшего ресторана Москвы. Если будут другие просьбы, решим их тоже.

– Очень прошу, товарищ Берия, освободите.

Наступает тишина. Но грозный взгляд продолжает меня буравить.

– Оставим вас пока. Вспоминаю, что читал в архивных материалах. В 17-18 веках дагестанские князья – шамхалы Тарковские грабили мегрельских купцов, которые через Нуху выходили на так называемый шелковый путь и отправлялись в Россию. Вы, хотя и далекий, но потомок этих Тарковских. Не забывайте этого! Если забудете, поможем вспомнить!

Берия встал. Я, шатаясь, вышел из кабинета. Кое-как вернулся домой и только начал переодеваться, раздается звонок. Звонил секретарь Союза писателей Алексей Сурков.

– Что ты натворил, Арсений?! – кричит он в трубку.

– Не пойму, что я натворил, Алексей?

– Не мог сообразить, куда тебя вызвали, и кто вызвал? О себе-то ты, никогда не думаешь, хоть подумал бы о нашем Союзе! Что прикажешь теперь делать! Не дай бог, вдруг дойдёт до НЕГО! Полетели тогда в тартарары!

– К чему этот разговор? Не отклонил же я поручение без причины. Сказал, что инвалид войны, часто болею и поэтому не в состоянии выполнить столь почетное задание.

– Это одно. Есть и второе. Оказывается, твои предки были князьями, даже сейчас в Польше имеешь родственников – княжеских потомков. А ведь об этом ты нигде не говорил и не писал.

– Никаких князей я не знаю! – крикнул я и, разозлившись, бросил телефонную трубку.

Но через несколько секунд телефон снова звонит. Опять Алексей Сурков:

– Через двадцать пять минут состоится заседание секретариата. Приезжай немедленно!

В этот раз бросил трубку телефона с таким треском, что, наверное, слышно было на улице. Но поехать было надо. Явился с опозданием на пятнадцать минут, но никто на это не обратил внимания, были рады, что я все же явился. Алексей Сурков, Николай Тихонов, Анатолий Софронов, Григорий Корабельников, Иван Шамякин, еще несколько человек сидят, как приговоренные к расстрелу. На мое приветствие никто и не ответил.

– Не осознавая, Арсений Александрович поставил нас, то есть Союз писателей, в очень трудное положение, – начал Алексей Сурков. – Я вам это объяснил. Пока не свалилась на наши головы страшная беда, надо подумать, как выйти из этого ужасно неприятного положения. За несколько минут до начала нашего заседания я имел краткую встречу с членом Политбюро Лаврентием Павловичем Берия. Вместо Арсения Александровича предложил несколько кандидатур – Маршака, Липкина, Ушакова и еще трех-четырех поэтов-переводчиков. Товарищ Берия не согласился. Что теперь нам делать?!

– Как бы мы ни решили, последнее слово за Арсением Александровичем. Пусть он выскажет свое окончательное мнение, – сказал Анатолий Софронов.

Все повернулись ко мне. Что ответить? Сердце уже зачастило... Наконец-то, кажется, нашел, если не путь, то узенькую тропинку для спасения:

– Вы все знаете, что я инвалид войны первой группы. Ни одно государственное учреждение не имеет права принимать меня на работу. Прошу хотя бы по этой причине освободить меня от этой трудной работы.

Хочу понять, как приняли мои слова товарищи по профессии. Смотрю каждому в лицо: одни вывернули нижнюю губу, другие – свели брови, есть и такие, которые вообще отвернулись. Так или иначе, это нужно решить сейчас, здесь же.

И он каждому дал слово. А слово у всех одно: сегодня же, в крайнем случае – завтра утром я должен приступить к выполнению, как они называли правительственного задания. И я очень обиделся, что никто из присутствующих не поддержал меня, поэтому категорически заявил:

– Как бы вы ни решили, я не могу взять на себя эту трудную задачу.

Ирина ПОПЛАВСКАЯ, искусствовед:

"Арсений Тарковский происходил из древнего рода шамхалов Дагестана. В Дагестане было их родовое имение Тарки. Дагестан – горная страна, и эта страна – ее горский дух – не могла не повлиять на мир Тарковских. Я думаю, с Кавказа пришло стремление отца и сына достигать вершин искусства, и дышать "разряженным воздухом", и разящая жесткость в отборе образов и слов, и отточенность поэтического языка, пронизывающего открытиями, как кинжальное острие".

(Счастливые мученики. Воспоминания о Шукшине и Тарковском)

– Как некстати отсутствие Александра Александровича Фадеева, – сказал Сурков. – Он нашел бы выход. Я так думаю: раз Арсений Александрович поставил под удар не одного человека, не двух-трех, а весь Союз писателей, ему не нужен наш Союз. В таком случае Союзу писателей СССР не нужен и сам Арсений Александрович Тарковский! Но этот вопрос решать сейчас мы не имеем права. Придется созвать правление.

Настолько я ослаб, что минут пять-шесть не смог подняться с места. Все ждут, что отвечу. Я вышел, не ответив и не простившись ни с кем.

На фронте перед наступлением возникает всегда какое-то оживление. Я оказался именно в таком положении. Одни звонят, другие приходят, а я лежу почти больной. Все же день прошел, немного успокоившись, лег спать. Лечь-то – лег, но сон не приходит. Все время думаю, чем же кончится этот скандал.

В двенадцатом часу раздался звонок. Он не был похож на другие: спокойный, тихий. Голос в трубке: «Миша говорит».

– Какой Миша?

– Не знаешь? Михаил Александрович Шолохов. Мы же друзья еще довоенные.

– С приездом, Миша. Откуда звонишь? С Дона своего?

– Звоню из «Метрополя». Приехал в ЦК по поручению Ростовского обкома партии. Рядом сидит Анатолий Софронов. Узнал про твои баталии. Так вот хорошенько выслушай меня. Сегодня последний день месяца, завтра первое апреля. Отложи все остальное, начинай переводить. Послушай меня. Если никого слушать не хочешь, сделай это ради меня. Слышишь?

– Слышать-то слышу, Миша, но слишком же ответственная работа, боюсь последствий.

– Ничего не бойся. За последствия, что бы ни случилось, отвечу я. Слышишь? А отвечаю своей седой головой.

– Не могу возражать, Миша. Твое слово – для меня закон.

– Спасибо, Арсений. К моему «спасибо» присоединяет свое и Анатолий. Улыбается во весь люкс. Я сейчас позвоню, куда надо. Завтра утром ровно в восемь часов все, что нужно для перевода – до черной копировальной бумаги, будет на твоем письменном столе. Но, Арсений, у меня есть не одна, а две просьбы. Тебе назначат срок окончания работы. Запомни твердо, что не только нельзя опаздывать, срывать этот срок, надо даже завершить работу хотя бы на одну-две недели раньше. Это моя просьба. И вторая: ни в коем случае, ни при каких условиях даже не заикайся о гонораре.

– Ладно, обещаю. Кто меня встретит?

– На этот раз не удастся. Улетаю утром рано. В Обкоме ждут. Передай своим мой звонкий привет с Тихого Дона.

На следующий день ровно в восемь часов, минута в минуту, постучали. Вышел. Один из тех полковников. Без слов он передал пузатую красную папку. Я взял ее. Не было разговора о даче, о машине, о прислуге…

Арсению Александровичу было трудно продолжать. Он замолчал и широко улыбнулся: по дороге шла молодая мама, один ребенок у нее на руках, второй – двух-трехлетний карапуз – шел сам, мать держала его только за руку. Арсений Александрович проводил их взглядом, пока они не скрылись за поворотом.

– Три месяца работал, можно сказать, не поднимая головы, не знал ни перерыва, ни выходных. Слава богу, по моим расчетам должен был закончить на две недели раньше срока. Но однажды, опять ночью, кажется, было около двенадцати, появляется тот самый полковник.

– Не окончил еще, – говорю я растерянно.

– Приказано привезти, хотя еще и не успели.

Отдал все: переведенные и непереведенные стихи. Он старательно сложил листы, положил в ту же самую красную папку и увез, я же остался с думою: что это могло означать?

Стихи были не глубокого содержания, средненькие, но их можно было выпустить отдельной книгой. Вероятно, сам автор, великий Сталин, хотел ознакомиться с переводами. Что же будет дальше? Это ведь самое главное.

В следующую ночь так же поздно приходит полковник. Сразу заметил – красной папки нет, вместо нее в руке держит что-то продолговатое, завернутое в зеленую бумагу. Положил это на стол, тихо сказал: «Министр просил передать вам устную благодарность» и ушел.

Вся семья – жена, дочь, сын и я, конечно, окружили стол, испуганно смотрим на то, что лежит на нем, не только взять в руки, но даже потрогать пальцем боимся: вдруг взо-рвется что-нибудь. Наконец, я попросил всех отойти и осторожно потрогал: не металл, не камень. Медленно снял обертку: будто только что из типографии, блестящие, даже слегка прилипшие друг к другу сторублевые купюры. Недавно была денежная реформа, и это деньги в десять раз повышенные в цене. Никогда я не только не держал в руках, но и, кажется, даже не видел столько денег.

К тому времени у меня вышло три солидных книги стихов и за все я не получил даже половины таких денег. Особенно жадно смотрит на них дочь: мысленно уже представляет дорогие бусы на шее и золотые часы на руке. Сын же, Андрей, не очень заинтересован.

– Здесь слишком много денег. Не думаю, чтобы все это было мне.

– За ними могут прийти. Неделю подождем, если никто не придет, каждый купит, что захочет, – сказал я. Никто не пришёл. Стали расходовать, и за год истратили до копейки.

Арсений Александрович улыбнулся, а я обрадовался: кажется, рассказ будет продолжен.

– Но дело с переводом стихов этим не закончилось. Это стало известно после кончины Иосифа Виссарионовича и расстрела Берия. Сообщил о нем Сурков. У него одна нога, как говорится, бывала в Союзе писателей, а другая – в ЦК. За глаза мы его называли «человеком Кремля»: все новости из верхов партии и правительства мы узнавали от него. Вот что он рассказал.

Однажды ночью после заседания Политбюро Сталин и Берия остались одни. Заметив хорошее настроение Сталина, Берия решил похвастаться: что, мол, ко дню рождения великого вождя готовит небывалый подарок.

– Ба! – удивился Сталин. – Не свалится ли он с неба?

Александр СОКУРОВ, кинорежиссер:

"Андрей Тарковский происходил из древнего рода кумыкских шамхалов Дагестана, генеалогические корни которых восходят к хазарским каганам VIII в. "

(Документальный фильм об Андрее Тарковском "Московская элегия")

– Хорошо ты заметил. О твоих делах на земле дошло до седьмого неба, и вся вселенная присылает свой подарок.

– Что же это такое?

– Пока не наступит эта минута, никому не суждено об этом знать.

– Не только на земле, но и во вселенной не должно быть ничего, чего я не могу знать, – сказал Сталин недовольно, и Берия, испугавшись, сообщил о своем секрете.

Спокойно набивая трубку табаком, Сталин спрашивает:

– Знаешь ли ты, когда я написал эти стихи?

– Обязательно, ты их написал давно, будучи подростком. Твои стихи понравились классику грузинской поэзии несравненному Илье Чавчавадзе, и он поместил их в известных журналах того времени «Иверия» и «Квали». Твои стихи вошли в тогдашние хрестоматии и книги – пособия по методике преподавания грузинского языка.

– Эти незрелые стихи я написал в пятнадцати-шестнадцатилетнем возрасте, сейчас мне семьдесят. Прошло больше полувека. Может, не стоит их вспоминать, особенно же выпускать отдельной книгой. Сам грузинский народ, надо думать, давно забыл о них. А кто переводчик?

– Известный русский поэт Арсений Тарковский.

– Сразу согласился?

– Да не сразу. Пришлось чуть прижать Союз писателей. Да потом…

– Что «потом»? – прищурившись, спросил Сталин.

– Поэт из князей, но нигде это не указывает.

– Причина?

– Вероятно, боится. Далекие предки из Дагестана. Там были известные князья – шамхалы. В середине XVIII века один из них за какую-то провинность должен был быть отправлен в Сибирь, но царица Елизавета Петровна, вспомнив приятельское отношение своего отца к кумыкским шамхалам, отправила его в одну из благополучных губерний – в Польшу. Переводчик из четвертого поколения этого князя.

– Вижу, Лаврентий, ты хорошо изучил историю этих самих князей.

– У меня вошло в традицию: если кого-то вызываю, о нем должен знать все, посылаю людей даже в архивы.

– В Наркомнаце со мной работал одно время молодой очень способный кумык из Дагестана, тоже был князь, из шамхальского рода, но фамилия его была не Тарковский, а Буйнакский. Погиб от рук контрреволюции. Бывшая столица Дагестана Темир-Хан-Шура теперь носит его имя – Буйнакск. Кто-нибудь остался еще из этих шамхалов?

– У переводчика есть сын и дочь. Есть еще один князь из шамхалов, но он заграницей. Во Франции. Царский полковник Нухбек Тарковский.

– Полковник? Нухбек Тарковский?

– Да, князь Тарковский. Может быть, знал его?

– Не видел, но много слышал о нем. В 1918 году полковник Нухбек Тарковский был военным правителем Дагестана. Вступив в союз с Бичераховым, который возвращался с Кавказского фронта с хорошо вооруженным полком, захватил все города Дагестана – Дербент, Петровск, Темир-Хан-Шуру и перекрыл путь нашим войскам, шедшим из Астрахани в Закавказье. Кажется, мой ровесник был. Как он вел себя в прошедшей войне?

– Как известно из эмигрантской печати, не поддержал ни нас, ни фашистов. После победы над Францией специальные представители верховного германского командования уговаривали его поступить к ним на военную службу, обещали генеральское звание и дивизию под командование. Не согласился, дал даже достойный ответ: «Хотя по злой судьбе я оказался в чужой стране, я россиянин! Не подниму руку на Россию!».

– Выходит, несчастный поэт вынужден был переводить мои стихи под угрозой?

– Может, и так, но, как стало известно, есть еще одна причина.

– Слушаю.

– Арсений Тарковский и Михаил Шолохов давние друзья. Согласиться на такой ответственный перевод поэта уговорил Михаил Шолохов и добавил, что за любые последствия он отвечает седой головой.

– Большого писателя можно узнать по его словам.

– Стихи твои будут напечатаны на специальной бумаге из Финляндии, на каждой странице будут национальные орнаменты и рисунки согласно содержанию стихов. Словом, книга выйдет в красочном оформлении. Это одна сторона дела.

– А есть и другая?

– За эту книгу будет присуждена государственная премия твоего имени первой степени.

– Что ты сказал?! – с силой стукнул Сталин трубкой по столу. – За мои юношеские стихи мне же дадут государственную премию да еще моего же имени? – Он посмотрел на часы. – Сейчас восемь минут двенадцатого. Чтобы ровно в двенадцать часов все стихи – переведенные и непереведенные – были на этом столе! Опоздаешь, пеняй на себя. А завтра к этому времени переводчику вручить деньги, предназначенные мне как государственная премия! Да не забудь поблагодарить поэта за благородный поступок!

Берия вылетел из кабинета, как ошпаренный кот. По всему министерству внутренних дел поднялась тревога.

– Когда Берия сказал о моих предках – князьях-шамхалах, я вспомнил, что говорила, и не раз, моя бабушка – мать отца. Она говорила, что третий или четвертый мой дед был с Кавказа – из богатых князей.

Так закончил свой рассказ замечательный русский поэт Арсений Александрович Тарковский, русский кумык в четвертом поколении.

В тот день я так и не поехал в Москву.

Арсений
ТАРКОВСКИЙ

ДАГЕСТАН

Я лежал на вершине горы,
И был окружен землей.
Заколдованный край внизу
Все цвета потерял, кроме двух;
Светло – синий,
Светло – коричневый там,
Где по синему камню
Писало перо Азраила.
Вокруг меня лежал Дагестан.
Разве гадал я тогда,
Что в последний раз
Читаю арабские буквы на камнях
Горделивой земли?

Как я посмел променять
На чет и нечет Любови
Разреженный воздух горы?
Чтобы здесь
В ложке плавить на желтом огне
Дагестанское серебро?
Петь:
«Там я жил над ручьем,
Мыл в ледяной воде
Простую одежду мою»?

1946 г.

В четвертом номере нашего журнала за 2004 год были напечатаны «Новеллы без сюжета» известного дагестанского врача-психотерапевта. Их предваряла аннотация, рассказывающая об успехах нашего земляка на медицинском поприще, перечислялись изданные им книги, говорилось о его вкладе в науку по борьбе со стрессовыми состояниями человека, общественной деятельности в Махачкале и Москве, где он руководит «Центром защиты от стресса». И о том, что, как известно, талантливые люди талантливы во всем: дагестанский врач занимается литературным творчеством и живописью. Публикуем ниже его размышления о первом своем опыте работы с кистью и одно из его новых живописных полотен на 3-й странице обложки.

Хасай АЛИЕВ

ТОСКА ПО ИСПОРЧЕННОЙ КАРТИНЕ

Это знакомо каждому художнику: хотелось сделать лучше и лучше, и...

Но здесь о другом.

Однажды мне стало интересно, как устроено это самое высокое художественное элитное творчество. Все говорят: высокое искусство! Смотрят на картины сосредоточенно, оценивают! Знатоки!

Я помню, когда нас, детей-школьников, водили в музей, мы – дети – разглядывали картины, вздыхали, вполголоса говорили что-то вроде: «Замечательно, великолепно, великие произведения!». Я стоял, ничего не понимая, и удивлялся, что они там такое видят?! Своих-то товарищей-балбесов я знал и поэтому... Высокое искусство… Ничего, наверное, они там такого, как и я, не видели, обезьяний рефлекс работал.

Можно, конечно, отличить, даже не умея петь, в исполнении песни фальшивую ноту. В каждом из нас этот необыкновенный универсальный «слух» – чувство гармонии, инстинкт истины. Но можно ли действительно по-настоящему оценить высокое достижение, восторгаться шедевром, если ты сам никогда такого создать и не пробовал. Попробуйте. Возьмите кисточку. Нарисуйте Солнышко!

Я с детства думал, что не умею рисовать. В школе на уроке перед нами ставили яблоко или молоток и предлагали нарисовать. А у меня не получалось. Даже линию правильно провести не мог. Поэтому я думал, что рисовать не умею. Вот Петров, например, художник, а я нет.

Будучи уже взрослым, я увидел картины неожиданные, буйные, без обязательных правильных линий, в многослойном густом цвете, для меня интересные. Вот как, оказывается, можно! И я бы так смог! И выясняется: эти картины тоже обладают высокой художественной ценностью!

Когда узнаешь, что то, что ты можешь сделать, является ценностью, тебе хочется это делать, хочется работать! Знание открывает веру в себя. Это было первое откровение. За второе я благодарен другу, художнику Рахману, который сказал, что рисовать – это кайф. Этого про творчество я никогда не слышал, что творчество – это кайф. И отпугивают от поиска свободы. Это отголоски психологии рабов.

Кайф!

Сам он рисовал, ходя по комнате взад-вперед и напевая. И тогда, когда я сам начал рисовать, мне стала открываться суть вещей. Суть открывается, как оказалось, через сознание усилий, необходимых для ее достижения. Осмысленный труд – это кайф. Тогда и достижение видно.

Мучаясь и радуясь над картиной, работая то в одном настроении, то в другом, наблюдая, как влияют на картину эти настроения, и краски, и величина холста, и все на свете, я уже мог теперь понять, что все на свете не случайно. Что за каждой счастливой неповторимостью мазка стоит целиком вся жизнь: и состояние здоровья, и сомнения, и вера в правоту своих идей, и вера в себя. Теперь уже я мог понять, что шедевр получается не умелым смешением красок, а концентрацией всех человеческих сил, победой духа!

Хорошие произведения, говорят – понятные. Про кого-то, бывает, говорят, что это – в стиле Пикассо, Шагала или Ван Гога… Я доволен, когда про меня говорят, что я – это я… У меня свое лицо. А молоток я и сейчас рисовать не умею. Ну да бог с ним, с молотком.

Но вначале, когда я только начинал, в те самые первые дни, я уже открыл три вещи, которые нужны, чтобы создать произведение. Хотя мой друг художник Рахман сказал, что этих открытий будет еще миллион и что в живописи каждый раз открываешь что-то новое, эти три вещи мне открылись сразу.

Первое открытие: в каждой картине, хотя бы в одной ее точке, должно быть то, что наполняет ее прелестью загадки. Тогда тебе открывается в ней все, как в сказке.

Второе: для этого в точке должны быть собраны все цвета, разбросанные на холсте. Как в горсти земли содержится почти вся таблица Менделеева.

И третье… Это – тот самый смысл. Художник, конечно, это не тот, кто пишет картины, а тот, кто языком картины выражает смысл.

Абстракционисты, модернисты, авангардисты...

Одним движением мазка можно выразить характер. Но кому-то нужно больше точек, чтобы увидеть связи, а кому-то и… фотография. Мне не нравятся абстракционисты, модернисты, авангардисты. Это поиск, стадия эксперимента, попытка взятия высоты. Художник – это тот, кто, взбираясь через абстрактные вершины, возвращается через эти высоты к земле, к жизни.

Из восточной философии: кто не испытал сатори (просветления), для того речка есть речка, горы есть горы, лес есть лес. Кто приближается к сатори, для того речка – не речка, горы – не горы, лес – не лес. А кто испытал сатори, для него, пробужденного, горы – опять есть горы, речка есть речка, лес есть лес.

Самая большая высота – это жизнь. Это и в поэзии. Как сказал поэт: от экспериментов Пастернака – к пушкинской ясности.

Вот, про эту ясность.

Рисовал я бешено. Каждую ночь до шести утра. С полным посвящением, так сказать. Поэтому с первой попытки создал картину – непохожую. Это не для критиков определение, критики найдут в нем любителя. Но она – непохожая. Не было у меня школы. Одна только страсть. Да опыт жизни. И философия бесценности живого. И так вдохновился! Вошел в работу! Для меня – не умеющего – картина за картиной! Весь в краске!

Кофе пил? Да! Не досыпал? Хронически.

Перекуривал? Да! К друзьям потом пошел? Пошел! Пиво пил? Уже несколько дней.

Сидели с другом, министром, говорили, что культуры народов должны быть представлены в Центре! Как все цвета на холсте. Это и есть политика Центра и периферии. А в чем еще политика?

Тогда и Центр будет уважать регионы, и регионы будут уважать Центр.

Друг, случайно, что ли, стакан сверху хлебом накрыл. Сижу и смотрю на этот стакан, накрытый сверху хлебом. Вот, думаю, и смысл для большой картины: один большой граненый стакан, на весь холст, накрытый хлебом. «Я тебе подарю эту картину!» – сказал я потом другу.

И всю ночь, опять до шести утра, рисовал. Стал переделывать уже почти законченную картину. Светло-желтую со светло-красным. Пустыня была красивая, зной ветров. Шедевр был. И пошли на холсте в этом пьяном угаре краски синие на черном. Стакан никак не получается, хлеб ржаной не получается, все зелено-болотное, и сам я весь в краске болотной.

В шесть утра, когда спать лег, давление, наверное, поднялось. Глаза закрыл – а передо мною холст. И как подумаю о чем-то, картина мгновенно меняется, и все так гармонично, шедевры мгновенно создаются!

Вот пятно зеленое, а на нем черная правильная тень, именно, как надо. Или вдруг угол синий, а на нем – еще синее темный такой провис. И хлеб возник не так, как старался, а именно, как надо – как натурально ржаной, а стакан под ним – не так, как рисовал, а как надо – углом!

И так до утра: все рисуется, каждое мгновение все меняется! Мозг кипит. Как бы открылось сразу, как надо рисовать! Как будто барьер перешагнул! Теперь – художник! А жутко-то как! Никак не уснуть! Мозг кипит!

Вспоминал потом. Анализировал.

Все не случайно. Было в жизни три необыкновенных подобных случая. Как-то долго-долго на машинке печатал, несколько дней и ночей подряд, а потом, как о чем подумаешь, так, будто печатаешь: отстукиваются мысли в голове как буковки на ленте. Навязчивость такая от истощения. Или в другой раз. Был в гостях у пограничников. Устроили мне рыбалку.

Целый день под солнцем рыбу удили. Сидишь себе, смотришь на поплавочек… Поплавочек тихо-тихо на воде стоит, покачивается. Долго, долго. А потом вдруг тук-тук... Вверх-вниз и под воду. Потом опять стоит и тук-тук, и резко под воду… И под водой вдруг тянет… Дергай! Только успевай! Ночью растянулся, утомленный, в плащ-палатке и, только глаза закрыл, вздохнул – поплавок перед глазами.

Обрадовался. Приятный образ, можно спокойно заснуть. А поплавок вдруг – тук-тук. Потом опять – тук-тук. И – дергаешь! И так до утра!

В самолете вдруг шум моторов переменился и музыку слышать стал, как по радио, такую красивую! Оркестр. Как подумаю о чем-то – она плавно меняется, такая гармоничная! Потом вдруг шум двигателей опять переменился, и божественная музыка из головы исчезла... А в детстве меня из музыкальной школы выгнали из-за отсутствия слуха!

И в этот раз то же самое, как в самолете, когда я услышал музыку, как на рыбалке с поплавком, как после печатания на машинке… Только теперь в голове навязчивы были не музыка или поплавок, или мысли как буквы печатные. В этот раз в голове после интенсивной работы с красками были картины. Да какие!

Видимо, гармония в нас живет одна, но сила включения этой гармонии, таланта нашего универсального, полностью зависит от того, чем мы с интересом заняты. У музыканта гармония в музыке. У шахматиста – в шахматах. У живописца – в живописи.

Только мера всё же нужна! Нельзя так себя насиловать.

Три дня умирал после этого творческого и пивного угара. Никак в себя прийти не мог. В комнату с картинами входить не мог. Напряжение и депрессия. Запах красок страх ада вызывал. Но, слава Богу, наконец, возродился. Отоспался, водой отпился. Весна жизни!

Может, потому и пьют, несчастные, чтобы так разбиться насмерть и ожить! Как смена времен года! Может, душа требует прожить так за одну жизнь миллион маленьких жизней: через миллион смертей и возрождений. Как в стихах моего друга Абдуллы: «Жизнь разбилась на тысячу жизнишек...». Потом дошло: не тебе одному такая обманчивая мысль в голову приходит, что именно тебя, творца-мученика, Бог-творец пожалеет!

Каждому так кажется, что это именно его минует. Дуринушка! Как же он тебя пожалеет, если он тебя живого сотворил, а ты, дикарь и варвар по отношению к себе, сам себя разрушаешь? Перепутал творчество с разрушением, с обыкновенной примитивной перегрузкой! По дикости своей.

Культуры мало. Культура – это забота о живом. Вот!

Подошел к своей картине с хлебом на стакане. Жуть какая-то прошибает, не картина – ад! Как из преисподней! Ясно стало: чудо прекрасное с больной душой не сотворить.

Ни одно психическое нарушение не остается без материальных следов.

И тоска, тоска по испорченной картине! Были знойные ветры! Какая раньше была картина! Как теперь тот шедевр повторить?! Краски на холсте толстым слоем – грязные, стакан и хлеб – зелено-болотные, сам я, как вспомнил – так вздрогнул, весь в краске болотной.

А теперь голова-то ясная! Но куда этот ад вчерашний деть? Взглянуть страшно. Забирает. Не прикасаться к аду! Взять быстрее новый чистый холст. Потому что жутко? Невозможно подойти – страшно. Или набраться мужества и – поверху! Мне еще раньше говорил Рахман, что когда творческой поисковой фактуры на холсте больше, – картина богаче. Как и сама жизнь. Я же хочу быть художником! Надо доделать!

Взял я кистью и – по этому зелено-болотному, размешал это зелено-болотное по всему холсту! Затер все зелено-болотным. Вдруг этот самый зелено-болотный цвет елочки выстроил, а между ними, этим же цветом, но более светлым, – обозначил кружочек.

Образовалась точка, которая окрасила все вокруг загадкой сказки. Потому что она, хоть и светлая, но в ней – все цвета, что на холсте, как в горсти земли почти вся таблица Менделеева. Солнышко!

И появилась ясность! Жизнь. Смысл!

Культура, оказывается, – это способ достижения истины без саморазрушения.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЕВРОПЕЙЦЫ МЫ? ИЛИ АЗИАТЫ?

Как-то в одной компании разговор зашел о том, кто мы – европейцы или же азиаты? Мнения разделились. Одно из них сводилось к тому, что мы, дагестанцы, своими корнями и менталитетом более азиаты, а европейцами нас пытались и сейчас пытаются сделать, в этом преуспевали как коммунисты, так и прозападники-демократы. Другое мнение было прямо противоположным: нет, мы – европейцы, но если в чем-то отстаем от них, имеем схожие с азиатами привычки, то это из-за географической близости к ним. Было и третье мнение: нет, мы не европейцы и не азиаты, мы – кавказцы, у которых – свои традиции, культурные ценности и т.д. Так к кому нам себя относить? Поэтому статья в журнале «Дагестан» под названием «Кто – скифы и азиаты, кто – европейцы, кто – рабы...» – задела за живое. И захотелось высказать свое мнение.

Суждения людей, высказавших эти разные точки зрения, не лишены логики, но возникает другой вопрос: а насколько правомочен сам такой спор? И что принимать в качестве отправной точки: географическое месторасположение или же образ жизни? Наверное, надо брать во внимание и то, и другое. Ведь француз в своей стране не станет азиатом, если даже начнет палочками есть рис и исповедовать буддизм или ислам, равно как и узбек или другой азиат, проживая в своей стране, не станет европейцем, если сменит халат на европейский костюм, откажется от традиционной религии и привычек.

Для того чтобы определиться с этим вопросом, нам сначала необходимо уяснить: к Европе или Азии относится страна, в которой мы живем. А здесь не все так просто. Чисто географически Россия внушительно вклинилась в Европу, и в то же время другая ее территория, составляющая две трети всей площади страны, расположена в азиатской части континента, выходит к Тихому океану и через море граничит с Америкой и Японией. Следовательно, она не может считать себя ни европейской, ни азиатской страной. Симбиоз Европы и Азии, некая самодостаточная Евразия, за которую ратуют некоторые национал-политиканы, вряд ли приемлем, поскольку речь не только о территории, но и о национальном менталитете, культуре, традициях, быте населяющих ее народов.

Но все это присказка, а суть в том, что европейцы целеустремленно стирают границы между странами. Вот уже несколько лет, как они ввели единую валюту, десяток стран входит в Шенгенское соглашение о безвизовом пересечении границ гражданами своих стран. Некоторые бывшие социалистические страны и даже республики в составе СССР или вошли, или стоят в очереди на вхождение в Евросоюз. В Европе строят, и весьма успешно, единое государство.

А что делается у нас? Бывшие братские республики (единой до недавних пор страны) отгородились друг от друга, словно извечные враги. Среднеазиатские республики не пускают к себе без визы россиян, Россия отвечает тем же. А какого вселенского накала достигли отношения между Россией и Грузией, хотя для их ухудшения нет никаких весомых причин. Поездка россиян на Украину, в Азербайджан и другие республики, куда формально виза не нужна, сопряжена с такими препонами, что просто люди диву даются: ну как можно так мучить своих граждан? Как можно заставлять их часами стоять в бессмысленных очередях, как можно в каждом из них видеть потенциального преступника, как можно подвергать людей таким унизительным поборам? Если даже наши долготерпеливые люди ужасаются установившимся на таможне порядкам, зачем тогда мечтать о дне, когда к нам будут приезжать иностранные туристы – избалованные вниманием и сервисом европейцы.

Извечно так было, что сопредельные с другими государствами территории развивались наиболее бурно. И в этом отношении Дагестан, граничащий не только с пятью государствами (понятно, что через Каспийское море), но и находящийся на стыке двух континентов, особыми успехами похвастать не сможет. Так же, как и другие российские сопредельные территории. Только региональные центры, сосредоточив в своих руках все финансовые потоки и экономические рычаги, уже сделали или делают в своем развитии семимильные шаги. Периферия как упала на колени, так и стоит на них, не в состоянии набраться достаточных для подъема сил. Помочь ей в этом призваны нацпроекты, но эта помощь пока малоощутима. Имея в достаточном количестве и природные, и людские ресурсы, страна никак не может избавиться от продуктовой зависимости от других стран. Такую ситуацию, как и многое другое из российской действительности, западные страны понять не могут.

Европейцы всегда причисляли россиян больше к азиатам, нежели к себе. Не случайно Наполеон Бонапарт, когда на белом коне въехал в сданную без боя Москву, назвал храм Василия Блаженного, что на Красной площади, мечетью. Но никто в Азии никогда не причислял Россию к азиатским государствам. Так живем – между Европой и Азией.

Любая другая страна из такой ситуации извлекла бы пользу, и немалую. Но Россия почему-то не входит в число стран, извлекающих пользу из любой ситуации. Она даже своими громадными природными богатствами нормально распорядиться пока не может. Поправлю самого себя: Россия не живет между Европой и Азией, а как бы висит, словно между небом и землей.

В обозримом будущем Россию в Евросоюз не примут. Учитывая это, Президент В. Путин поставил задачу не «быть в Европе», а «стать Европой», то есть страна должна быть конкурентоспособной. И политически, и экономически. Нельзя сказать, что попытки в этом отношении безуспешны. Поскольку львиная доля нашего внешнего товарооборота приходится на страны еврозоны, нам «стать Европой» нужно непременно, нужно привести наше законодательство в соответствие с европейскими стандартами. К этому надо бы заранее готовиться, в том числе и регионам страны. То, что в аэропортах Шереметьево или Внуково царят европейские порядки, не говорит о том, что страна «становится Европой». Потому что где-то на китайской, азербайджанской или грузинской границах установились азиатские порядки в самом худшем их варианте. Там, как уже сказано, процветают произвол и мздоимство. Следовательно, «стать Европой» обязаны, помимо центра, и регионы.

Не похоже, что в нашей республике все это уже осознали. Все же многие наши люди думают, что они, действительно, не европейцы и не азиаты, а кавказцы. Да, можно было гордиться, что мы гостеприимны, трудолюбивы, храбры, наконец. Гордиться тем, что мы уважаем и почитаем старших. А что теперь? За последние годы мы практически утратили многие присущие нашим предкам черты. А взамен приобрели присущие европейцам и азиатам пороки – распущенность, черствость, стяжательство, лизоблюдство, клановость. Неужели «стать Европой» для кого-то означает отказ от всего самобытного?

... Удивительная все-таки у нас страна. Президента Путина мы почитаем, как азиаты почитают любого своего хакима, но ничего не делаем, как сделали бы законопослушные европейцы, чтобы его пожелания или обозначенные им задачи претворялись быстрее в жизнь. Так и живем – между Европой и Азией, так и висим – между небом и землей...

Габиб ГАДЖИЕВ

О КОРОВЕ, КЛЕВЕТЕ, ПИСЬМЕ И САПОГАХ

РАССКАЗЫ

Ибрагим ИБРАГИМОВ

НЕ УВОДИ НАШУ КОРОВУ

Было смутное послевоенное время. Нежданно и негаданно постучала беда в ворота колхозника Али. Осенью ему выделили земельный участок для новостройки. Обрадовался: давно пора было расстаться с полуразвалившимся дедовским домом. Понемногу набрал стройматериал. Весной на склоне горы, что напротив села, добыл камень. Оставалось перевезти его к месту постройки. Жаль только…

Его вызвали в колхозную контору.

– Послушай, приятель, что ты себе позволяешь? – строго посмотрел на него председатель.

– А что случилось? – удивился Али.

– Не ты ли добывал камень с Большого склона?

– Я.

– Кто тебе дал такое право?

– А зачем? Не я один добываю камень с этого склона.

– Ты хоть знаешь, чья эта земля?

– Знаю. Чья она может быть, наша, общественная.

– Что?! Наша, говоришь? Выходит, ты не знаешь, что она колхозная?

– А колхоз разве не наш?

– Вот ты какой грамотный! Раз так, думаю, знаешь также, что полагается за вредительство колхозу.

– Какой вред? За что? Там, где я добывал камень, одна крапива да колючки!

– Ну и что, эта земля колхозная, для выпаса скота. Теперь она стала непригодной. Разве это не вред?

– Побойся Аллаха, там нет вреда ни на копейку!

– Аллаха прибереги себе для молитвы. Правление решит, как быть!

Председатель закончил разговор.

На следующий день правление колхоза вынесло по вопросу колхозника Али весьма жесткое решение: за незаконную добычу камня и порчу места выпаса скота на члена колхоза Али наложить штраф в размере 300 рублей, а камень изъять и передать в собственность колхоза.

Это был страшный удар. Да черт с ними, пусть забирают себе камень. Ну такой штраф! Откуда столько денег у колхозника, работающего за трудодни? Али еле сводил концы с концами.

– Нет, так не бывает!

Али отправился к районному руководству и рассказал обо всем. Что толку? Как говорят, рука руку моет. Все разговаривали на стороне председателя.

Три дня и три ночи Али ходил сам не свой, кусая кулаки, скрипя зубами. «Что делать? – думал он. – Где это видано, чтоб так обошлись с человеком? За всю жизнь я и мухи не обидел. Не воровал, не зарился на чужое добро, не завидовал чужому счастью. Отец погиб на фронте. Не покладая рук, мать работала в колхозе и померла на кутане от солнечного удара. С тех пор, как научился запрягать волов, я вспахал не одну сотку пашни. Почему этого никто не замечает? Я для кого работал? Не для колхоза? А колхоз чей? Разве не мой? Только ли председателя? Он ни у кого не спрашивал, когда разбирал старинную каменную башню. Отгрохал себе двухэтажный особняк. Значит, ему можно? Значит, мы зря говорим «наш колхоз»? Нет, я чего-то не понимаю. Решительно не понимаю! Что мне делать? Как быть мне и моей семье? Одно дело, если бы только председатель был против. Ведь за то, чтобы меня наказали, подняли руки все члены правления. Что происходит?»

Дело Али передали в суд. Затаскали, запугали бедного колхозника.

Али слег. Похудел. Тоска и тишина, как непрошеные гости, навсегда поселились в его дом. Жена Аминат и мал мала меньше трое детишек, словно загнанные в угол ягнята, часами безмолвно сидели, взирая на тяжелые вздохи отца.

Однажды вечером Аминат подошла к мужу:

– Я взяла их у мамы. Остальные как-нибудь сами наберем…

Али увидел деньги, зажатые в руке жены, и понял: это были сбережения тещи на черный день.

– Нет, родная, так нельзя, верни маме деньги.

– Я не просила, она сама принесла.

– Нет, нет, так нельзя…

– И я говорила то же, она не соглашается… Может, так будет лучше? Пока не заплатим штраф, нас не оставят в покое. Родной мой, они нас до тюрьмы доведут.

– Не смеют!

Аминат присела рядом с мужем и заплакала.

– Не говори так, ни к чему нам враждовать с хакимами. Вспомни, скольких сельчан погубили изверги. Хорошие люди исчезли бесследно, словно капля воды в море. За что? За пригоршню колосьев для умирающих от голода детей.

Али промолчал и отвернулся к стене. Жена была права, идти против властей – это равносильно желанию проломить стену кулаками...

Карим, старший сын Али, проснулся спозаранку. Начинало светать. Амир, его младший брат, еще лежал рядом с ним и спокойно посапывал. Сестренка в люль-

ке тоже спала безмятежным сном. Отца не было дома.

Вдруг на щеку Карима упала капля влаги. Он вздрогнул, потирая щеку ладошкой, поднял голову. На краю тахты сидела мама и, опустив голову, плакала. Тихо, не всхлипывая. Сын сразу догадался, что она давно плачет, потому что на ее бледном лице четко вырисовывались темные круги вокруг глаз.

– Мама, что случилось? – спросил он в тревоге.

– Ничего не случилось, сынок, спи, спи, – она погладила его волосы.

– А где папа?

– Успокойся, папа во дворе.

Легко ли было успокоиться Кариму? Ему уже не раз снилось, будто бы отец уходил на фронт, а он, ухватившись за полу армяка, не отпускал его. Хотя он мысленно сознавал, что война давно уже закончилась и что его беспокойство напрасно, какой-то безотчетный страх сковывал его маленькое сердце.

Как бы подтверждая слова мамы, со двора донесся голос отца. Он звал, и мама вышла. Карим успокоился, правда, ненадолго. Он впервые видел маму такой расстроенной. Никогда прежде не думал, что мама тоже может плакать, и из ее ласковых глаз тоже текут слезы.

Карим покинул ложе. На улице начинался летний день: заалел небосвод, нависший на одну из вершин гор, напротив села. Обдавал свежестью прохладный ветерок. Пробудившиеся с рассветом птицы выводили свои пленительные мотивы.

Отец с веревкой на коленях сидел во дворе на чурке и курил папиросу. Он был одет во все новое: брюки-галифе, каракулевая папаха, хромовые сапоги. Он так одевался по праздникам или на свадьбу. Карим удивился: в этот день ни праздника, ни свадьбы как будто не намечалось.

Затягиваясь папиросой, Али углубился в свои думы и не заметил своего босоногого первенца. Кариму это не понравилось: «Почему сегодня отец не замечает его? Почему как раньше не говорит «салам»? За что он обиделся? На кого? На маму? Нет, на маму он никогда не обижался…»

И вот, погоняя перед собой корову с черно-белыми отметинами, из хлева вышла мама. Корова остановилась во дворе, лениво повернув голову в сторону отца, замычала. Она была крупная, с большим отвислым выменем и двумя белыми пятнами на лбу. Мама очень любила ее, постоянно хвалила: спокойная, чистоплотная, дает много молока и в яслях весь корм подбирает. По словам матери, второй такой коровы ни в селе, ни в округе не было. Карим тоже любил ее. Не за то, что она была единственным животным у них, а за то, что давала по утрам и вечерам вкусное молоко. Одно ему не нравилось. Она не бодалась с другими коровами, держалась отдельно, обособленно. Это понятно – была безрогая.

Бросив папиросу, Али поднялся. Взял веревку и повязал вокруг шеи коровы.

– Ну, я пойду, что ли…

Ведя за собой корову, он вышел на улицу. Корова не стала капризничать и послушно последовала за ним.

Аминат присела на чурку и закрыла лицо руками.

– Мама, а куда папа уводит нашу корову? – спросил Карим.

– На базар, – коротко ответила мама.

– Зачем?

– Зачем ходят на базар? Продавать будет.

– Потом не вернется к нам наша корова?

– Не вернется.

– Мама, больше и молока у нас не будет?

– Не будет. Нет коровы, значит, нет и молока! – мать повысила голос. – Оставь глупые вопросы и марш домой!

Она поднялась, взяла метлу и стала подметать двор.

Карим вошел в комнату и забился в теплую еще постель. Он все-таки не мог понять одного: почему отец решил продать корову? Она же была хорошая, и отец любил ее. Когда мамы не бывало дома, сам кормил и доил. Значит, больше не будет у нас молока. Я-то перебьюсь, а маленькая Пати? Ей только два годика, мама готовит кашу для нее всегда на молоке. Амир – другое дело. Ему и чаю хватит, он с утра ест хлеб с сахаром. Правда, когда увидит кувшин со сливками, и он не прочь полакомиться.

Вот и Амир проснулся. Вытащив из-под одеяла обнаженные руки, он протер глаза. Старшему захотелось поговорить с братцем.

– А знаешь, ты больше никогда не получишь бурт (сметану).

– Почему? – вылупив глаза, братец откинул одеяло и поднял голову, бритую наголо.

– Папа нашу корову на базар повел.

– Зачем?

– Ну что за глупый вопрос? Что делают на базаре? Корову продают. Понял? – сказал он с гордостью знатока, как недавно объяснила ему мама.

– Тогда у нас будет много денег! – обрадовавшись, Амир захлопал в ладоши.

– Чему ты радуешься?

– Мама купит много конфет.

– Дурак! Ты больше не хочешь бурт?

– Я конфеты больше люблю.

– А что станет с нашей маленькой Пати без молока?

– А ничего не станет!

– На тебе конфета, лысая башка! – Карим шлепнул братишку по голове.

Младший не стал плакать, обидевшись, почему, мол, бьешь меня; размахивая тонкими ручонками, он налетел на Карима. Но тот оттолкнул его, спрыгнул с постели и начал быстро одеваться. Амир, уже помирившись, спросил брата, куда он собирается. Карим не ответил. Мысли его были заняты другим: «Мне надо поторопиться. Успею догнать папу, пока он не ушел далеко. Надо вернуть нашу корову. Нельзя продавать ее. Папа о многом не подумал, я ему все объясню. Неужели, он не заметил слезы мамы? Ведь она не хотела продавать корову? Я это точно знаю! Я и про сестренку скажу. Обо всем расскажу. Как он мог!.. Папа поймет, он хороший, он послушается меня. Он очень любит нас…»

Да, Карим не знал о многом.

КЛЕВЕТА

Получив впервые «пятерку» по математике, Ражаб пришел из школы довольный. А такое не часто бывает: кто не знает этого старого хрыча Гаджиахмеда Абакаровича, скрягу, какового свет божий не видал. Дряхлый, как столетняя арба, все тело – одни кости да кожа, с единственной стоящей чертой лица – с огромным орлиным носом. Говорят, легче вырвать кость из пасти разъяренного волка, чем заполучить у него «пятерку». Ах, и жадный же он до отметок! Из-за одной ошибки, была бы хоть ошибка стоящая, скажем, не хватает нуля, чепуха, одним словом, а решение всего примера становится никуда не годным. И Гаджиахмед Абакарович, уставясь поверх своих «стекляшек» на ученика-бедолагу, не моргнув глазом, выставит «кривоногую» двойку. За пять лет Ражаб заработал

столько этого «добра», что, если бы всех их нанизать на одну нитку, получились бы четки сельского муллы, по которым совершают зикр в мечети.

Этот случай – редкое исключение. Правду говоря, услужил ему отличник Ибад, в самом прямом смысле этого слова, сосед по парте: без зазрения совести Ражаб списал работу от корки до корки. Что поделаешь, как поговаривает отец, его «малосообразительная» голова не может уместить в себя столько всевозможных чисел.

Однако Ражабу не удалось поделиться своей радостью. Переступив порог дома, он встретился лицом к лицу с дедом, который, заложив руки за спину и нахлобучив каракулевую папаху, в своем извечном галифе шагал из угла в угол. Словно сговорившись, весь оставшийся тухум отсутствовал.

Не отозвался дед на ласковый салам внука. Нахмурив брови, он остановился посреди комнаты и поднял на него свои «колючие» глаза:

– Пришел?

– Дед, знаешь, сегодня со мной такое случилось…

– Знаю, – не дав досказать, он оборвал внука. – А теперь садись на табуретку и слушай меня.

Ражаб молча поставил ранец с книгами в угол комнаты, уселся на указанную ему табуретку. Дед тоже устроился напротив на диване, поправил папаху на голове и заговорил:

– В нашем роду еще не было нечистых на руку. Я все знаю… Так что, внучек, выкладывай все начистоту!

Ражаб был поражен услышанным, и значение слов «нечистых на руку» дошло до него не сразу.

– Дед, я не понимаю, о чем разговор? – силком выдавил из себя внук.

– Понимаешь или нет – это неважно, только скажи, куда дел мою пенсию? Вчера только получил, а сегодня ее будто ветром сдуло. Это не мужской поступок!

Испугался Ражаб. Сердце словно перестало биться. Дрожь поползла по телу. Ему куда легче было бы получить пощечину от деда, чем услышать такое.

– Не брал я! – в сердцах выкрикнул он. – И в глаза не видел!

– Другого ответа я и не ждал от тебя. Напрасно. Нет смысла увиливать. Я все уже знаю. Предусмотрел. Семья у нас небольшая: отец с матерью, бабушка да твоя младшая сестра Гидаят. Ну сам посуди, на кого еще я могу подумать? Чужой человек средь бела дня не станет шарить у нас дома… Одним словом, я рассчитываю на твое благоразумие… Ты понимаешь меня? Думаю, тебе не хочется посвящать остальных членов семьи в этот инцидент? Все останется между нами… А ты подумай, рассуди. Ведь я тебе ни в чем не отказывал, и теперь мне не жалко денег. Сколько надо, столько и получишь. И, вообще, дело не в деньгах. Это гнусный поступок, порочащий порядочного человека. Да, да, мне больно это сознавать!

Дыхание Ражаба перехватило, слезы досады вот-вот готовы были брызнуть из глаз. «Нет, нельзя мне теперь давать слабину, – подумал он. – Такое дед воспримет по-своему. Скажет, не будь виноватым, не стал бы хныкать. А потом он ни за что не отстанет от меня. Знаю я его! Начнет капать мне на душу. Совсем загонит, собирая по мелочам все мои прошлые грешки: «Ты такой-сякой бездельник, лоботряс, камнем висишь у матери на шее. Жаль, что тебя кормят и одевают, от тебя проку не больше, чем от бездомной собаки. Земле – ноша, солнцу – тень. И такому паразиту дали мое имя?! Чтоб топтал в грязи? Этого мне еще не хватало! Ни за что не оставлю!» Остановить разбушевавшегося деда не так-то просто. Непременно напомнит свое доблестное прошлое: достанет из сундука ордена и медали и будет совать мне под нос, мол, вот как я прожил жизнь. Потом покажет свои мозолистые, широкие, как лопаты, ладони: «Ты, выродок неблагодарный, посмотри на мои руки! Они, словно точильный камень, протерлись, не покладая из-за вас… Отродясь не было у нас в тухуме нахлебников, воров, паразитов. А тебя, паршивца этакого, мать кормит из своих ладоней. В лес по дрова не ходишь, воду из колодца не носишь, не чабануешь…Только умеешь штаны за партой протирать. Хоть бы учился как другие дети. Кто не знает, как мать обивает пороги школы, чтоб тебя не оставляли на второй год. Лентяй! Бездарь! Тупица!»

В это самое время, держа кувшин перед собой, в комнату вошла Гидаят. Она училась в третьем, после уроков успела сходить за водой. Осмотревшись вокруг своими хитрыми глазами небесного цвета, оценила обстановку; кажется, догадалась, в чем дело. Не зря же ее кличут «всезнайкой». Ражаб же нарек сестренку «ябедой». И было за что, дня не проходило, чтобы она по всяким мелочам не доносила на него. Сколько он ее колотил, а все зря. Гидаят тоже ненавидела брата и всегда мечтала, как бы ему отомстить.

– Я не брал денег! – очередной раз повторил Ражаб.

Не успел дед что-либо сказать, как Гидаят подала свой визгливый голосок:

– Он брешет… я видела у него денег. И немало…

– Что?! Ты видела? Где? Когда? – дед обернулся к ней.

– В его комнате. Они и теперь там, под матрасом. Если надо, я могу их принести, дед?

Не дожидаясь дальнейших указаний со стороны деда, Гидаят выскользнула из комнаты и, минуту спустя, возвратилась обратно.

– Вот они!

– Это все? Тут только пятьдесят рублей?!

– А там больше нет. Дед, может, он их прячет в другом месте? Я видела, как он вчера «сникерсы» покупал. Меня даже не угостил…

– Ну, что скажешь? – с ухмылкой уставился дед на Ражаба.

– Это мои деньги. Я их скопил на новое колесо для велика.

– Опять увиливаешь? Скопил, говоришь? На улице такую садаку не подают…

– Они мои!

– Кто тебе поверит? – погрозила брату указательным пальцем Гидаят. – Уже два месяца прошло, как ты свой велик Ибаду подарил. Чтобы он тебе домашнюю работу списывать давал… Меня не проведешь!

– Замолчи, ябеда! Я говорю правду!

– Так и поверила?

– Погоди, я до тебя доберусь! Будешь знать, как на меня наговаривать!

– Хватит! – накричал на них дед. А Гидаят успела-таки брату язык показать, мол, будешь знать, с кем имеешь дело.

Спустя полчаса к вершителям семейного суда прибавились еще двое: отец и мать. Дело получило широкую огласку. Отец тотчас, как и дед, стал ворошить неприглядное прошлое сына: напомнил как тот своровал морковь с соседнего огорода, как закидал камнями крышу старухи Халум-адай, как по его вине сорвался с обрыва теленок при выпасе скота… Много у него грехов скопилось. Казалось, Ражаб всю свою жизнь умел творить только пакости. Завершая свою тираду, отец не преминул напомнить, что место таких, как его неблаговоспитанный сынок, находится в детской колонии.

– Вы совсем напугали моего бедного мальчика, – замолвила словечко для разрядки обстановки мама. – Быть может, он не виноват? И разве же есть дети, ко-

торые были бы совершенно безгрешны? Взрослые тоже ошибаются. А мой Ражаб совсем еще как ребенок…

– Кто в детстве не уразумел, тот и в старости не наберет ума, – строго заметил отец. – Вы же видите, он и не думает раскаиваться. Надо наказать! Для его же пользы.

– Я не вор, и не в чем мне признаваться!

– Папа, ты карманы его выверни, а я в сумке поищу, – услужливо предложила Гидаят.

– Ты бы хоть помолчала, колючка маленькая! – накричала на нее мать.

Глаза Ражаба гневно засверкали: «Погоди, я с тобой разберусь. Ты у меня запоешь другую песенку, когда рядом никого не будет. Нет тебе пощады!»

Домашние «судьи» пошли-таки на поводу у этой Ябеды: обшарили, обыскали все, что считалось собственностью Ражаба. Не забыли даже в поношенные сапоги заглянуть.

Денег больше нигде не нашлось.

«Никогда бы не подумал, что все, как один, такого плохого мнения обо мне, – рассуждал Ражаб. – Деда еще можно понять, месячная пенсия – пропажа немалая. А папа? Так и норовит навесить на меня что-либо новое, нехорошее. Столько денег! Куда бы я их дел? На что потратил? Да и зачем? Неужели я похож на вора? Хоть бы кто-нибудь сказал доброе слово обо мне. Все меня ненавидят, словно я им враг. Так они и с чужим не обошлись бы. Даже мама, хоть заступается за меня, мне не верит. Я все вижу. Я не глупый. Неужто я такой никудышный? Ведь было что-то хорошее и у меня? Тогда чья лошадь победила на скачках в день Первой борозды? Хаким из района подарил мне радиоприемник. Кто пригнал домой ночью из леса отбившуюся корову Зазы? Кто вернул набитый деньгами бумажник этому скряге Гаджиахмеду Абакаровичу? Он и рубля не смог подарить. Кто помогал Гамиду вспахать волами огород? Кто колол дрова на зиму слепому Мусе? Разве не я сажал деревья в школьном саду? Не я ли косил траву, жал пшеницу вместе с бабушкой, убирал во дворе… Будто всего этого в помине не было! Все видят во мне вора, мошенника, проказника. Все возненавидели! Как они несправедливы ко мне?! Я им – пустое место. Верят каждому слову этой сестренки-ябеды. Была бы хоть бабушка рядом. Она одна, кто верит мне, кто любит меня…»

– Выходит, ты отказываешься признаться? – голос отца прервал его мысли.

– Я не брал денег!

– Что ж, придется принять строгие меры. Гидаят, принеси-ка сюда мой ремешок!

На этот раз Гидаят не поспешила исполнить указание папы: она с тревогой смотрела то на разгневанного папу, то на совершенно равнодушного брата. У нее и в мыслях не было, что все так круто обернется, что отец готовит брату такую кару. Ей совсем не хотелось, чтобы Ражаба выпороли ремнем у всех на виду. Так нельзя! Такое быть не может! Какая бы между ними вражда ни была, она все же любила брата-озорника.

– Дочь, ты слышала, что я сказал?! – раздраженно крикнул отец.

Гидаят и на этот раз не сдвинулась с места.

Неизвестно, чем бы закончилась эта история, если бы в эту самую минуту не отворилась дверь и не показалась на пороге бабушка. Вся красная, уставшая, словно загнанная лошадь.

– Боже, чуть концы не отдала, пока дошла до дома. Хоть бы кто на подмогу… Еле притащила с базара… Всю пенсию истратила…

С этими словами она поставила на пол две огромные сумки, набитые покупками.

Все были приятно удивлены.

ЭТО ЗАГАДОЧНОЕ ПИСЬМО

Отец говорит, что бабушке уже перевалило за девяносто. Я же, правду говоря, не вижу в этом ничего особенного: сколько я помню, бабушка была такая же старая, когда мне было лет пять, осталась та же и теперь, когда мне уже пятнадцать. Она такая высохшая и хрупкая, готовая вот-вот рухнуть как ветхая хибарка. Лицо и руки ее обтянуты тонкой смуглой кожей с несметным множеством складок.

Не помню, чтобы она жаловалась на здоровье или подолгу болела. Жила одна в своей обветшалой сакле. «Я не перееду к вам, пока ноги будут носить меня, – отвечала она на уговоры моих родителей. – Знаю, у вас будет мне хорошо, но у себя я буду чувствовать лучше и спокойнее…» Но и дня не проходило, чтобы мы не встречались, а иные вечера я оставалась у нее до утра. Это были чудные ночи! Сколько она мне рассказывала интересных случаев из жизни, сказок да удивительных приключений, которых нет даже в самых увлекательных книгах. Вот только в воскресенье не любила я ходить к ней. Сами посудите, с утра до вечера в этот день бабушка держит меня как привязанную возле себя в кладовке. А там у нее хранится старый, почерневший от времени, огромный сундук, доверху набитый всяким хламом. Любит она покопаться в сундуке, приговаривая:

– Вот черкеска, совсем как новенькая, вот ситцевая рубаха, а вот и чарыки… Эту каракулевую папаху моль еще не тронула, вот овчинка, вот и шерстяные джурабы…

На полу громоздится целая гора одежды. Она дедовская. Осталась с того дня, как он ушел воевать… Осталась так никем и не ношеная. Бабушка раз в неделю перебирает всю одежду, чистит, хотя на ней и пылинки нет, осматривает долго, любуясь каждой деталью, а потом кладет обратно. Работа немудреная, если бы всю эту процедуру она поручила мне, я бы без труда управилась за четверть часа. Она меня и близко к сундуку не подпустит, каждую вещь сама достанет осторожно, будто она может разбиться как стекло. Тоска одолевает, когда гляжу на нее. Вот и послушайте:

– Эту черкеску, дочь моя, твой дед Акайла Мирза, светлой его памяти, купил на базаре в канун войны. Такая редкость была в ту пору, и заплатил за нее два мешка отборного зерна. Надевал всего-то раза три: на праздник Первой борозды, на святой день Рамазана и на день рождения твоей матери… Чарыки сам пошил. Тут, понимаешь, целая история. Он вспахал однажды своими волами каменистый участок колхозного сторожа Маммы, а тот, как говорят, добром за добро, возьми да подари ему шкуру бычка. Из нее вышло пять пар чарыков, одну пару оставил себе, а остальные я снесла на базар и продала… История этой каракулевой папахи очень забавная. Хочешь послушать?

И она, не дожидаясь моего согласия, начинала рассказывать случай, который мне довелось слышать уже раз десять, а то и больше. Я была только невольной слушательницей. Все содержимое сундука мне было так хорошо знакомо, что порой казалось, оно заговорит со мной человечьим голосом. Я безошибочно могла бы сказать, какая вещица где лежит, откуда и как она приобретена, от кого, когда, какой ценой… Обо всем этом бабушка обычно рассказывает дважды: первый раз, когда достает содержимое сундука, во второй раз, когда укладывает обратно. Это еще ничего, в самом потайном уголке сундука находилась еще кипа писем. Пожелтевшие от времени, истертые, испачканные фронтовые треугольники. Присев на корточки, бабушка начинала их читать. Но какое это чтение?! Точно первоклашка по букварю, буковка за

буковкой, слово за словом. Канитель, одним словом. Правда, вначале я любила слушать. В этих треугольниках вся фронтовая жизнь моего деда; как и с кем он воевал, кто были его друзья-бойцы, где побывал, какие трудности выпали на его долю… Отдельные эпизоды, где описывались зверства фашистов, ужасали меня и долго преследовали в кошмарных снах. Писем было много, хоть книгу пиши по ним.

Бабушка то и дело прерывала чтение, своей белой чадрой украдкой утирала выступавшие на глазах слезы и сама с собой заговаривала: «Эх, мой Мирза, поник ты головой вдали от меня. Не пощадила тебя вражья пуля. Нет у тебя ни могилы на родной земле, ни костей в могиле…»

Наконец, у нее в руках оставалось лишь одно письмо. И тут, только взглянув на него, бабушка страшно пугалась, начинала дрожать всем телом, словно в лихорадке, и роняла письмо из рук, будто оно жгло ей пальцы.

– Бабушка, что с тобой? Почему ты никогда не читаешь это письмо? – спрашивала я.

– Не нужно и не читаю, дочь моя.

– Разве оно не от деда?

– Нет.

– Тогда, выходит, это нехорошее письмо?

– Да, милая, совсем нехорошее…

– Бабушка, ты бы его разорвала да выбросила. Зачем держать в сундуке?

– Как можно?! Господи, не говори так. И, вообще, ты суешь нос, куда не следует, – она начинала сердиться на меня и тотчас меняла тему разговора.

Как говорится, запретный плод слаще. Я задалась целью во что бы то ни стало узнать содержание этого письма, хотя возможности таковой почти не было. Во-первых, письмо хранилось в сундуке, на котором всегда висел огромный заржавелый замок; а во-вторых, ключ от замка и днем и ночью болтался на шее бабушки. Вот и возьми это загадочное письмо!

Однажды утром, в ненастное осеннее воскресенье, я по обыкновению зашла проведать бабушку. Застала ее в постели. Прикрыв глаза, она тяжело дышала. Тело ее горело, словно охваченное пламенем. Я перепугалась и решила тотчас сбегать за матерью, но она, не открывая глаз, тихо позвала меня:

– Доченька, ты не пугайся за меня, я еще не собираюсь помирать… Сегодня тебе одной придется прибрать мой сундук.

– Бабушка, тебе нужна помощь… Ты же захворала?

– Нет, со мной ничего не случится, и с помощью Аллаха я скоро встану на ноги…

Она протянула мне своей костлявой рукой ключ от таинственного сундука. Сама задремала.

В считанные секунды я вывалила содержимое сундука на пол, отыскала связку писем и стала их спешно перебирать. Но вот оно, то самое письмо, у меня в руках.

«Интересно, какая тайна сокрыта в нем? – трепыхало мое сердце. – Почему бабушка всякий раз старается упрятать его от глаз подальше? Просто так она не стала бы этого делать. Письмо заключает в себе какую-то магическую силу, которая выводит ее из себя. Как интересно! Прости меня, бабушка, я не могу устоять перед таким соблазном…»

Я с трепетом разворачиваю листок бумаги:

«Дорогая Салимат!

С болью в душе мы сообщаем, что на подступах Москвы, столицы нашей Родины, в неравном бою с немецко-фашистскими захватчиками героически погиб Ваш муж, боец Мирза Акаев.

Память о нем навсегда останется в наших сердцах.

Командир 1-й мотострелковой роты капитан Осокин В.Н.»

Мне стало грустно: «Вот почему бабушка не желала читать это письмо и скрывала его от меня».

Как и было сказано, к обеду бабушке полегчало. Выпила стакан чаю и поела кусочек лепешки. Потом покинула свое ложе и, пошатываясь, побрела в кладовку. А еще через пару минут она уже стояла перед открытым сундуком.

– Доченька, я устала, может, не станем читать сегодня письма?

– Ты права, бабушка, не станем…

Она молча убрала в сундук связку солдатских треугольников.

Я опустила глаза. Одно хорошо, бабушка не видела мое лицо: ведь оно пылало со стыда.

САПОГИ НА КРЫЛЬЦЕ

Навьючив на осла вязанку дров, Селим решил поспешно выбраться из леса. Узкая тропинка, поросшая по обе стороны густой лещиной, озарялась первыми лучами солнца. Пробуждалась природа: деревья, кустарники, сочная лесная трава, омытые росой, освежались утренним ветерком. Селиму по-весеннему легко. Через час-полтора он доберется до дома, разгрузит уставшего осла и будет свободен как ветер – воскресное дело сделано. Весь остаток дня в его распоряжении: захочет, пойдет поиграть с друзьями в волейбол, захочет, пойдет на пруд и будет нырять до вечера, или можно пойти потрошить гнезда птиц. Ни тебе уроков, ни тебе бесконечных укоров вечно назойливых учителей. Свобода, одним словом! Он как-нибудь еще протянет в школе оставшиеся два года, а там можно будет махнуть рукой на все и податься в город. Его не раз приглашал к себе сосед Асхаб, который вот уже третий год в числе передовиков на стройке.

Размахивая тростинкой, в раздумье он не успел еще выбраться на опушку леса, как вдруг начали доноситься до его слуха чьи-то вздохи. Рядом, за ветвистыми кустами боярышника. Селим остановился, прислушался. Его вислоухий, видя, что хозяин зазевался, тоже застыл на месте, направив морду в сторону кустов, откуда доносился шум. «Кто же это в такую рань объявился в лесу? – подумал Селим, но тотчас его осенила мысль: – Ну, конечно, такой же, как я, дровосек. Очевидно, по неосторожности сам себя поранил топором и теперь страдает».

Он зашел за кусты боярышника.

– Гей, кто там? – позвал Селим.

Никто ему не ответил, зато лучше и ближе стали отдаваться тяжелые вздохи.

– Гей, что с вами? Почему не откликаетесь? – позвал он снова, решительно пробираясь вглубь леса через колючие кустарники. И тут перед ним предстала такая картина, от которой у него дух перехватило, и ноги отнялись. На небольшой полянке, отгороженной со всех сторон кустами лещины, мушмулы и терновника, отдавались любовной утехе мужчина и женщина. Они, полуобнаженные, сплелись меж собой как привязанные, а их ритмичные движения сопровождались громкими ахами да вздохами. Селим был шокирован доселе невиданным зрелищем. Неизъяснимое ощущение как будто приковало его, лишив всяких сил и чувств. Глубоко в подсознании он знал, что так нельзя, что ему не следует смотреть на их бесстыдство, что надо закрыть глаза и убежать прочь. Но эта картина заворожила его куда сильнее, чем здравый смысл. «Вот она, оказывается, какая эта любовная игра? – думал он. – Раньше я знал об этом лишь по книгам и порнофильмам, тайком просмотренным с друзьями. Кто же они? Никак невозможно

их распознать в такой позе. Какое блаженство пленяет их! Они позабыли обо всем на свете. Их не тревожат ни страх, ни совесть. О, как они страстно отдаются друг другу! Может ли быть такое?! Ведь я еще ни разу не целовался ни с одной девчонкой…»

Кто знает, сколько еще мог бы вот так, не шевелясь, созерцать Селим, если бы его осел, оставленный без присмотра, не заревел как зурна. Предававшиеся любовной утехе вмиг вскочили на ноги. Увидев рядом парня, не отрывавшего от них любопытных глаз, они страшно сконфузились. Женщина в ужасе, на ходу прикрывая подолом платья обнаженные ноги, скрылась в кустах лещины, мужчина же, глупо улыбнувшись, подтянул штаны и подошел к Селиму.

– Эй, хлопец, чего глаза пялишь? Что тебе надобно? – обратился он, как ни в чем не бывало.

Селим глазам своим не мог поверить: перед ним стоял Адалав, его односельчанин, недавно отслуживший вояка. Он никак не мог ума приложить, ведь не прошло и месяца с тех пор, как Адалав женился, да еще не на какой-то замухрышке, а на сельской красавице Сайхат, по которой сохли сотни ребят. Трудно было такое представить. Адалав пожаловал в такую даль, в глубь леса, чтобы заняться любовью с чужой женщиной. Как скоро ему наскучила Сайхат? Неужели успел разлюбить ее? Помнится, года три тому назад говорили, что они жить друг без друга не могут. Два года, когда Адалав был на службе, Сайхат оставалась засватанной за него. Кто бы мог подумать!

– В общем, хлопец, ты тут ничего не видел, – вновь заговорил Адалав. – Думаю, парень ты с умом, да еще мужчина без пяти минут. Не сегодня-завтра и у тебя будет девка, потом и в тебе разгорится страсть к женщинам… Понимаешь, жизнь такая штука…

– Понимаю, – сказал Селим, собираясь уйти, и, обернувшись, спросил: – А вы как оказались в лесу?

– Так же, как и ты.

– А зачем было забираться так далеко?

– Вот чудак, зачем ходят в лес? А ты разве не по дрова?

– Я – да, но у вас нет ишаков.

– А мы дрова на арбу будем грузить.

– Ну… я пошел, – на ходу проговорил Селим.

– Иди, иди, и помни наш уговор: никому – ни слова! Я верю тебе, думаю, слово твое – кремень!

Селим выбрался на тропинку, где его поджидал осел с тяжелой ношей на спине. Адалав же ушел вглубь леса.

Пройдя еще небольшой путь и оставив позади небольшой бугорок, густо поросший дубняком, Селим остановился. Осел начал тут же пощипывать листву с накренившихся веток. На минуту задумавшись, Селим свернул в чащобу. Теперь он пробирался по лесу осторожно, воровато озираясь вокруг. Пройдя темный навес огромной липы, наконец, взобрался на холмик, где не было ни деревьев, ни кустарников. Прилег на живот и стал разглядывать местность. Скоро он увидел Адалава и женщину, которую впопыхах тогда не сумел разглядеть. Они стояли рядом с арбой, тихо разговаривали, а быки, привязанные к арбе толстым арканом, аппетитно уплетали сочную лесную траву. Забот у быков немного, разве что набить себе желудки травой да избавиться от наседавших оводов. Селим пристальнее вгляделся в женщину. Все прояснилось: это была Бадрижат, дочь колхозного пастуха, дважды побывавшая замужем, и оба мужа избавились от нее из-за ее легкого нрава. Детей она не рожала, а село полнилось слухами о ее похождениях. Разумеется, кое-что не могло ускользнуть мимо ушей озорника Селима. Бадрижат, несмотря на прожитые годы и полноту тела, еще сохраняла свежесть и привлекательность. Она могла одним кивком головы завлечь в свои сети любого мужчину. Жила она на ферме с отцом, хотя нередко можно было ее встретить и в селе, гордо постукивавшую своими каблучками по мощеным улицам. Селиму вспомнился случай, как однажды она бросила ему колкость и многообещающе подмигнула, вогнав его в краску…

Схватив ее за руку, Адалав настаивал, чтобы она последовала за ним. Она же отказывалась, упираясь одной рукой в его грудь. Как ни старался, Селим не мог разобрать ни одного слова в их разговоре. Вдруг Адалав грубо оттолкнул от себя Бадрижат и тут же огрел ее пощечиной. Она разрыдалась, укрыв лицо руками, опустилась на корточки. Вскоре они разошлись: Бадрижат, поправив косынку на голове, стала выбираться на тропинку, Адалав же, сняв с арбы топор, ушел в лесную чащу.

Селиму тоже ничего не оставалось, как покинуть свой наблюдательный пункт.

Теперь он шел еще медленнее, как будто ожидал чего-то необычного, и осла не понукал. Он знал, что за ним, по той же самой тропинке, пробиралась Бадрижат. А через некоторое время он уже отчетливо улавливал стук ее каблучков. «Если она собралась в село, скоро догонит меня, – рассуждал Селим. – Интересно, как она поведет себя, увидев меня? Смутится или нет? Может, она тогда не узнала меня? Как кошка убежала… Но она видела меня, ведь было рукой подать. К тому же, я уже не малыш, который не отходит от маминой юбки, успел дважды побриться, и телом превзошел своих сверстников, не говоря уж о росте. Нет, я тоже мужчина!»

У небольшого колодца, рядом с дорогой, осел замедлил шаг и решил напиться воды. Тут же был выступ, подобный скамейке, очевидно, высеченный добрым человеком из скалистого грунта. Сняв кепку, Селим присел на выступ. Солнце нещадно палило, воздух застоялся, вокруг была духота. Недолго думая, он подошел к колодцу и побрызгал себя водой. Когда вновь обернулся, он увидел Бадрижат. Она шла медленно, поскачивая бедрами, гордо подняв голову. Светлые волосы водопадом ниспадали к плечам, в одной руке держала косынку, в другой – наспех сорванные несколько цветков. От недавней обиды на ее лице и след простыл.

– Ах, вот, оказывается, кто мутит мое питье, – вместо приветствия весело изрекла она, подойдя вплотную к Селиму и уставясь на него глазами небесного цвета. «И, вправду, какая она красивая, эта взбалмошная женщина!» – молнией блеснула мысль в голове Селима. Его взгляд невольно скользнул по ней, начиная с загорелых, отливающих бронзой, ног и до упругих полных грудей, словно заточенных тонким платьем с глубоким декольте. Улыбка розовых губ довершала полноту всей женской красоты.

– Ты что, язык проглотил, дровосек незваный? – снова прозвучал ее звонкий голосок.

– Я не дровосек, – смущенно произнес Селим, не отрывая от нее взгляда и усаживаясь на выступ.

– Как понимать прикажешь? Разве осел не твой?

– Мой.

– А дрова чьи? Уж не себе ли это бедное животное решило припасти на зиму?

– Это не дрова, а хворост, и бумажка у меня имеется от лесничего…

– Так и поверила…

С этими словами Бадрижат подошла к колодцу и нагнулась, чтобы напиться. Приоткрывшаяся белоснежная грудь с розовым соском так и не могла уберечься от пытливого глаза парня.

– Какие у тебя бессовестные глаза, – сказала Бадрижат, проведя ладонью по губам и усаживаясь рядом с Селимом. – Вижу, ты не спешишь домой, а не ждешь ли кого?

– Нет.

– В таком случае нечего тут рассиживаться, не ровен час мама может примчаться за тобой.

Слова Бадрижат больно кольнули Селима. Она считала его недорослем, маменькиным сынком. Он готов был тут же взорваться, но его удерживало одно обстоятельство: разгоряченный локоть Бадрижат касался его тела, будоража кровь, приятная истома разливалась по жилкам, и мысли, словно весенний пар, улетучивались. Она даже не смущается, думал он, будто ничего не произошло, держит себя уверенно, просто и пошутить не прочь. Какая дерзость! Ведь я видел все, я уличил ее в этом, как говорят взрослые, прелюбодеянии, в страшном грехе. И она меня видела, хотя ничем не выдает себя. Может, она принимает меня за идиота, за несмышленого мальчишку? Разве так бывает в жизни? Никогда бы не подумал, что есть такие женщины. А что, если мне приударить за ней? Согрешит она со мной или отошлет куда подальше? У меня нет еще на примете девчонки. Боже, что она скажет, как она поведет себя со мной? Как приятна мне ее близость! Какое это блаженство!

Тело Селима, словно весенний снег, готово было растаять, кровь закипала в жилах, сердце рвалось наружу. Какой-то внутренний голос взывал к нему обнять это милое созданье, пасть лицом к ее груди и целовать до изнеможения, утоляя жажду страсти. Превозмогая себя, точно во сне, Селим опустил свою вздрагивающую руку на ее бедро и тотчас ощутил мягкую плоть. Ему казалось, что она вспыхнет, влепит пощечину, или еще хуже, начнет поносить его проклятиями, на чем свет стоит. Этого не произошло, напротив, Бадрижат сама своей мягкой ладонью прикрыла руку парня и стала поглаживать. Вскружилась голова Селима. От нее исходил доселе неведомый ему запах женского тела. Пьянящий, манящий, сводящий с ума запах! Он готов был растопиться в этом запахе. Боже, как устоять перед таким соблазном?! «Не бойся, не стесняйся, бери то, что тебе дает в руки судьба. Ведь это твое… Такое не часто бывает», – вторило ему сердце, подталкивая идти вперед безоглядно и окунуться в море сладострастных чувств.

И он, будто идя на штурм, резко обернулся и заключил ее в объятия, затем последовал дождь горячих поцелуев. Казалось, он собирался оросить ими все ее тело. От нетерпения он задыхался, исходил последними силами, лишь на миг приподнимал голову, чтобы схватить глоток воздуха и вновь опуститься к белоснежной груди и исчезнуть в этом блаженном, таинственном мире. Вот руки его потянулись вниз по округлым местам ее тела, лаская и ощупывая все, что попадалось им в столь необычном пути, и, наконец, достигли самого сокровенного…

– Ну ты, поостынь! – как будто издалека донеслись до его слуха слова Бадрижат.

Подняв на нее глаза, он был ошарашен: она улыбалась, нет, скорее, насмехалась над его ребячеством. Селим вмиг отскочил от нее как ужаленный. От недавнего блаженства и след простыл.

– Смотри-ка, опасно тебе класть палец в рот – не прочь и откусить, – громко засмеялась Бадрижат.

Парень был больно задет, в нем закипел гнев и, желая отплатить ей той же монетой, он бросил в лицо:

– Я видел все!

– И что же ты видел?

– Все, что вы делали в лесу.

– Подумать только, какой ты сообразительный, – на ее лице не было и тени страха. – И что же ты этим хочешь сказать?

– У Адалава есть жена…

– Вот новость! Я не имею ничего против и не собираюсь лишать его этой радости.

– Он не любит тебя.

– С чего ты взял?

– Я все видел: он поднял руку на тебя.

– Это не твоя забота. Уж не думаешь ли ты распускать сплетни про нас?

– Я не сплетник!

– Понятно, вот это дело другое. Парень ты смышленый, но целоваться еще не научился. Хочешь, я могу предсказать, о чем ты думаешь? Признайся, минуту назад ты горел от нетерпения заняться со мной любовью? Не так ли?

Селим молча опустил глаза.

– Ну ладно, парень ты что надо, не бери моих слов на душу. Рано тебе еще играть в эти игры. И на меня не гляди такими глазами, я же тебе не ровня. Мы с твоей мамой почти одних лет…

– Все равно ты не права!

– Что?! Ты собираешься меня осуждать? У тебя нет такого права. Да что ты знаешь? У меня нет ни мужа, ни семьи, ни своего очага, я свободна как ветер. Знаю одно, что сегодняшний день завтра не воротится. И для кого я должна беречь себя? Никому нет дела до меня… Может, я ошибаюсь? Может, ты хочешь предложить мне свою руку и сердце? Так ли это? В таком случае мы можем договориться: пока ты не закончишь школу, я глаз не подниму на чужого мужчину, ни одним словом ни с кем не обмолвлюсь – как говорится, буду хранить тебе верность. Но за это мне тоже нужны гарантии – ты возьмешь меня замуж! Годится?

Селим хранил молчание.

– То-то и оно, нечего тебе сказать? Все вы мужчины одного поля ягодки. Умеете думать только о себе. И женщины вам нужны только для своей утехи, а там – пропади они пропадом! Ну а теперь хватит! Марш домой, пока волки не сожрали твоего ишака! Да и мне некогда с тобой тут лясы точить!

Она вскочила, поправила и повязала косынку. Мурлыча себе под нос какую-то мелодию, направилась в сторону невысокой горы, откуда виднелась колхозная ферма…

С того самого дня Селима будто подменили. Окружающий мир ему предстал в иных тонах. И в школе, и дома он вел себя как повзрослевший сразу на десять лет. Ходил молчаливый и задумчивый, исчезли прежние шалости, стал внимателен к своей особе. Каждое утро часами простаивал перед зеркалом, то поправляя прическу, то стряхивая с одежды пылинки, то мысленно разговаривая с самим собой.

Заметя хорошую перемену в сыне, мать души не чаяла. Как же иначе, сколько она нервов потратила из-за его нерадивости? Еще вчера слышались ее упреки: «Какой же ты неряха?! Не можешь убирать за собой постель! И как только ухитрился утопить свои туфли в такой грязи? Нет в тебе ни капельки совести. Бездельник! Глаза бы мои не видели такого слюнтяя! Хоть разок погляди на себя со стороны. Вымахал с каланчу, а ни бельмеса в жизни не смыслишь, в твои годы прежде семьями обзаводились и жили себе припеваючи…»

Селим не очень замечал за собой какую-либо перемену и думал о своем: «Странно все-таки получается: Бадрижат такая красивая женщина, а никто этого долго не замечал. Адалав как быстро смекнул, успел вовлечь в свои сети, и делает с ней, что хочет. Как это у него получается? В селе столько мужчин: и одиноких, и неженатых, – а никто не захотел связать свою судьбу с ней. Интересно получается. Так ли это? Одно ясно, что она гулящая. А что ей делать? Взял бы ее замуж снова кто-нибудь из порядочных мужчин, она образумилась бы, стала бы заботливой хозяйкой. Ведь она несчастна, хотя этого не показы-

вает. По глазам нетрудно догадаться. И все-таки ей не нужно флиртовать с Адалавом. Что она с него, с этого бабника, получит? Одни грубости! Я бы так не смог. Я был бы с ней ласков и добр. Бадрижат так хороша собой, один аромат ее тела может любого с ума свести. Какое это блаженство обнимать и целовать эту женщину! Не могу ее забыть! Неужели все женщины так приятно пахнут, как она? А такого тела, как у нее, наверное, нет ни у кого! Нет, Адалав не может иметь никаких прав на нее. И какой же он мужчина, если поднимает руку на женщину? Жаль, что не смог тогда заступиться. Пусть бы он меня растоптал в лесу, но я заднего хода не дал бы. Тогда это было невозможно, я не знал, в каких они отношениях. Теперь все ясно, они навсегда разошлись. Бадрижат видеть не захочет этого злодея. Не настолько же глупа она! Эх, только бы разочек еще прижаться к ее груди, вдыхая запах ее тела. Боже, какое это сказочное наслаждение? Нет, не будет мне больше покоя. И дня не смогу прожить, не увидев эту женщину. Если и есть на земле любовь, то, очевидно, она пробудилась во мне к ней. Иначе как объяснить мои терзания, мое стремление к ней. Да и сама не прочь видеться со мной, не отказалась же целоваться, хотя, конечно, не позволила перейти границу дозволенного. Это понятно, Бадрижат все еще считает меня юнцом, не увидела во мне пылкого парня. Но это временное явление. Я сумею ей все это объяснить, сумею когда-нибудь доказать, что сердце мое трепещет от страсти к ней, что я горю желанием иметь ее. Думаю, тогда она меня поймет и поведет со мной иначе… О, как хорошо я ее знаю! Она несчастна, ей всегда не везло в жизни… Мне непременно нужно встретиться с ней!»

Селиму наскучило в родном селе как на чужбине. Сердце звало в лес, к милому колодцу у дороги, где он впервые познал таинства женской прелести. Этот зов не покидал его ни днем, ни ночью, ни в кругу друзей и домочадцев, ни во сне и наяву. Ему казалось, что никогда не наступит очередной благословенный воскресный день, когда он со своим послушным ишаком может выбраться в заветное местечко. Нетерпение все больше и больше охватывало его как узника, считавшего последние дни своего заточения.

Однако поездка оказалась безуспешной: не пришлось ему свидеться с Бадрижат ни в лесу, ни у колодца, ни в окрестностях колхозной фермы. Насильно удерживая осла, больше часа безнадежно просидел он на опушке леса, а, возвращаясь, поминутно оборачивался назад в надежде увидеть околдовавшую его женщину. Возвратясь поздно вечером, Селим чувствовал себя самым несчастным человеком на всем белом свете, обреченным на страдания.

Однажды, придя из школы, он тотчас вывел осла из хлева. Солнце уже перевалило за полдень. Мать забеспокоилась:

– Куда это ты с ослом в такой час?

– Как куда? В лес! – коротко и недовольно ответил Селим.

– Не поздновато ли? Далеко ведь, и к ночи не успеешь воротиться.

– Что ты, мама, не маленький же?

Разумеется, мать не стала отговаривать сына. «Слава Аллаху, образумился мой соколик. Какой он стал заботливый! Помнится, прежде и в выходные дни силком приходилось выпроваживать его из дома. Не сглазить бы!» – подумала она.

Чем ближе подходил Селим к лесу, тем больше его одолевали сомнения, что поездка эта будет никчемной. «Не будет же Бадрижат вечером разгуливать по лесу? Что она тут потеряла? Да и к чему? Глупая эта затея, не найду я тут ее. Кто знает, может, она ни разу не вспоминала обо мне? Кто я ей? Мальчишка! Не станет она со мной играть в любовь, да и говорила она с ухмылкой, ни одного моего слова не приняла всерьез. Так, лишь бы позабавиться, а в уме – вот любовничек объявился! Я же к ней – со всем сердцем, и намерения у меня вовсе не адалавовские. Жаль, что она этого не понимает. Но мне надо увидеться с ней, поговорить, дать понять, что я хочу ей только добра, что она губит себя. Зачем Бадрижат всякие лесные похождения? Они ей никакого счастья не принесут. Это факт! Совсем ни к чему ей любовь Адалава. Он, как пить дать, обманет. Я расскажу ей обо всем этом. Если она меня правильно поймет и не отвергнет, я готов отдать ей свое сердце, надо будет, и руку предложить. Я буду очень любить ее. Одну ее, и никого другого! Во мне Бадрижат может не сомневаться. Готов стать перед ней на колени, поклясться всем святым.

В нескольких шагах от колодца он вдруг остановился. Сверху, с вершины горы, на него угрюмо глядела колхозная ферма. Вдали от нее, на отлогом пастбище, беззаботно паслось стадо коров, за которым, полулежа на бугорке, зорко следил пастух Бахмуд, отец Бадрижат, уже давно смирившийся со своим одиночеством и старостью. Время от времени над его головой вздымался небольшой дымок самокрутки, всегдашней его спутницы.

«Не иначе Бадрижат на ферме, – мелькнула мысль в голове Селима. – Тогда зачем мне тащиться в лес? Дров у нас и так припасено достаточно. И, вообще, по дрова, что ли, я в лес после обеда собрался? Глупости! Мне нужна она! Бадрижат! Из-за нее я тащился сюда. Если она на ферме одна, удачнее случая в жизни может и не быть…»

Оставив осла у опушки леса, Селим свернул на тропинку, по которой накануне ушла от него Бадрижат. Крутой подъем под гору ему не помеха, и он не шел, а легче горного тура скачками взбирался к заветной вершине. А там – та женщина, по которой его юное сердце денно и ношно стенало. В этот миг ради нее он готов был взобраться хоть на небеса.

На ферме было тихо и пусто. Доярки приходили только два раза в сутки, утром и вечером, чтобы подоить и покормить коров. Это обстоятельство как нельзя лучше устраивало Селима. Лишний глаз в таких делах совсем ни к чему. Бывает же иной раз, попадешь кому-нибудь на язык, потом не скоро выплывешь из моря пересудов.

Убогая каморка пастуха Бахмуда находилась на самом конце фермы, и теперь, видя, как клубами поднимался дым из печной трубы, в груди Селима приятно защемило: значит, она дома и готовит отцу ужин. Пробираясь мягкими шажками вдоль фермы, Селим не раз останавливался, озираясь в тревоге вокруг, прислушиваясь к малейшему шороху. Он то и дело прикладывал руку к груди, будто боясь, как бы не выскочило сердце от учащенных ударов. Дыхание перехватывало.

Вот он на крыльце, готовый потянуться за ручку двери. И тут, точно коснувшись огня, он отдернул руку назад: у порога стояли мужские сапоги. Не бахмудовские, а чужие. Видел где-то их Селим, в них было что-то знакомое. «Странно, откуда взялись тут эти кирзовые сапоги? – задумался он, проведя рукой по вспотевшему лбу, и сразу же его осенила внезапная догадка. – В лесу… На той самой полянке… На Адалаве… Да, да, сомнений быть не могло – на крыльце стояли кирзовые сапоги Адалава. О, всемогущий!»

В два прыжка Селим оказался на земле. Он обогнул каморку и, приблизившись к окошку, заглянул внутрь.

Бадрижат и Адалав страстно отдавались любви…

БАЛЛАДА О МАТЕРИ

Лапит ГАДЖАКАЕВ

«Рай – под ногами ваших матерей».
(Из хадисов пророка Мухаммада)

Как вспомню,
сквозь годы, родные пенаты,
Далекое детство и милую мать,
Родимую вижу я в ситцевом платье,
Присевшей на корточки
хлеб выпекать.

Над печкой струится дымок сизоватый,
В тени умывается рыженький кот,
И хлеб вынимая, румяным закатом,
Нам мама по ломтику всем раздает…

I

А маме, родимой, судьба
Нелегкая с детства досталась.
И сколько я помню, всегда
Трудилась, скрывая усталость.

Супруга призвала война:
Стенала в платочек, негромко.
Письмо ожидала она,
Но ей принесли похоронку.

Глаза застилает слеза –
Нешуточна женская доля –
А плакать при людях нельзя,
Хоть сердце сжималось от боли.

Работой дышала, жила,
Чтоб жизнь не казалась ей адом.
До слез ей была тяжела
Работа в колхозе, завскладом.

Работа и в стужу, и в зной,
С рассвета до ночи, до поздней,
А вместо обеда весной
Прополка на бахче колхозной.

И ночью ей глаз не сомкнуть –
Зерно раздавала по спискам:
А вдовам – добавит чуть-чуть,
С оглядкой, со страхом, и – риском.

Без мужа оставшись, одна,
Самой ей жилось хоть несладко,
Она по сусекам скребла
Муку овсяную солдаткам.

А голод прошел, как каток,
По тылу, скрипучим накатом,
И черного хлеба кусок
Тянул на весах больше злата.

Фемида пусть задним числом
По глупости маму не судит
За то, что давала тайком
И хлеб, и муку этим людям.

Сегодня копейка цена
Поступков по чести – у многих.
А мама, рискуя, тогда
Спасала сирот и убогих.

II

Далеко живу давно
От родного дома.
Редкий гость я дома, но
Люди меня помнят.

Не меня, а помнят мать –
Так вернее будет.
Потому со мной спешат
Пообщаться люди.

Вновь расскажут о тебе
Славного немало,
Когда было все в цене,
Как им помогала.

Приходилось мне, порой,
Выпить даже с ними:
Кто-нибудь да кубок свой
За тебя поднимет.

Видно, целого села,
Не сердитой тещей –
Мамой доброю была
И сестрой хорошей.

Память все ж не замело:
Кто постарше, помнит,
Что кормила все село
Чуть ли не с ладони.

Я уверен потому,
Что сельчанин каждый
Мне, как сыну твоему,
В просьбе не откажет.

Нам решать, как жизнь прожить
Под единым Богом,
И самим нам проложить
В рай свою дорогу.

А ключи от рая Бог,
Мамам нашим вверить мог
На храненье вечно,
О которых наш Пророк
Говорил сердечно.

III

Годы что?..
Они летят,
Оставляя память.

Выросли мы из ребят,
Нет в живых и мамы.

Лучше даль с горы видна –
Дедушки мы сами;
Носит правнучка одна
Имя нашей мамы.

Мамин облик обрела,
С махоньким «пороком»:
Молчалива мать была,
Эта же – сорока…

Мамы нет, а я же вот
Не расстанусь с горем,
И уже который год
Разум с сердцем спорит.

Оглянусь опять назад –
Боль острей с годами:
Может быть, не то сказал
Я при жизни маме?

Нет покоя мне и дня,
Совесть истязает:
Мог обидеть маму я,
Сам того не зная.

Когда надобно бы петь,
Не сидеть безгласно,
Мог ее чуть-чуть задеть
Я молчаньем частым.

Мог же молча посидеть
С мамой старой рядом,
Начинал, глупец, шуметь,
Выражая радость…

Друг мой, что ни говори,
Даже пусть на граммы
Не бывают без вины
Дети перед мамой.

Суета – всей жизни суть
На земле усталой.
Долг сыновний не вернуть –
Сожалеть осталось.

Большинство, как я и сам,
Что ключи от рая
Под ногами наших мам
Часто забываем.

Непривычно смерти спать,
Ходит нашей тенью…
В мире, истинном, опять
Мать – мое спасенье.

ПРЕДСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ

САИДАТ

ВМЕСТО ПРОЛОГА

В тот прохладный летний вечер с тремя чемоданами «шмотья» с трудом влезла в пыльную, пропахшую дешевыми сигаретами маршрутку, поцеловав папу с мамой, и направилась из города «Ниоткуда» в город «Никуда».

Учиться.

В городе Никуда на здании правительства любой желающий мог прочесть: «Махачкала – лучший город России». И это была самая знаменитая шутка 2005 года.

Все отчаянно хмыкали, как только видели эту фразу, а потом в кулуарах юморили в том плане, что «Махачкала – лучший город Солнечной Системы».

Будучи школьницей, я и представить не могла, что 30 минут езды от родного города, – другие увлечения, более раскрепощенные люди и свободные нравы. Наверное, я просто не задумывалась над этим потому, что мне было тепло и уютно в самой лучшей, как я считала на тот момент, школе, с самыми замечательными, как я считаю по сей день, людьми. Я не собиралась взрослеть, но последний звонок прозвенел очень быстро, и очень быстро был допит последний бокал «Грушевого» на выпускном. Потом пролетели вступительные экзамены, и я оказалась в пыльной, пропахшей дешевыми сигаретами, маршрутке.

В первые дни учебы я поняла, что мне подобных (читай: приезжих и растерянных) в ДГУ достаточно.

Весь первый курс я находилась в каком-то тупом состоянии пустоты: новый город, незнакомые люди и постоянное движение немного напрягали. Но очень быстро я научилась жить в чужом городе с чуждыми мне правилами. Я привыкла к этой жизни и полюбила Махачкалу, каким бы пустым местом на карте мира она ни была. Мне открылись Интернет-кафе, кафетерии и кинотеатры. Я могла зайти в любой книжный магазин и купить там Чака Паланика, я могла найти СД с записями Lionela Richi в первом попавшемся музыкальном салоне, а не натыкаться на удивленный взгляд продавца вкупе с вопросом: «Кто такой?», как это было в Буйнакске. Днем я занималась учебой, а вечерами смотрела на DVD все от Ларса фон Триера и Дэвида Финчера до Люка Бессонна. Я молча благоговела перед своим преподавателем по истории кино и устроилась внештатником в несколько изданий.

Вскоре у меня сложилась крепкая дружба вначале с Вадиком, потом с Давлетом и Сантеиф.

После я влюбилась.

И поняла, что студенческая жизнь – это все-таки здорово.

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Мы сидим в студенческой столовой, она пытается запихнуть деньги в бумажник. Бумажник старый и изодранный, но я знаю, что ей на это плевать. У нас на столе два хот-дога и «Денеб. Кола», я говорю ей, чтоб она ела, на что она отвечает: «Когда мы умрем, Бог, наконец, вздохнет с облегчением».

Она говорит: «Так благослови, Боже, эту пищу, которая скоро заведет меня в могилу…» – после чего начинает есть.

Совсем недавно я и представить не могла, что мне не будет противна девушка, которая цитирует мои фразы, и которая внешне похожа на меня, как сестра. Совсем недавно я сидела с Вадиком на задней парте. А сейчас перекусываю с Сантеиф на большой перемене.

Все изменилось уже тогда, когда она передала мне на экономике записку «У вас с Мурадом морковь, или у меня слишком богатое воображение?»

С ним Сантеиф спалила меня в кинотеатре. Это было начало учебного года и заря наших с Мурой отношений. Вот так все и начиналось. С записки.

Это уже потом были бессонные ночи и слезы на тему «все мужики – козлы!».

Потом были зачеты «автоматом» и экзамен по основам журналистики.

Потом были новые друзья-подруги. Но «потом» не было Мурада.

Мы расстались.

С этого я и начну. Я не помню, что послужило причиной нашего расставания: кажется, что и

причин-то никаких не было, кажется, что он вечером проводил меня до дома, а утром я уже шла в универ одна.

Помню, как мы глупо ругались и так же глупо мирились. Как он называл меня Нимфой, под впечатлением от лекций по зарубежной литературе, которые нам читала непревзойденная Ума Садыковна.

Помню, во время семинара по современному русскому языку он мне прислал смс с текстом «хочу обнять тебя, прижать к сердцу и не отпускать».

Помню, что мне с ним было тепло и уютно.

Помню его большие блестящие глаза.

Помню черешню из его сада, которую он «нелегально» вынес из дома. Помню, что она мне показалась особенно вкусной.

Помню. Помню...

НАРКОПАРК

«Обтесанная каменная арка угрюмо встречает девушку, держащую ручку коляски с мирно спящим ребенком внутри. Развернувшись спиной к арке, носиком босоножки она осторожно нащупывает ступени, выложенные массивными каменными плитами, и начинает спускаться... Преодолев каждую ступень, она смотрит на ребенка и, убедившись, что он не проснулся, опять осторожно нащупывает очередную плиту. «Девушка, хотите, я вам помогу?» – доносится с ближайшей скамьи. Девушка встречается глазами с парнем, который готов был помочь. Глазами же она показывает, что хочет и не откажется от помощи, мысленно представляя ближайшую ночь.

«Вот сука, какого самца отхватила», – сказала арка, провожая скрывающихся в кронах деревьев «самца» и «суку», – так и отвалила бы ей камешек на голову. В ней всего одна-единственная щель, и каждое утро находится тот, кто ее заткнет в ближайший вечер. А во мне их столько, что… но ни одну никто даже не подумает осчастливить. Лишь иногда деревья ветками пощекочут немного и листиком облизнут – вот и вся радость. Нет, не могу я на нее больше смотреть, завтра точно камнем расшибу, и пусть стану еще уродливее, все равно меня скоро всю снесут к черту».

«Слушай, извращенка ты старая, заткнулась бы лучше. Была когда-то и ты красива, и тобой все любовались, но твое время прошло, и красота твоя осталась в прошлом, тебя скоро не станет, так доживи до конца спокойно и радуйся уже тому, что на тебе пацанята пишут свои первые признания в любви», – с хрипом произнес соседний высокий утес.

В воздухе разлетается едва слышный скрип колесиков, четыре подошвы и два каблука синхронно касаются широкой тропы, по обе стороны окруженной зарослями травы, обнимающей толстые стволы деревьев. В траве живут медведи, но они не похожи на тех, которых показывают в программах о животных. Когда-то медведи наркопарка были полными, упитанными, сытыми, каждый волосок их когда-то густой шерсти блестел на солнце… Мишки резвились под присмотром родителей. Тогда в берлогах еще не жили, зимы и холода не существовало. Упоенные счастьем, животные не замечали, что постепенно уже не волосы блестели в солнечных лучах, а острия холодных игл запотевших шприцов, жадно впивающихся в тугую и сильную плоть. Мишки погибали быстро, медведи же долго мучились от холода и рыдали от ужаса, видя вокруг скрюченные трупы мишек. Когда-то они находились в таком же положении, но были без когтей, без шерсти и питались тщательно прожеванными ягодами, проглоченными их матерями. Вокруг лежали покусанные шприцы с засохшими капельками крови на погнутых ржавых иглах. Потом леса окружили железной изгородью, траву задушили асфальты, бетонные плиты и огромная каменная арка. Медведи превратились в уродливые скелеты, обтянутые грубой тканью со свисающими пучками выцветшей шерсти.

Уродливые аристократы начали выгуливать своих декоративных пуделей и тучных чау-чау. Медведи прятались средь густой травы. Белые от соли высохших слез веки обнимали впавшие, бледные глаза. Сколько слез пролито из этих глаз. Раньше медведи растерзали бы этих охамевших пуделей и чау – мать их – чау, но сейчас они тихо лежат, каждый у могилки своего мишки. Когда-нибудь у медведей найдутся силы, и они начнут войну и оросят кровью паразитов свой когда-то прекрасный дом. Но пока земля на могилках слишком свежа, и не вся соль отшелушилась с век...»

– Ну, как, Саидат, понравилось?

Этот текст Вадик передал мне на паре «Основы творческой деятельности», и несмотря на необходимость слушать Мамлакат Зубаировну, я читала «Наркопарк».

«Как ты думаешь, Вадик, что будет, когда мы закончим универ?» – пишу я на листе и передаю его через парту этому «остроумному и часто меланхоличному блондину», как он сам себя называет.

«Наверное, у каждого человека есть своя дорога, – отвечает он. – Я от жизни ничего не жду. Что будет, то будет. И вообще, у меня живот болит. Я приеду домой, позвоню братику и скажу: Максим, приезжай после школы ко мне. И он приедет. И я буду размышлять о себе, и играть с ним в шеш-беш.

Вообще меня в последнее время стала сильно цеплять независимость. Понимаю, что все, что ищу, могу сам себе дать, я чувствую, что если к чему-то пристрастился, то...

Когда мне стукнет (если повезет) тридцатник, посмотрим, был ли прав Пауло, господин, Коэльо или нет.

– А чего ты задумал?

– Мо-олодость моя, ка-ак прекрасна ты-ы была!.. Я хочу написать киносценарий (вернее, уже пишу), нарисовать что-нибудь, открыть свой салон красоты и ... еще много чего! А ты чего хочешь?

– В данный момент? ... а я иду, шагаю по Москве...

– Все у нас будет. Да прибудет с нами сила, ум, еще че... удача, вилла, загородный домик и все остальное!

А потом Вадик улыбнулся, и я поняла, что даже не будь он моим однокурсником, я бы непременно с ним познакомилась, хотя бы потому, что он дико похож на Есенина...

КОГДА Я ЗАВИСАЮ...

Наш курс находится в Вычислительном центре ДГУ.

Название предмета: современные технические средства журналистики. Я тоже, как ни странно, присутствую. Точнее, создаю эффект присутствия. Патимат Омаровну я не слышу. Слушаю, но не слышу.

Так бывает, когда думаешь о чем-нибудь своем. Не о специальных функциях программы

Ventra Fax & Voce.

В голове много давящей информации, поэтому я смотрю на эти компы, стоящие напротив каждого из нас, с черной завистью – их можно выключить. Перезагрузить. Удалить ненужные файлы. Произвести дефрагментацию, наконец. А я...

Я заставляю себя думать. Ищу ответы. Пытаюсь что-то осмыслить. И это постоянное искание смысла наводит на дурацкие мысли. И в один прекрасный день ты задаешь себе вопрос: «А может, нет никакого смысла, и никогда не будет?»

Патимат Омаровна говорит, что при помощи View мы можем изменить практически любой параметр внешнего вида документа. А я любуюсь черно-белым портретом Че Гевары в своем мобильном.

Патимат Омаровна говорит:

– Едва ли не самым важным элементом «Сервиса» является пункт «Параметры».

А я злюсь, потому, что Че умер. Потом я оглядываюсь по сторонам. Потом я улыбаюсь сидящим за соседними пентиумами однокурсникам. Смотрю на солнце, по-страшному настоящее, вылупившееся на меня из пробелов жалюзи.

Конечно, Патимат Омаровна прекрасно знает, что во всей этой передовой технологии мы разбираемся не хуже нее, и что эти горящие интересом глаза – фальшь. Мы делаем вид, что нам интересно, а преподы делают вид, что хотят слепить из нас хороших специалистов и достойных граждан.

«If you never come...» – заливается Roman в моем плеере, и я понимаю, что мне, в принципе, все равно – come это tomorrow или нет...

Нет же, нет! Это все вранье! Мы все прекрасно знаем, какого цвета истина. Просто тупим.

Просто слишком сложно жить просто. И не на Че Гевару я злюсь, а на Мурада, который сейчас где-то в универе или в столовой отсиживает пару, или видит дурацкий сон, я злюсь на человека, который сейчас где угодно, только не со мной...

НАДЫР

Надыр – странная личность... И умная. По крайней мере, он всегда отвечает на вопросы, которые я ему задаю. Надыр учится на иностранном и знает английский в совершенстве. Но самое главное – он лучший друг Мурада.

Надыр не верит в Бога, говорит, что Бог, скорее, символ, чем реальность, что следование его заветам – лишь оправдания перед совестью. Надыр называет себя «змеем-искусителем». А я его называю «Люцифером», хотя он и говорит, что глупо называть человека, который отрицает Бога, Сатаной.

А вообще, Надыра воспитывали как «правильного мальчика» – с манерами и не конфликтного. А потом начались сотрясения мозга, и его начало «клинить». Дрался при первой же возможности со всеми подряд. Получал кирпичом по голове. В итоге выросло такое Нечто.

«Вечер добрый! – приходит от него смс. – Сегодня в нашем колхозе произошло ЧП: некто буйный раскромсал ограду могилы на русском кладбище. Личность вандала установлена не была. Блин! Ненавижу разочаровываться в людях. А в той, которой почти полностью доверял... Хорошо сдержался – не ударил. А следовало. Буду осмотрительней. Сама-то как?»

«Окейно! А ты молодец, что не ударил! Прям времена доблести и чести! Рыцарь!».

«Дело даже не в рыцарстве, просто не могу девушку ударить, даже если надо. Рука не поднимается. А эта... она была моим лучшим другом. Теперь у меня его нет. Жаль. Я себя раньше никогда таким злым не ощущал. Как вулкан перед извержением. Ну да фиг с ней, это уже история! А с тобой такое бывало?»

«Бывало... разочаровывали. И не раз. Главное, поступать в такой ситуации так, чтоб за себя потом стыдно не было. А что эта девчонка натворила?»

«Скажем так, она решила сыграть со мной в игру и проиграла. Я на слишком многое закрывал глаза, а сегодня она меня довела. Думала, что обхитрит. Ошиблась. Теперь будет жалеть, потому что я был ее единственный настоящий друг. Вот так: относишься к челу хорошо, а получаешь удар в спину. Нельзя раскрываться. Плохо кончается это».

«Ты знаешь, люди говорят: не хочешь терять друзей – умей прощать. А Высоцкий писал: возвращаются все, кроме лучших друзей... возвращаются все, кроме тех, кто нужней...».

«Хорошо писал. Но я прощать не умею. Я на многое забиваю, но прощать не могу. Ничего. Переживу. Только так близко никого больше не подпущу».

ВАДИКА ДЕПРЕССИЯ

Сижу на зарубежной литературе.

Я обожаю этот предмет, и абсолютно уверена, что преподаватели с зарубежной кафедры – самые необыкновенные люди во всем универе.

Сначала Ума Садыковна, теперь Максикова, на «посвящении в студенты» удалось пообщаться с Плохарским... В общем, зарубежку я никогда не прогуливаю, и в ближайшие четыре года не собираюсь этого делать.

Мы записываем историю создания «Саламейского алькальда» Кальдерона, и Вадик передает мне записку: «Знаешь, че я понял? А то, что не играю роли в этом мире. Я просто проживу свое время. Незамеченным. Бесполезно растрачу данные мне Богом годы. Годы, о которых я даже у него не просил. И таких, как я, тысячи, миллионы. Мы не оставим свой след. Не напишем «Илиаду» и не изобретем лекарство от рака. А может, Всевышний экспериментирует, и я лишь неудачный результат? Ведь у каждого поколения свои герои, и этих героев единицы. Их имена остаются в истории, остальные – уходят в небытие. Так вот, я – получается – неудачный эксперимент.

Господь дарит миру гениев методом проб и

ошибок (таких, как я). А может быть, и я смогу открыть новые горизонты, свершить революцию, или начать ядерную войну... Может, и нет...».

«У тебя депрессия?»

«Вообще-то, да. На личном фронте непонятки, по религиоведению неаттестация, дома напряги...»

И тут лектор не выдержала: «Так, четвертая парта, я прекрасно вижу, чем вы там занимаетесь, и если вы, молодые люди, думаете, что это важнее, чем творчество Кальдерона, то глубоко заблуждаетесь. Каждому, конечно, свое, но удачному замужеству знание зарубежной литературы не повредит. Это я к вам, Саидат, обращаюсь. Да, да, не надо делать такие круглые глаза!».

«Каждому свое», – сказала Наталья Александровна, и мне представились врата Освенцима. А Вадику, видимо, стало обидно за меня, что я произвела впечатление барышни, которую интересует лишь замужество, и он перестал писать. А когда прозвенел звонок на большую перемену, мы отправились в столовую, где и наткнулись на трехэтажный мат первокурсницы с иняза, которой какой-то подозрительный тип наступил на ногу, при этом брякнув: «Куда прешь, идиотки кусок?». Искренне посочувствовали обоим, мы уничтожили свои хотдоги, и благополучно не пошли на третью пару.

БРАТ?

– Мурик, ты можешь мне внятно объяснить, почему мы расстались? – пытаюсь я разговорить человека, которого, кажется, готова придушить от неизвестно откуда навалившейся на меня ярости.

– Ты мне всегда нравилась, радость, и сейчас... Дело в том, что я не получил от тебя любви. Такой, о которой читал в книгах...

– Ты ненормальный. Я была с тобой искренна. Неужели ты не видишь, что преподносит тебе жизнь?

– То есть, ты – это подарок судьбы?

– Ты ненормальный.

– Я тебя обожаю.

– Ты обвиняешь меня в том, что я тебя обделила любовью!

– Это не та любовь...

– Что значит – не та?

– Братская. А я хотел другой любви...

– Не нервируй меня, Мурад...

– Вот почему мы не вместе...».

Такой разговор.

Приблизительно через месяц пропала даже обида на этого человека. На человека, у которого есть одна особенность, – стоять в сторонке, курить и наблюдать за прохожими. Когда мы были вместе, мне это дико нравилось.

А еще через месяц стало как-то сиренево, где он стоит, что делает и за кем наблюдает, даже если я точно видела, что за мной. Разверзнись земля под его ногами и провались он в Тартар – мне будет плевать! Я всегда просила его посерьезнее относиться к учебе, а он смеялся. И я злилась. Только мне уже по барабану. Я снова вру. И мне не по барабану. Хотя очень хочу, чтоб было... Но я не могу на него вот так запросто наплевать. Потому что уважаю свое прошлое. Потому что по-прежнему его люблю. Потому что можно любить человека и при этом не желать прожить с ним жизнь и умереть в один день.

Можно просто любить. Как брата. Как друга. Как человека, который не является ни тем, ни другим, но дорог тебе.

Очень дорог.

УБИЙСТВО НЕПРАВИЛЬНОГО ПОЛИТИКА

«Мы голосуем за мир,
Но снова в моде война...»
«Гости из будущего»

Быть политиком, но при этом быть честным и думать о своем народе – неправильно. За это убивают.

Очень живо помню, как я еду в маршрутке, как проезжаю мимо дома, где минут 20 назад прогремел взрыв... Как водитель маршрутки поговорил с кем-то по телефону и произнес слово «теракт».

Помню, как милицейские машины перекрыли подход к дому, и толпа зевак наблюдала за его жильцами, которые пытались понять, за что их взрывают.

Это уже потом, когда я была дома, мне позвонил Вадик и сказал, что убит Арухов. Министр по национальной политике, информации и внешним связям Загир Сабирович Арухов. Дагестанский политик, которого уважали.

Помню, сидела на конференции, посвященной современным СМИ, и пыталась сфотографировать Загира Сабировича на свой мобильник. Хотелось иметь у себя в телефоне фото красивого умного мужчины.

Уже потом, когда узнала, что взрыв – теракт – был направлен на человека, лекций которого я ждала, но так и не дождалась, я направилась в киоск роспечати. Спецвыпуск «Дагестанской правды», который я тогда купила, сейчас лежит передо мной. И я читаю, какое «большое внимание он уделял развитию и координации деятельности СМИ республики, консолидации их усилий в сохранении и упрочении межнационального согласия и дружбы народов Дагестана», как в нем «успешно сочетались подлинный патриотизм и энтузиазм государственного деятеля, высокий профессионализм, незаурядные организаторские способности, талант и эрудиция ученого, чуткая и обаятельная человеческая натура, неизменная интеллигентность и доброжелательность».

Слова эти вроде бы и правильные, только болезненным пафосом дышат. Дурацкие скорбяще-торжественные речи. А человека уже не вернешь.

«Мой дом – моя крепость» – фраза, звучащая в данной ситуации откровенно издевательски. Его в 45 лет в подъезде собственного дома убили, и соседство с Советским РОВД оказалось бесполезным.

Я вспоминаю, как позже, в день рождения Загира Сабировича в Национальной библиотеке собрались солидные дяди и тети и по бумажке, не отрывая глаз от текста, читали о том, «какой хороший был человек». И я понимаю, и тогда понимала, что вся эта корпоративная скорбь, – очередная фикция. И Миннац скорбит по поводу убитых надежд и

целей. И только жена и четыре ребенка уже никогда не вернут часть своей жизни, часть себя.

И мне страшно, потому что с осознанием того, что я никогда не услышу лекции Арухова, пришло и понимание того, что любого могут убить вот так просто и подло, в подъезде собственного дома. Вот она – демократия. Свобода слова и мысли. Свобода, построенная на взглядах сильных мира сего.

Или говоришь и поступаешь, как угодно Им, или ты – мертвый герой.

СУИЦИД БЕЗ ПОСЛЕДСТВИЙ

Сантеиф наглоталась каких-то таблеток. И я звоню, чтоб спросить – «Зачем?». Я говорю:

– Солнце, счастлив только тот, кто не бежит за счастьем. Кто умеет просто жить.

– А я не хочу плыть по течению...

– По какому именно? Нет никаких правильных течений! Вообще в этой жизни нет ничего определенного, нет такого: небо – голубое, море – соленое, сок – «добрый»... Понимаешь?

– А майонез должен быть «Кальве»... Надоело! Хочу свободу! Не хочу зависеть от других людей, от их взглядов и интересов...

– И поэтому засобиралась на тот свет? Неужели ты думаешь, что смерть и есть свобода от окружающего мира?

– Да. А что?

– Ты не подумала, что, умерев, человек попадает в очередное рабство чьих-то убеждений.

– Чьих?

– Ну, Бога, например.

– Да-а?.. Любой выход из ловушки оказывается новой ловушкой?

– А смерть – последняя инстанция. И туда тебе еще не пора. Во всяком случае, без тебя не начнут.

– Смешно...

– Не смешно, что ты глотаешь таблетки, заранее зная, что не умрешь. Разменивать себя на мелочи тоже надо уметь.

– Думаешь, что я не способна даже умереть? Знаешь, мой одноклассник спрыгнул из окна своей квартиры, которая находилась на пятом этаже. Он не мелочился. А ведь у него был выбор – спрыгнуть или вернуться в кухню, выпить чай.

– Ты не думаешь, что он передумал в определенный момент, тогда, когда уже был не в состоянии что-либо изменить. Асфальту не объяснишь.

– А это уже не важно. Ведь сейчас он счастлив.

– Это он сам тебе сказал?

– Я так думаю. Он мертв.

– Мертвые не бывают счастливы. Мертвые просто мертвы.

– Ты не веришь в жизнь после смерти?

– Мне кажется, что это удел слабых, равно как и вера в Бога – сбагривание своих проблем и поражений на высшие силы. Я живу сейчас, и не хочу, чтоб мои подруги искали счастья там, куда я не собираюсь в ближайшие 60 лет.

– Но ты можешь умереть завтра, можешь через минуту...

– Теоретически, в перспективе, я могу стать Президентом РФ. Но это не значит...

– Мы говорим о другом!

– Послушай, ты создала себе иллюзию. Смерть – еще не значит свобода. Каждый придумал себе свой Рай, но не понимает, что Там ему ничего не обещано, и Там тоже могут возникать проблемы, потому что и в Рае будут другие люди, каждый со своим представлением об Эдеме. Не стоит искать спасения в самоубийстве. «Счастье не за горами, а за бугром». Помнишь?

– Тогда покажи мне это счастье, ну... Ты говоришь как ветхая старуха. Тебе тоже 17. и ты рассуждаешь о том, в чем сама не смыслишь.

– Ты не права. Ты просто стала в позу. Когда человеку плохо, он делает себе еще хуже. И не хочет принимать никаких решений.

– Тогда, может, ты подскажешь, как жить дальше?

– Просто перестань придумывать себе проблемы. В жизни все очень просто, и вообще, это очень интересная штука. Например, если ты сейчас помрешь, то никогда не увидишь Остров Свободы.

– А если не помру, тогда че? Тоже не увижу, муж не пустит.

– У меня гениальное предложение – поедешь вместе с мужем.

– О да! Это стоит того, чтобы жить. Хотя бы из любопытства.

САМООБМАН

Кажется, Мурад возомнил себя Богом. Он перестал смущаться. Зато начал подкалывать всех без разбору. И ко мне он стал относиться как-то пофигистично. Перестал здороваться первый. Мог не ответить на смс. И даже во время телефонного разговора на мое «Прекрати прикалываться над моими словами, или я обижусь» он бросил «Обижайся». Я нажала на отбой, а он не перезвонил.

Не помню, как мне это пришло в голову, вроде я всегда хорошо относилась к Надыру...

Но он был виноват уже тем, что дружил с Мурадом. И я пишу Надыру смс о том, как его друг изменился и как я по этому поводу страдаю. Как мне тяжело без внимания его друга, как я хочу быть ему нужна.

Я стала играть роль мученицы в спектакле, сценарий к которому написала сама.

Я врала так, что сам Станиславский был бы в восторге. Стеб. Маскарад. Я довела Надыра до нужной кондиции.

И передала ему на культурологии записку:

«Не могу поверить, что то, что сейчас происходит с Мурадом, – его истинное лицо. Я люблю этого человека. Очень сильно люблю. Я хочу понять, что он чувствовал, когда говорил мне «Люблю», чувствовал ли вообще что-либо. Мне больно и тошно, Надыр. Я готова ради него на все. Даже на самые безумные поступки. Потому что он для меня – все. И хочу знать, что я значу для него. Ты его друг, и ты можешь мне помочь. И ты поможешь, потому что знаешь, что такое безответная любовь. Мурад для меня – это то же, что для тебя Сантеиф. Ты можешь поговорить с Мурой обо мне, так, между прочим?».

Я получила отчеты о доставке сообщений и сама раскраснелась от такого беспардонного вранья. А Надыр расчувствовался. Сильнее всего на него подействовал мой акцент на безответной любви к Сантеиф.

Через два дня я узнала от него, что Мурад полагает, будто может восстановить наши отношения в любой момент.

«Кретин», – подумала я о Мураде, и рассказала Надыру всю правду (и в тот момент я пыталась поверить, что действительно говорю правду, что нелюбовь к Мураду я доказываю его другу, а не самой себе). Надыр разжал губы.

Думала, пошлет. Далеко. Надолго. Ан нет. На мое «прости» среагировал неожиданно: «Обещай, что больше никогда мне не соврешь, и я прощу». Пообещала, конечно. И уже потом пыталась понять – врала ли я Надыру, или сама себя пыталась убедить, что вру?

А Мурад по-прежнему считает себя Великим и Ужасным...

ПРО ТЕБЯ

Вот он мир.

Мир, разделенный на положительное и отрицательное, на инь и янь, на богатых и бедных. Мир Christian Dior и Christian Doir. Вот они – миллионы обывателей, добрых и порядочных, которых не интересуют иллюзорность и символизм всего происходящего. Для которых Город Богов – всего лишь легенда. Они просто живут и не создают никому проблем.

А ты не желаешь жить той жизнью, которой живешь. Ты не понимаешь этот мир. Мир не понимает тебя. Ты не находишь себе применения и говоришь, что тебя все наскучило. Ты жалуешься на этот кривой стол в аудитории, на препода, не понимающего, что тебе неудобно за ним сидеть. И на правительство, которое не выделяет средств на благоустройство альма-матер. Ты ноешь, что жизнь не удалась. Но продолжаешь жить. А потом начинается «Дом-2». А потом ты опять ноешь. Ты – несчастный человек, а у Собчак юбка за 3 тысячи баксов. Жизнь пропитана обреченностью, а «этот полудурок бросает вызов обществу», а «этот полудурок не понимает, что общество продолжает жить своей бесцельной размеренной жизнью».

Неправильное устройство мира, как ты выражаешься, сломало твою волю. Но ты продолжаешь жить. Но все у тебя «не так». Говоришь, жизнь между пальцев просачивается. Говоришь, не можешь поменять течение. Живмя живешь там, где совсем не хочется жить. Так, как совсем не нравится. И плачешь. И сетуешь на несправедливость судьбы. На отсутствие прав. Возможностей. Смысла.

Но живешь. Поэтому, мне так смешно.

Да, я знаю, мой мальчик, ты сейчас читаешь эти строки, и тебе противно и больно. Потому, что ты знаешь, что я права. Или это было правдой. Может, ты теперь совсем другой, и глаза у тебя уже не такие голубые. Может, ты уже повзрослел и было тебе счастье, не знаю. Я ведь уже давно с тобой попрощалась, мое несуществующее Альтер-Эго.

ПРИЗНАНИЕ САМОЙ СЕБЕ

Да, очень трудно заставить себя разлюбить человека, трудно доказывать самой себе, что он тебе не нужен, и еще трудней признаться себе, что это не так. Просто мне надоело себя обманывать. Просто я его люблю.

Я осознаю, что вокруг полно замечательных парней, которые хотят быть со мной, но мне никто из них не нужен. Есть умнее, симпатичнее и перспективнее Мурада, но мне нужен именно Мурад. По закону подлости я нуждаюсь в человеке, который не нуждается во мне. Я знаю, что достойна лучшего, но не хочу этого лучшего. Я схожу с ума. Возможно, все эти мои страдания через какое-то время покажутся мне по-детски глупыми, но мне от этого не легче. Более того, я не хочу, чтоб сегодняшняя боль мне казалась смешной.

Мурад стал навязчивой идеей. Он мне мерещится во всех кафе и кинотеатрах, я вижу его в каждом проходящем мимо парне с симпатичной девушкой. Но я не потеряла сон и аппетит. Потому что, когда у меня скверное настроение, я ем больше, чем папа. Потому что димедрол делает свое дело.

Сколько это продлится, я не знаю. Я не знаю, что будет дальше.

Но я твердо знаю, чего хочу. Я хочу быть с Мурадом. А еще я понимаю, что сердцу не прикажешь.

И поэтому мне так хреново.

СОН

«Если бы темной ночью вам снились,
Сны мои снились, вы бы сошли с ума...»
«Уматурман»

В Обители много монашек. Но если бы там был ты, то непременно обратил бы внимание на бабушку в бело-синих одеждах, жующую беззубым ртом горбушку хлеба. Непрожеванные куски, царапая горло, набивают желудок послушницы, и она получает ни с чем не сравнимое удовольствие оттого, что может держать это яство Божье в усохших руках, она рада уже тому, что слышит душистый запах испеченного хлеба, еще в состоянии глотать. И кровь с десен кажется приторно-сладкой только потому, что такое уже не повторится: не будет больше ни ярких красок весны в окрестностях монастыря, ни дурманящего аромата акаций, ни оглушительных звуков течения бурной реки Господней.

Эта старая, ушедшая в монастырь еще, будучи подростком, женщина знает – Бог потерял былое могущество, и теперь не он определяет, когда ей умереть. Но она ему верна. Она ведь ушла из мира пороков в дом Божий, еще не познав ни одного порока. Только она не знает, что мира пороков уже нет, да и вообще никакого мира нет.

Воистину, многое изменилось с тех пор, как я повзрослела... А потом придут Дети Неверных и подожгут всю территорию монастыря. Им всем от 20 до 26 лет, носят они длинные кофейные платья, обтянутые на талии широким тканевым поясом, и у них, у всех без исключения, длинные бороды и стеклянные глаза.

Они всегда приходят убивать. Такая уж у них работа.

И лишь орудия убийства не изменились со времен нашего детства. Человека можно убить молотом, топором, арматурой, отверткой. Человека можно убить словом.

И бабушку убивают. Только это кровавое месиво уже вряд ли можно назвать бабушкой...

А хлеб с кровью – это единственное, что Бог может оставить себе на память.

Остальное заберут Неверные. Такой был уговор. Ведь у зла всегда больше прав. Во взглядах же служительниц Обители – смирение. А в действиях убийц нет сумасшествия. Они просто методично выполняют свою работу. И никто не бежит, все ждут свой очереди умереть. Когда-то раньше так стояли в очередях у кассы в супермаркетах. Тишина и никакой паники.

Когда-то раньше одна мысль о смерти выбивала человека из колеи, вгоняла в депрессию, это уже потом научились получать удовольствие от перехода из одного состояния в другое.

Это уже потом Судный день превратили в торжественную мессу. А когда я стала старше, Богу все обрыдло, и он опустил руки. Конечно, во времена Великой Державы никто и не подозревал, что в момент своей смерти можно жевать буханку.

Мир сошел с ума гораздо позже.

БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ

На перемене Мурад сунул мне этот смятый двойной лист в руку. Мне уже тогда стало плохо. Я знала, что там может быть все, что угодно, но надеялась, конечно, на одно... Мои надежды оправдались, но я не могла шевельнуться, потому что волнение подступило к горлу, и я готова была сблевануть от счастья.

«Знаю, что писать подобные письма глупо, но сказать это я все равно не смогу. Я хочу извиниться за свое поведение, за то, что не замечаю тебя. Наверное, я просто сейчас не могу по-другому. У меня куча проблем, и я не хочу, чтобы в такие минуты ты была рядом. Боюсь, не поймешь. Боюсь, не перенесешь. Ты, конечно, почувствовала отчужденность с моей стороны, но поверь, я все это время не забывал о тебе. Я боюсь потерять тебя, но делаю так, что теряю.

Да, я не подхожу тебе, не заслуживаю тебя. Это не самобичевание. Просто я ничего для тебя не сделал. Но ты была рядом. Просто я люблю тебя. Только тебя. Очень люблю.

Я обещал тебе многое, но не дал. Обещал быть рядом – не получилось Ты большое замыкание в моей системе. Потому что до тебя я никого не любил.

Я знаю, ты меня уже не любишь. Не знаю, зачем я это все написал. Просто хочу все вернуть. Позволь быть рядом. Мурад».

Именно на это я так надеялась. И теперь, когда случилось то, что в последнее время не давало мне дышать полной грудью, я поняла, что нужно мне было именно это! Признание Мурада, что он идиот полный. Да, я ему ни разу не показала, что страдаю, и теперь он думает, что я его не люблю. Но с чего он это взял? Я ведь сама этого еще не знаю. Или знаю? Или я просто упивалась страданиями? Или это и есть любовь?

Глупости! Мне, конечно, приятно, что моя самооценка вновь повысилась до необходимого уровня, но я стала понимать, что я уже не смогу быть с этим человеком, который причинил мне столько боли. Он может уйти еще и еще раз. Но я ответила – «позволяю».

Чем черт не шутит. Я позволяю себя любить, я вновь даю волю своим чувствам, но теперь твердо знаю – никто не имеет права причинять мне боль. Даже он. Тем более он.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Взрослому посвящается...

Мы вскормлены соей и концентратами. Мы – поколение двойных стандартов. Мы жертвы НТП.

Мы – те, чье сознание засорено противоречивыми ценностями.

Мы – результаты лучшего, как ты считаешь, советского воспитания, воспитания человека, который знает, что есть плохо, и что хорошо. Правда, неприменимые к жизни моральные ценности никак не вяжутся с ежедневными взрывами, убийствами, малыми джихадами – продуктами труда твоего взрослого меркантильного мира. И мы на этом фоне какие-то неправильные.

Но мы не виноваты, что не родились в то время, когда все было «не так, а очень хорошо», когда «был порядок, и молодежь ездила на виноградники». Да, мы «прожигаем» свою жизнь в клубах, а классиков читаем исключительно с монитора, да, мы слушаем «Rammstein», носим «идиотскую одежду» и говорим на непонятном тебе языке. Но у нас есть преимущество – мы не предъявляем тебе обвинений, как это делаешь ты, мы готовы на диалог и не считаем глупой «чужую» правду.

Мы никогда не спросим о твоей национальности, потому что искренне верим, что это не важно. Мы не эгоисты, но и не альтруисты. Мы не безбашенны но, по большей части, не действуем, руководствуясь принципами и убеждениями. Мы просто живем, точнее, живем так просто, что не придумываем себе никаких правил. Мы не можем быть похожи на тебя в молодости, потому что это уже будем не мы. Мы другие. И в этом тоже никто не виноват. Мы не давим в себе себя. Мы можем любить и ненавидеть, жить, как ты, или честно.

Да, мы не знаем, как поступать в той или иной ситуации, но понимаем, что наша жизнь зависит от нас, и поэтому учимся выбирать. У нас отличный иммунитет. Мы пережили череду вторых пришествий и Беслан. И нам это очень не нравится. Нам не нравится, что ты позволил нам это увидеть. Но мы тебя ни в чем не виним, просто просим подвинуться. Теперь Мы здесь правим бал.

И еще. Я не знаю, к чему мы придем в итоге, но в одном я уверена точно – эта история не закончится никогда. Будут меняться только действующие лица и условия.

Молодость бесконечна и безгранична. Равно, как и снобизм тех, кто забыл, что когда-то был молод.

P.S. И это тоже все вранье, потому что мы разные – плохие, или лучше, еще хуже или лучше, или никакие. Потому, что у нас не было Провидения, и мы завидуем Иисусу. Потому, что Провидение было, а Голгофу закрыли на евроремонт.

И Мы – это вовсе не Мы, а Я.

Я – несовершеннолетняя врунья, а скоро 18 и пора умирать. Прощайте навеки прежние амбиции и состояния, прочь от меня мир ярких красок, оглушительных звуков и пьянящих ароматов. Прощай и я, прежняя. Умирай, уступай место другой мне.

Взрослею...

Поэт Бадрутдин завершил книгу «Оборванное стремя». Она посвящается памяти его друга, тюрколога с мировым именем, профессора Иштвана Мандоки Конгура, скоропостижно ушедшего из жизни во время творческой командировки в Дагестане.

Поэтическую исповедь в книге дополняют рассказы, путевые заметки, дневниковые записи поэта, посетившего родину друга, Венгрию, где в двух областях – Большая и Малая Кумания – проживают куманы-кипчаки, прародиной которых считается прикаспийский Дагестан. В представляемых вниманию читателя отрывках из книги прослеживается переплетение судеб разбросанных волной истории в разные стороны народов, имеющих общие родственные корни.

На суд читателя впервые выносится перевод стихов, осуществленный выпускником МГУ, кандидатом философских наук Мурадом АСКЕРОВЫМ, который пробует поэтическое перо на родном и на русском языках.

БАДРУТДИН

АТИЛЛА И КАЛЬЖАВАТ

Твой лик и стать
достойны восхищенья.
Чьим именем назвала тебя мать?
«То в честь княжны
из старины глубокой», –
Промолвила кумычка Кальжават.

Луне подобен лик ее, во взоре
Лучится небо радугой из глаз.
В мужском обличье женщина,
в доспехах,
Сама княжна, а имя – Кальжават.

Служила ратной славе
с колыбели.
Мечом владеть учила ее степь
И жатву смерти собирать учила.
В недолгий век свой тысячи побед
Она дарила гуннам. И не розы,
А головы срывала с тел. Весну
И молодость свою
низринув в пламя,
Свечой сгорала. И в затишья час,
Когда сама земля лежит устало
И волки воем наполняют ночь,
Кружа в надежде
у холмов могильных,
Вот в схожий час
она забылась сном.

Перед глазами
пронеслась картина
Жестокой битвы.
Скорбный был конец:
С возлюбленным
навеки разлучила
Судьба.
И в саван приоделась степь.
Тревоги гложат душу и сомненья,
Исходит болью сердце не от ран,
А от тоски. К царевичу Денгизу*
Любовь питала нежную, но знал
Об их союзе только царь Атилла,
И, как отец, тому был втайне рад.
Их в глубине души благословляя,
Он мира ждал,
чтоб брак их закрепить.
Но мира нет. Война и лихолетье
В плену у чувств
вершат свои дела.

И вот враги,
жилище льва встревожив,
Несутся с грозным кличем.
Час настал.
Ступайте, страхи, прочь!
На суд подносят
Они судьбу, как жертвы на алтарь.
«Одни, пятясь назад, теряли лица,
Кто рвался в бой
и обретал лицо».**
На небе молния, раскаты грома
Смешались в лад
со скрежетом зубов.
И вещий вопль о гибели Денгиза
Сразил княжну.
Узревши сто смертей,
Она впервые вздрогнула.
Рыданья,
Одевшись в траур
из печальных слов,
Вороньей стаей заслонили небо.
И, в ножны меч вложив,
она стремглав
Помчалась во дворец
царя Атиллы.

Кальжават:

Рожденный небом царь
и жребий твой
Достоин славы.
Я промолвить слово
Пришла...

Атилла:

Без долгих отступлений речь
Твоя пусть будет краткою сегодня.

Кальжават:

Достойно мне безмолвствовать.
Велик
Кровавый дар,
ниспосланный нам Богом,
Чтоб изрекать слова. И посему
Я обращусь к тебе
с печальной песнью.
Коль в силах внять еще,
услышишь стон.
На поле брани,
орошенном кровью,
Где режут, жгут и с пеною у рта
Взывают к небу, изнывая болью,
Денгиз, твой отпрыск,
щедростью блистал,
Даруя смерть врагам.
Стрела нежданно
Нашла его и рухнул наземь он.
Из свежей раны
кровь рекой струилась.
Утешилась богиня смерти им.
Над телом бездыханным
усмехнувшись,
Забрала жизнь.
Так испустил он дух.
Кровь пролилась
царевича Денгиза!
Дожди ее омоют иль снега?!
Он вместо ложа брачного навеки
Возляжет в черный гроб.
Ему ж вослед
Страданий чаша, верно,

не иссякнет.
Ведь боль рождает боль
и цепь могил
Грядущим поколеньям
в назиданье,
А нам – расплата за грехи свои.

Довольно смерти,
о мой повелитель!
Когда вся степь,
покорно преклонив
Колени пред тобой,
суда свершенья
Ждет правого, ты,
гнев свой усмирив,
Будь милосерден.
К доброму владыке
Извечно Бог Тенгри благоволит
И карою жестокой за гордыню
Вознаградит.
А зависть, демон злой,
Хвалу поет смертям
и алчет крови.
Земли врата раскрыв, цари царей
Сойдут в нее,
воздав своею кровью.
В паучьи сети сердце заковав,
Свободу ищешь.
Львы и то зловонной
Слюной своею метят рубежи.
Камыш,
нутром играя сонм мелодий,
Хранит на листьях
бережливый страх.
В руках людей
стрелою обернувшись
И пущенный упругой тетивой,
Летя,
поет он плач по жертве скорой,
Рисуя на земле кровавый след.

Довольно крови, царь,
я заклинаю!
Ты гнев во благо обрати. Дождем
Пусть благостным оно
на нас прольется,
Чтоб не забыл вовеки
род людской
Про благородных гуннов,
а Атиллу,
Как после ночи светоносный день,
Чтоб чтили.
В остальном помогут боги.

В походах долгих кольцами копыт
Топтала в грязь цветы.
Сама увяла.
И юность в жертву им
преподнесла…
Прости, Тенгри,
прошу, будь милосерден
К безумной дочери своей!
Мы стон
Несем земле, чтоб матери рожали
Со стонами детей?!
Мой отчий дом
Я вспоминаю и горю желаньем
Стать матерью,
чтобы прижать к груди
Ребенка, а не щиты с мечами.
Ведь небесам,
чем грохотанье войн,
Милей невинных свадеб
ликованье?!
И в небо, нам служившее шатром,
В последний раз я сокола бросаю...

Слова застряли в горле,
и без чувств
Она упала на руки Атилле.
И содрогнулся он, слеза из глаз
Бесстыжая просилась.
С тяжким комом,
С княжной обмякшей
на своих руках
Он глух и нем
весь погрузился в думу...

Очей своих прекрасных синеву
Княжна, наверно, Небу подарила
В ответ же Небо,
милость проявив,
Ее чудесным чадом наградило...

---

* Денгиз - один из сыновей Атиллы.
** Строки из кумыкской героической песни.

Куманы и мадьяры

«День был так долог, что едва вместился
В степные дали. День жестокой битвы...»

От дыма войн
и тяжести проклятий
Устало небо и, как ветхий мир,
Под натиском копыт
земля обтерлась.
Котян, великий половецкий хан,
Привел народ свой и войска
к Дунаю,
Разбив шатры кольцом, на берегу.
На сердце хана беспокойство,
все же,
Окинув взглядом ближние поля,
Он восхитился неба отраженьем
В зерцале вод. В течении реки
Его пленила
кроткая смиренность.
И вспомнил хан,
как перед ним текли
Лишь реки крови.
Словно к ним взывая,
Глаза его налились кровью. Он,
Смахнув печаль,
торжественно и гласно
Воззвал к народу...

Котян:

...Воины мои!
Сородичи мои, юнцы и старцы,
Нас было сонм, мы сорок сороков
Племен степи
со всех концов сплотили.
По воле Бога выжила лишь треть.
Мне жаль без меры
доблестного войска,
Ушедшего навеки в мир иной,
Себя бессмертной славой
покрывая.
Холмы могильные по всей степи –
Свидетели тому немые. Стрелы
Голодными волками рвали грудь,
А вырвать дух свободы не сумели.

Но, позабыв об отчем очаге,
Мы души греем
от костров далеких.
Томится явь
по нашим сладким снам.
Но стихнет боль от ран.
Зароем в землю
Войну и смерть! Копье свое воткну
Я в их прожорливую пасть.
Пусть служит
Оно отныне коновязью нам
И пусть Тенгри
нам явит милосердье.
Раздолье здесь
для наших лошадей,
И для посевов земли здесь
пригодны.
Дома построим, крыши из щитов
Стальных накроем.
В славные знамена
Пусть пеленают матери детей
И в такт сердцам качают колыбели.
Я за советом обращаюсь к вам
И вашего же жажду одобренья...

* * *

Погожий вечер. Ржание коней
Доносится кругом и дым кочует,
Как вечный странник,
от костра к костру.
Багряный небосвод похож на знамя,
В сраженьях обветшалое. Шатры,
Качаясь на ветру, заводят песни.
Под скрип колес
точило лижет сталь
И лай собак
со звонким детским смехом
Пугают тишину. Ковром стелясь,
Полынь густая красит степь.
Поодаль
Страна мадьяр.

В раздумье хан Котян.
Кругом враги упорно насаждают.
У вольных львов,
что бороздили степь,
Нет ни земли теперь и ни отчизны.
И в нетерпении уж сколько дней
Послов он ждет,
отправленных к мадьярам
И он решил направиться один
На встречу с королем
Бэла четвертым.

Котян:

За беспокойство
я прошу простить
Тебя, король, и да твое величье.
Широкий трон о широте души
Твоей, уверен, говорит. Я должен
О милосердии ко мне просить
И времени,
чтоб выслушать прощенье.

Бэла:

Хотя, Котян,
ступил ты в первый раз
Через порог мой, о твоих заботах
Осведомлен, но выслушать готов.

Котян:

На волю Бога уповая, войско
И весь народ, походом утомив,
Глотая пыль дорог,
под жгучим солнцем
Коней подковы раскаляя в жар,
Вступили мы, король,
в твои пределы!
Незваными гостями. Нет назад
Дороги нам и, если б соизволил
Нам свить здесь гнезда,
были б мы тебе
Безмерно благодарны...

Бэла:

…Королям
И ханам не к лицу притворство.
У нас лишь змей,
зарывшись под порог,
Ужалить подло
норовит украдкой.
Я слышал,
нравов благородных вы,
Но раз, мечтой навязчивой
влекомы
Весь этот мир подлунный
покорить,
Ошиблись вы...

Котян:

…Нет, мы живем в достатке
И не нужда толкала нас в поход.
Того, кто мир вокруг
враждою полнит,
Отравленные злобой
стрелы ждут.
Со злом мы от рождения
не дружим,
От варваров томимся сами, но
Есть враг у нас внутри,
как червь нас гложет
Друг к другу зависть.
Волком воем мы,
Но от себя отринуть прочь
не можем.

Бэла:

Не от нужды, я знаю, злоба пьет
Свой яд, но кто тогда доставил
Отраву эту вам, кто этот змей?

Котян:

Со всех сторон, король,
нас осаждая,
Гиенами терзая в клочья степь,
Враги хотят отнять у нас свободу,
Добытую в сраженьях. Без нее
Нам жизнь – ничто.
Не без греха и сами:
Не выдержав тяжелый этот груз
И зарясь на отцовское богатство,
Иной из нас пиявкой совесть пьет
И если брат на брата меч поднимет,
Ничем уже не смыть нам этот грех!
Забытые старинные проклятья
Державу нашу режут на куски.

Бэла:

Пусть Бог простит вам
ваши прегрешенья.
Вы, семя бросив, горький урожай
Собрали вскоре, но несчастья ваши
Рождает страсть к всевластию.
Весь род
Людской пленив,
достоинство унизив,
Омыв в его же собственной крови,
Какую милость ждете вы от Бога?!

Котян:

Воистину ты прав, на гнев небес
Мы обрекли себя. Казнюсь я горько.
В надежде на счастливую судьбу,
Уж сколько раз решал остановиться,
Чтоб обрести покой, создать очаг,
Но вновь и вновь
вселенскими кострами
Остывший пепел тешил свой позор.
Так жизнь проходит...

Бэла:

…Доблести ворота
Пред вами не закрыты, вижу я.
Какому богу служите теперь вы?

Котян:

По милости небесного Тенгри
Живем во имя чести и свободы.
Вот мой народ,
один мой только клик –
Они служить тебе готовы. В битвах
Все сорок вен, как струны изорвав,
На сорок первой гимн они сыграют
Во имя жизни и воскреснут вновь.
Изноет болью степь, но не устанут
Куманский лук
с мадьярскою стрелой!
Сплотим ряды и в годы лихолетья
Враг разобьется о скалу из двух
Вершин.
Решай, король, я жду ответа.

Бэла:

Своими полноводьями река
Обязана притокам, это верно.
И нам нужны союзники, друзья.
Сто крепостей разрушить можно,
только
Родство и братство сплетены вовек.
Так понял я слова твои...

Котян:

...Не станем
Мы сетовать и плакать.
Боль терпеть
Есть участь смертных.
Божий бич Атилла
Всегда быть вместе завещал в беде.
Дорога жизни то ровна, то – круча.
Усталым табунам испить воды
Живительной из вольного Дуная
Прошу соизволенья твоего.

Бэла:

Глотая пыль времен,
на зов Атиллы
Вы если отозвались, и плетьми,
Как молниями рассекая воздух,
На зло с добром делили этот мир,
В ушах голодным волком
ветры выли
Со скрежетом искусанных удил,
Стрелой свободной если долетели
В далекий этот край,
то вам здесь жить,
А нам за честь
принять мужей отважных!

Котян:

Отныне к луку твоему стрелой
До самой смерти буду.
Испытаньем
Пришельцу время служит.
Если вдруг
Слова мои с делами разойдутся,
Я голову покорно преклоню
Пред праведным мечом твоим.
Признаюсь,
Сомненьями снедаемый, с небес
Я дни и ночи жаждал провиденья
И час настал. Теперь с Дунаем Дон
Пусть породнятся.
Царственное слово
Твое пленило нас, благодарю.

Бэла:

Воистину! Вовеки вы в почете
Жить будете в стране моей, молясь
О благостных, счастливых днях,
и клятвой
Скрепим сегодня наш мы договор.

Котян:

Клянусь!
А клятву мы скрепим печатью
Из наших двух сердец!

В июне этого года народному писателю Дагестана МУСЕ МАГОМЕДОВУ исполнилось бы 80 лет

НАШ МУСА

"Может, тот, кто высоту возьмет,
Там наверху мое припомнит имя".
Муса Магомедов

Магомед ГАЗАЛИЕВ

В этом году 27 февраля прошло ровно 9 лет со дня смерти замечательного писателя – Мусы Магомедова. И с каждым годом мы ясно ощущаем ту пустоту, которая с его уходом возникла в нашей литературе. И не только в аварской, но и во всей дагестанской. Никто не достиг той художественной высоты, на которую он поднялся. Это не только мои слова. Это слова его коллег, поклонников его таланта, читателей его книг. Свидетельство тому факт, что их трудно найти в магазинах, в библиотеках, а те, которые на руках, истрепаны от частого чтения.

Писатель сумел подняться на такую творческую высоту благодаря таланту, ответственности перед своим призванием и упорному, кропотливому труду, которому позавидовал бы каждый. Вспомним слова мудреца, который сказал, что талант только вкупе с каждодневным трудом приводит человека к совершенству. Над каждым своим произведением он работал с полной отдачей сил, несмотря порой на мучавшую его головную боль, зачастую глотая таблетки… Так написаны лучшие из лучших его книг: «Черный камень», «Месть», «Корни держат дерево» и многие другие.

Единственным и самым любимым местом отдыха, когда он уставал, был для него берег моря. Наверное, ему он доверял свои сокровенные мысли.

Большой радостью для Мусы были поездки в родное село, встречи с односельчанами, друзьями. Обычно он приезжал летом. В такие дни земляки, знакомые из ближайших сел допоздна засиживались у него. Его приезд становился настоящим праздником не только для взрослых, но и для детей.

В ранней молодости пробудилась у него любовь к слову, он относился к нему очень бережно. Но его ранние стихи до нас не дошли. Учась вначале в родном селе Андых, а потом в Голотле, Муса подружился с молодыми начинающими поэтами, которые писали в газеты. Они переписывались порою стихами, порою устраивали поэтические состязания: это ушедшие из жизни еще в молодые годы Сагид Магомедов из Андыха, Мухтар Гераев из Куаниба, ныне здравствующий известный аварский журналист Исалмагомед Алиев и ряд других. Помимо этих «лицейских собратьев», у него было много друзей в каждом ауле – любителей словесности.

Оставшись без матери в раннем детстве, Муса воспитывался отцом и дедушкой по материнской линии. Дедушка Хаджи (в его произведениях имя дедушки Куди, наряду с отцовским, встречается часто) был одним из первых в Андыхе, кто совершил хадж, еще в далеком 1913 году. Это был одаренный мудростью и прозорливостью человек. В школьном музее хранится его паспорт с разрешением областного губернатора.

Младший брат писателя Мухтар вспоминает: «Мусе было 10 лет, когда он изъявил желание продолжить учебу в Голотле и попросил об этом отца. В то время в селе была лишь начальная школа. А в Голотле была семилетка. Муса был для меня примером во всем, я очень любил его, хотелось, чтобы он никогда не уезжал. Но он мечтал стать образованным, говорил, что занимается даже тогда, когда все спят. Таким был брат!».

Окончив в Голотле школу в грозном 1941 году, Муса вернулся в родное село, но внезапно тяжело заболел. Пролежал в постели почти 9 месяцев. Победила любовь к жизни и милость Аллаха: он поправился. Но и во время болезни он сочинял стихи. К сожалению, впоследствии тетрадь со стихами затерялась. Но некоторые из них помнят его земляки и сейчас…

В годы войны Муса, будучи совсем молодым парнишкой, работал учителем в родном селе. Первым его печатным произведением, дошедшим до нас, является стихотворение, посвященное другу, коллеге

по работе Магомеду Максудову, добровольно ушедшему на фронт. После войны Муса окончил годичную партшколу в столице нашей республики и навсегда выбрал для себя профессию журналиста и литератора. Не имея еще полного среднего образования, он благодаря своей деловитости и энергичности был назначен редактором районной газеты «Новый свет». Это был, наверное, первый случай в республике, когда на ответственный пост руководителя был назначен человек в таком молодом возрасте. Кстати, в его биографии часто встречается слово «впервые», он во многих сферах был первым.

В 1947–48-х годах вместе с ним в газете ответственным секретарем работал Гаджи Арипов, ныне известный журналист. Он дает высокую оценку творческим способностям и таланту своего друга. В одной из своих статей Гаджи Арипов рассказывает, как в те годы были оценены произведения Мусы Магомедова Гамзатом Цадасой. Прочитав его стихи, мудрый Гамзат сказал: «Имя твое будет услышано, твои стихи прославят тебя». Он сумел уловить в характере молодого литератора простоту и скромность, умение довольствоваться малым, доброту, терпеливость, неприятие даже малейшего зазнайства. До конца жизни Муса Магомедов оставался таким, каким он предстал перед знаменитым поэтом.

Работая редактором районной газеты, будущий писатель одновременно окончил среднюю школу в Кахибе. В 1950–52 годы он учился на отделении журналистики в Ставропольской партшколе. И сразу же после ее окончания поступил в московский Литературный институт. Годы учебы в Москве для Мусы Магомедова были самыми счастливыми. Ему представилась возможность глубже познакомиться с произведениями мировой литературы, он ходил на семинары выдающихся поэтов и писателей, посещал музеи, выставки, театры. Среди его наставников был известный поэт В. Луговской. Здесь он встретился со своей будущей супругой Фазу Алиевой, приобрел множество друзей.

Окончив с отличием литинститут, Муса приехал в Махачкалу и стал редактором аварского выпуска журнала «Дружба». Он активно включается в общественную и литературную жизнь республики. Это время можно считать и временем выбора цели жизни, точнее – прощания с любимой поэзией и вступления на новый трудный путь прозаика. С тех пор он оставался верен выбранному пути и занял в дагестанской прозе ведущее место. Из-под его пера вышло более 80 книг, переведенных, помимо русского, на 14 иностранных языков. Все это дает полное право утверждать ныне, что Муса Магомедов стал классиком дагестанской литературы.

Писатель отличался своим неповторимым красочным почерком. Его стиль можно сравнить с цветами, выросшими в знойное лето на зеленом лугу, яркими и роскошными. Каждое его слово будто наполнено музыкой, оно привлекает своей выразительностью, как изумительный орнамент резьбы по дереву, оно усиливает наше восприятие сказанного писателем своей образностью. Ни с каким другим автором нельзя его спутать.

В его прозе нет такого жанра, в котором бы писатель не попробовал свои силы. Он стал первым мастером лирической прозы и короткого рассказа-новеллы в аварской литературе, автором первого романа-трилогии, а также одним из основоположников аварской детской литературы. А более всего его талант раскрылся в жанре повести. Он пробовал себя и в драме. И поныне в репертуаре Аварского театра живет спектакль по его пьесе «В зеленой долине». Но я с уверенностью утверждаю, что если бы Муса остановился только на стихах, то и тогда его имя находилось бы среди лучших.

Его кумиром был великий русский поэт М.Ю. Лермонтов, а в аварской поэзии – Махмуд из Кахаб-росо. Их произведения всегда находились на его письменном столе. Лермонтов для него – светило, загадочный бунтарь, символ совести, он учился у него языку. Выпущенные тогда им два сборника «Горный источник» и «В зеленой долине» сегодня не достать. Один из сборников я обнаружил в республиканской Национальной библиотеке и выписал несколько стихотворений для ознакомления с ними учащихся. После чтения школьники причислили их к народным песням: настолько стихи напевны и образны. В своих стихах Муса был одновременно и романтиком и реалистом. Его стихи хочется петь, так они музыкальны!

Муса любил жизнь, людей, он никогда никого не обидел, никто не видел его хмурым и озлобленным. Это был человек кристальной чистоты души, в высшей степени порядочный. Ему были дороги традиции и обычаи предков, их быт и жизнь. В своих произведениях он старался быть верным этим традициям. Он шлифовал свой стиль, как огранщик шлифует алмаз. В нем было сильно развито чувство общности. А его книги – кладезь народных обычаев, по ним надо учить подрастающее поколение любить Родину и людей.

Муса Магомедов, будучи первым аварским народным писателем, был отмечен высокими наградами. Но самой высокой наградой он считал доверие людей. Это подтверждают письма, которые получал писатель почти каждый день от читателей самого разного возраста. Некоторые из этих писем хранятся в музее нашей школы. Он регулярно встречался со своими читателями, что происходило тогда почти ежемесячно. В связи с этим я вспоминаю одно событие, которое произошло более сорока лет назад в Буйнакске.

Я тогда учился на первом курсе 2-го Буйнакского (Аварского) педучилища. Здесь проводилась конференция по только что выпушенной в свет книге М. Магомедова «Месть». Говорили, что на конференции будет автор книги. Время было послеобеденное. Я пошел к старому корпусу училища и увидел, как в учительской уважаемые мной преподаватели с интересом и почтением слушают писателя. И сердце мое наполнилось гордостью за своего земляка. А вечером актовый зал был заполнен до отказа. Здесь были студенты, преподаватели, просто горожане, и не только аварцы. Муса, только что окончивший литинститут, написавший в то время самый известный в Дагестане роман, был в отличном расположении духа. Он выступал на русском языке, отвечал на многочисленные вопросы. Эту встречу я запомнил надолго. Той любви, того почтения и признания, выражаемых писателю, к литературе, теперь, к сожалению, нет.

Сегодня в нашей Андыхской средней школе действует единственный в республике его мемориальный музей. Здесь собраны личные вещи писателя, отдельные рукописи, его книги, изданные на родном и русском языках. Выставлены здесь и книги разных авторов с автографами, дарственными надписями. Они подарены музею его друзьями-писателями. Здесь проводятся встречи с посетителями, литературные праздники.

В июне нынешнего 2006 года Мусе Магомедову исполнилось бы 80 лет. Хочу заметить, что при жизни писателя не были отмечены его юбилейные даты – 50-летие, 60-летие, 70-летие. А к 80-летию его уже нет с нами. Впрочем, нет, он с нами. Мы читаем его книги…

СОЛНЫШКА ЛУЧИ

Аминат АБДУЛМАНАПОВА

КАК ПОМОГЛИ РЕЧКЕ

От жары наша речка устала,
Обмелела и петь престала.
Но об этом утесы узнали:
– Наша помощь тебе не нужна ли?

Все, что речка утесам могучим
Говорила-шептала несмело,
Те летучим поведали тучам,
И взялись эти тучи за дело!

Напоили усталую речку
Ливнем в зной – как ребенка из чашки!
И опять закутались в колечки –
В синеве разбрелись, как барашки:

– Ты не бойся, звени, как звенела,
Речка горная, с ветром играя!
Подрастем – и возьмемся за дело –
Летним ливнем напоим до края!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, малышка Малика!
Звезды спят в озерных бликах.
Спит за рощею река.
Спят фиалки, спят гвоздики.

Даже солнышка лучи
Целовать тебя устали
Куклы, мишки и мячи
Шевелиться перестали.

Облака устали плыть
Дирижаблями по небу.
Ветер поумерил прыть,
И поля заснули хлеба.

Все уже спят. Вот и Луна
На бочок легла за горкой.
Тень твоя на время сна
Отдохнуть легла на полку.

Мед уснул в глазах цветов.
Даже время течь устало.
Спи, малышка. В царстве снов
Все найдешь, о чем мечтала…

БУСЫ НЕБЕСНЫЕ

Удивительные бусы
Над промокшею землей
То веселые, то грустные
Дарит небо нам с тобой.
То в них солнце отражается,
То колеблется луна.
В них и лужа наряжается,
И рядится в них волна.

То бренчат они в оконце,
То чего-то шепчут в лад,
То при солнце иль без солнца
Враз гремят, как водопад.
То от бус тех мы недужны,
То мы их, как счастья ждем,
Эти бусы потому что
Называются?
(*дождем!*)

РУКИЯТ

В школу хоть и не пошла
Наша Рукият,
Может запросто она
Куклам шить, вязать.

Пусть еще она юна,
Ростом невеличка,
Но умеет пеленать
Куклу как сестричку.

Рукавенки засучив
И посуду моет.
Можно смело поручить
Ей такое дело.

Кормит кошку Рукият,
Подметает пол.
Сумку может подержать,
Вытирает пол.

И умеет рисовать,
Танцевать и петь.
Даже по слогам читать
И еду согреть.

Вот ведь умная малышка,
Наша милая Рукишка.

ВЛАЖНЫЕ БУСИНКИ

Сыпятся с неба бусинки,
Шарики звонкие бьются о землю.
Бьются о травку, бьются о кустики,,
Бьются об ветки, цветочные стебли.

Бьются об камни, асфальт и скамейки,
На серебринки-песчинки крошатся.
Скачут по улице, прыгают в скверике,
Вот шалуны – повсюду резвятся!

Падают в реки и вниз по течению
Катятся к морю и там пропадают:
Море, как будто они из варения,
Их с удовольствием жадно глотает.

Ветер дробит их, земля поглощает.
Озеро пьет, пузырясь от восторга.
Всем нужен дождь –
он от жажды спасает,
Льется бесценною милостью Бога.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Проснулась весна и меня подняла,
Стихи написать позвала –
Такие, чтоб дождик услышал и стих
Растаял в лучах золотых:

– Ты разве не видишь, как дни хороши,
Какая вокруг синева?
Возьми карандаш и стихи напиши,
Я продиктую слова.

А ласточка строит домик лепной
В сиянье весеннего дня.
О чем говорить она хочет со мной,
Зачем окликает меня?

– Ты слышишь,
как ветер танцует в тиши,
И тянется к солнцу трава?
Возьми карандаш и стихи напиши,
А я продиктую слова!

Зеленою щеткою красит поля
Хозяйкой веселой весна.
И зерна уснувшие будит земля:
Вставайте быстрей ото сна!

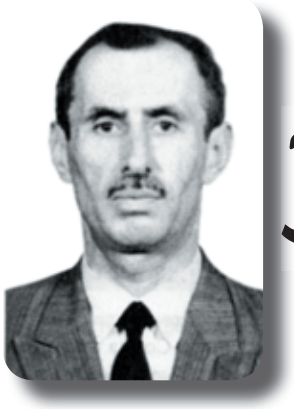
И окна светлы, и улыбки чисты –
Так радостно в доме моем!
Слова этой песенки очень просты
И мы ее вместе споем.

* * *

Раздавало солнышко
Золото без счета:
И на листьях осени
Солнца позолота,
И пылают-светятся
Тучи на закате –
Словно золотистые
Бусинки на платье!
Ходит, ходит солнышко
Радостно по небу:
А вот это золото –
Наливному хлебу.
А вот это золото –
Понял я и сам! –

Бабушкиным лицам,
Маминым сердцам.

Перевод с даргинского
Валентины ТВОРОГОВОЙ



ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК

Агалар ДЖАФАРОВ

НЕ ХОЧЕТ В САДИК

Мама, бабушка и деда
Убеждают Магомеда,
Просит и Исламчик – братик,
Чтоб пошёл он в детский садик.
Но не хочет Магомед
В детский сад, и, как медведь,
Он ревёт, рычит, кричит:
– У меня живот болит.
Утешают все: – Там есть
И Хизришка, и Ольмес,
И игрушки-зверюшки,
Фрукты, соки и ватрушки...
Хмыкнув, молвил Магомед:
– Но зато же вас там нет...

Я И ЛЕНЬ

Крепко дружим я и лень.
С ней бываю целый день.
И ещё, признаюсь вам,
С ленью я и по ночам.
Лень вставать мне, лень ходить,
Лень рукой пошевелить.
Погулять зовут друзья,
Но уходят без меня.
Хорошо мне: я лежу,
Сплю, мечтаю, так гляжу,
Неохота даже есть –
Надо ведь с кровати слезть.
Рад бы быть порой вне стен,
Да вот только держит лень.
Лучше буду я лежать:
Не хочу лень обижать.

АМИНАТ И КЛУБНИКА

Очень я хотел бы знать,
Почему нам Аминат
Не сказала, что идет
За клубникой в огород –
Нас и не подождала,
Ягоды все собрала.
Ты зачем так, Аминат,
Поступила, мне бы знать?
Та, потупившись, стоит,
То вздыхает, то молчит.
– Где ж клубника, мне ответь,
Её много было ведь?
– Да где может быть она, –
Я поела всю сама.

Я НЕ ЕМ ИХ

Ни варенье и ни джем,
Ни повидло я не ем.
Слово честное даю,
Что и торт не признаю.
Кексы, коржики, сгущёнку
Не давайте вы ребёнку –
Я не ем их, не могу
Кушать сладкое — не лгу.
Леденцы, драже, пирожное...
Что вы! Дело невозможное –
Я не ем их, но... клянусь,
В рот возьму – не откажусь.

НА РАЗБОРКУ

– Эй, послушай, петушок,
Ты куда спешишь, дружок?
Шпоры острые звенят,
Гребень пламенем объят.
Не тягаться ли со мной?
– Успокойся, не с тобой.
Есть мальчишка тут другой,
Он вчера моих курей
Разогнал, побил, ей-ей,
Разобраться нужно с ним.
– Как зовут его?
– Максим.

ПРО ПЕТУШКА

Есть у нас, есть у нас петушок:
Шпоры, хвост, золотой гребешок.
Кукарекает он во дворе,
Выгнув шею дугой на заре.
И кричит петушок, и поёт –
Людям спать по утрам не даёт.
И ругаются люди: «Пора
Нам прогнать петуха со двора,
Пусть уходит от нас. Не хотим
Вместе с ним
жить под небом одним...»
А детишкам же люб петушок
И чудесный его голосок.

ПОЧЕМУ МОЛЧИТ

– Эй, Азамат! Эй, Азамат!..
Зовёт его с балкона мать.
Но не спешит на зов малыш.
– Эй, Азамат, ты что молчишь?
– Эй, Азамат! Эй, Азамат!
– Зовут его стар и млад.
– А ну, откликнись, отзовись,
Пред мамой быстро покажись!

Вдруг раздаётся:
– Здесь я, здесь!
Что расшумелись на весь свет,
Зачем кричать... – я ем алчу,
Вот потому-то и молчу.

НЕ БОЮСЬ

– Эй, собака, вон отсюда,
Ишь ты, – гав-гав разлеглась!
Я опаздываю в школу,
Ну, пошла! Как дам сейчас!

А собака отвечает:
– Ты неправ, Касум, клянусь,
Вон же сколько места рядом,
– Ты не лай, я не боюсь.

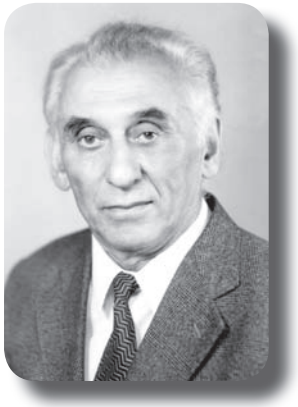
ПРОКАЗНИК

– Скажи, Ильяс, зачем сегодня
Довёл Абашку ты до слёз?
Иль обижать девчонок модно?
Ответь-ка на вопрос всерьёз.

На миг задумался проказник,
Придумывая, что сказать.
Но всё ж признался пятиклассник:
– А чё мне не дала списать?

ВМЕСТЕ

Дерутся друг с другом
Салам и Салим,
И трудно обоим
Приходится им.
Толкают и тузят
Друг друга они,
А рядом хохочет
Проказник Али.
Науськивает их
И масла в огонь
Меж тем подливает
С хихиканьем он.
Те вдруг перестали
Друг друга тузить
И начали вместе
Насмешника бить.



СЛОВО ДОРОГОЕ

Вагит АТАЕВ

ДВА ЦЫПЛЁНКА

Два цыплёнка-близнеца
Разыгрались у крыльца.
Вдруг нашли от дома слева
Малыши кусочек хлеба.
Первый кинулся:
– Он мой!
– Нет, не твой! – кричит второй.
Тут цыплята стали драться,
Друг на друга так кидаться,
Что на крики их с полей
Прилетел вдруг воробей.
Головой он повертел,
Хлеба взял и – улетел.

ПЕТУШОК

– Вот шалун, кричит средь ночи
Твой горластый петушок,
Он меня пугает очень –
Так случиться может шок.

– Пап, прости, что докучает
Он тебе, спать не даёт. –
Видно, ночью он скучает
И меня к себе зовёт.

БАБУШКИНЫ МОРЩИНКИ

Бывает, что бабушка наша
В веселье смеётся до слёз.
Но хмурится внучка Анашка
При этом открыто, всерьёз.

– Не любишь, спросить не боюсь,
Ты, внучка, когда я смеюсь?

– Без ума люблю и слезинки,
И смех твой, но лишь –
не морщинки:
Стареет от них, ой-ё-ё,
Лицо молодое твоё.

ЖАЛОБА ЩЕНКА

Я ещё издалека
Чую запах шашлыка.
Подбегаю: у костра
Мясо жарит детвора.
Шашлыки едят детишки,
Ох, как вкусно — ну, делишки!
Шашлыки едят, а кости, –
Что незваные им гости,
Хоть и косточка пустяк,
Погрызу её – пусть так.
Грыз её и так и сяк –
Не наелся я никак.
Да, проблема...
А нельзя ли,
Чтобы дети кости брали
И с охотой ели сами –
А уж мясо мне бросали?

ДАРМАН

– Что, сынок, тебя знобит?
– Ай, так голова болит...
– Принесла тебе дарман,
Выпей быстро, Нариман!
– Но тогда ведь попадёт
Он не в голову – в живот...

ПО ТЕЛЕФОНУ

Из Москвы отец звонит:
– Как дела, сынок Забит?
– Хорошо! – в ответ малыш.
– Только честно... Не шалишь?
– Если честно, то порой
Мы ругаемся с сестрой.
– Ну, как в садике дела?
– А там кошка родила!

Я НАЙДУ...

Ясным утром наш Мурадик
Вышел в ботах погулять.
Просит мама:
– Бога ради,
Их не нужно надевать.
Зачем боты, грязи нету
Ни у дома, ни в саду?
– Поверь, мамочка, грязь эту
Очень быстро я найду...

«СПАСИБО» СКАЖУ

В сквере, папу ожидая,
Сын и мамочка стоят.
Подошла к ним пожилая
Их знакомая Саят.
– Ты хороший мальчик, знаю,
А с учёбой как дела? –
Первокласснику Хасаю
Она яблочко дала.
Нем как рыба, молчаливо
Мальчик отступил назад.
– Так, сыночек, некрасиво...
Что ты должен ей сказать?

– Это слово дорогое
Мне знакомо – с ним дружу.
Коль даст яблочко второе,
Ей «спасибо» я скажу.

НЕ СЪЕМ!

Мурад однажды поутру
Увидел чёрную икру,
И удивился очень сын:
– Что это, мама? – он спросил.

– В тарелке? Чёрная икра,
Поешь – про всё забудешь.
Мои слова, нет, не игра:
Здоровым, сильным будешь.

– А правда ль, мама, из икры
Выходят рыбки после?
– Не знал ты, что ль, до сей поры,
Не маленький ведь – взрослый?

Мурад задумался – потом
Серьёзно, без улыбки:
– Не съем! В животике моём
Появятся вдруг рыбки.

КОШКА СЪЕЛА...

– Ты чего повесил нос,
Снова двойку нам принёс? –
У сыночка мать спросила. –
Дай дневник мне, – попросила.

– Вижу, двойка здесь опять.
Где ж твои «четыре», «пять»?..
Но стоит, молчит Ахмед:
У него ответа нет.

Лишь плечами он пожал.
А сестрёнке его жаль.
Чтоб помочь, к нему подсела:
– Их, скажи ты, кошка съела...

Перевод с кумыкского
Агалара ДЖАФАРОВА

ПРЕРВАННЫЙ РАЗГОВОР

Памяти Абдулгамида Абдуллаева

Последний раз мы беседовали, когда Абдулгамид попал в больницу. Я позвонила ему на мобильник, что-то торопливо сказала, какие-то необязательные слова, мол, выздоравливайте уже, сколько можно болеть, без вас скучно – и распрощалась. И он попрощался, произнеся фразу, которой всегда завершал разговор – «Живите долго».

Очень трудно писать о человеке, который ушел, которого не стало. Слишком велика опасность сползти в жанр некролога со скрупулезным перечислением заслуг усопшего перед обществом и положенными этому жанру оборотами. Вроде – «смерть вырвала из наших рядов», «останется в памяти навечно», «невосполнимая потеря». Даже если это и правда, и потеря действительно невосполнима – человек с тонким вкусом и слухом поморщится, читая такое. Во всяком случае, Абдулгамид бы точно поморщился, в этом я уверена на все сто. У него было отменное чутье на фальшь, на патетику.

Наверняка есть люди, которые имеют большее право (если тут уместно говорить о праве) писать об Абдулгамиде Абдуллаеве. Те, кто знал его долгие годы, учился вместе, дружил, ходил в гости, поздравлял с праздниками. А я никогда его не видела. Даже то, что он и автор едких публикаций по имени Денислам Кардашев, – это одно лицо, узнала где-то спустя полгода после знакомства. Для меня на протяжении нескольких лет был только голос в телефонной трубке. Тихий, деликатный, совсем не похожий на яростные интонации его статей.

Первый раз я услышала его после публикации в «Новом деле» моего интервью с молодым поэтом Марьям Кабашиловой. Газетчики знают – звонки после публикаций редко бывают приятными. Понравилась статья человеку – он хмыкнул удовлетворенно, может, паре-тройке друзей показал – и все. А не понравилась – тут же хватается за телефон. Так уж получилось, что именно негативные эмоции могут подвигнуть человека на звонок. Так что, когда меня пригласили к телефону, я внутренне сгруппировалась, ожидая фразы: «Да как вы могли! Да кто она, эта Марьям такая, чтобы говорить: «Дагестан мне тесен»?». И ошиблась. Звонившему были интересны и сами стихи, и личность автора.

Это не пустяк, это уникальное явление. Ни до, ни после я не сталкивалась с тем, чтобы зрелый человек так заинтересовался чужим творчеством не по роду своих занятий (редактор, ищущий авторов для своего издания, лидер творческого объединения, вербующий таланты, журналист, пишущий хвалебную или разносную рецензию, телевизионщик, мающийся в поисках героя для передачи), а просто так. Потому что интересно.

Ну, а мне, в свою очередь, было интересно разговаривать с ним. Иногда долго, часа по полтора-два. И обо всем. О Саше Черном, которого, как оказалось, оба любим, о газетных публикациях, о талантах и бездарностях, о квасном патриотизме. Стихи друг другу читали. Не по книжкам, а как помнили, иногда перевирая строчки. И, если уж совсем честно, то часто мы просто злословили. Да. Именно так. Перемывали косточки тем, кого не очень любили, и надо сказать, что здесь Абдулгамид был совершенно неподражаем! Убийственные характеристики, точные, хлесткие, злые. Мог припечатать так, что мало не казалось. Не делая скидки ни на пол, ни на возраст, ни на прошлые заслуги. Это тоже редкое умение – ухватить главное, основное и выдать в совершенной афористичной форме, которая уже не забывалась и прилипала к фигурантам накрепко. Как прилипло к писателю Проханову кем-то брошенное «соловей Генштаба». Радуюсь, что не попала Абдулгамиду на зубок.

Я мало что знала о его жизни, в отличие от многих людей его поколения, как-то не любил он пускаться в воспоминания, перелистывать страницы собственной героической биографии. Его больше волновало то, что происходит здесь и сейчас. Кто-то однажды на мои расспросы о нем ответил «вредный дядька». С раздражением сказал и с осуждением. Помню, удивилась

– Абдулгамид никогда не врал в своих статьях, не опускался до сплетен, а если его смех был горьким, как у его любимого Саши Черного – так что тут удивительного? А потом поняла. На фоне маразматического благодушия, нашего дагестанского, показного, когда плюются и кривят лица только за спиной, но ходят друг к другу на юбилеи и презентации, чтобы сказать «старик, ты гений», его прямота и желчный юмор казались вызовом. Отступлением от общепринятого политеса.

Есть такая затасканная формулировка – «молод душой». Не знаю, как там насчет души, не считала себя вправе в такие области вторгаться, а вот интерес к миру у Абдулгамида был совершенно юный, жадный. И еще одно. Согласитесь, от человека в годах подсознательно ждешь назидательных разговоров. Замираешь от тоски в предчувствии прописных истин, что, дескать, «надо уважать наши традиции», «слушай старших, они жизнь прожили» и «семья – превыше всего». Так что, когда я вдруг услышала от Абдулгамида по поводу какой-то несчастливой пары, что нечего было жениться, когда просто хотелось спать друг с другом, я поняла, что ничего не понимаю. То, что он говорил, шло вразрез с тем, что по моим представлениям должен был думать и говорить человек его происхождения, его лет и его статуса. Так могли бы рассуждать мои двадцати- и тридцатилетние друзья, если бы рискнули быть откровенными.

Я знала, что Абдулгамид плохо ходит – сказываются последствие аварии. Знала о его интересе к печатному слову. Через редактора нашего журнала Далгата Ахмедханова передавала ему какие-то книжки молодых авторов, через него же забирала статьи самого Абдулгамида, по телефону сообщала о новых публикациях, которые могли бы ему быть интересны, но вот о его отношении к религии понятия не имела. До поры до времени мы этой темы не касались. А потом однажды он, извинившись, прервал нашу беседу. «Перезвоню через пятнадцать минут». Перезвонил. А на мои расспросы, замявшись, ответил: «я делал намаз». Не знаю, смогу ли верно передать, в чем тут суть... Просто до этого я сталкивалась с другой категорией верующих. С теми, кто на первых секундах знакомства сообщает, что держит, например, уразу и при этом смотрит так, будто за это полагается орден. Или в гостях демонстративно встает из-за стола, громко спрашивая растерянную хозяйку, «где у вас тут можно помолиться?». Так вот, минутное замешательство Абдулгамида было продиктовано не тем, что он чего-то там стыдился, упаси Бог! Просто он, видимо, не хотел заставлять меня как-то вырабатывать к этому факту свое отношение, да и вообще считал веру и отправление религиозных обрядов делом интимным, не подлежащим обсуждению. Больше мы эту тему не затрагивали.

Не очень веря в загробную жизнь, я все-таки сейчас думаю – а вдруг? А вдруг есть жизнь после жизни? И если так, то, может, у Абдулгамида есть там свой письменный стол, а на нем свежие газеты и шариковые ручки для работы. И непременно печатная машинка с заправленными в нее чистыми листами. Непременно. Я так для себя думаю и, прикидывая, что он может написать, скольких почивающих на лаврах потревожить, немного даже улыбаюсь, пока не вспоминаю, что уже ни один человек на свете не скажет мне – «Живите долго».

Светлана АНОХИНА

УШЕЛ НАШ АВТОР...

Зная Абдулгамида давно (страшно даже подумать – почти полвека), не могу не добавить, что написанное Светланой – все очень верно. И честно. Хочу сказать еще, что он трепетно относился к нашему журналу. С жадным нетерпением ожидал выхода каждого очередного номера. Звонил, спрашивал, готов ли набор, идет ли верстка, отвезли ли ее в типографию, а потом – через несколько дней – не отпечатали ли еще. И как истосковавшийся от жажды по долгожданному роднику путник, взахлеб прочитывал его от корки до корки. И этим меня, должен признаться, несказанно удивлял. Знаю об этом, потому что на следующий день звонил и, справившись, есть ли у меня время, говорил, что понравилось, что оставило равнодушным, а что не понравилось вовсе. И добавлял, что знать мнение о журнале со стороны мне как редактору должно быть полезно. «Ведь так?» – уточнял он с вроде бы извиняющейся интонацией. «Конечно!» – искренне подтверждал я. Потому что это действительно так.

Нередко Абдулгамид публиковал на страницах республиканских газет свои впечатления от очередного номера нашего журнала. Замечу, что его тексты, несмотря на частую иронию, порой и язвительность, иногда излишнюю любовь к эпитетам и даже метафорам, отличались каким-то удивительно свежим слогом. Не истасканные у него были словесные конструкции. Он звонил и спрашивал: «Ты читал?». Если я отвечал, что нет, то обязательно добавлял: найду и прочитаю. Находил, прочитывал и, как правило, соглашался с его оценкой, а если в чем не соглашался, то высказывал свои аргументы. Редкое и замечательное качество было у Абдулгамида: если аргументы оппонента были вескими, доказательными, он с ними соглашался. Сейчас это действительно редкость. Тогда он терзал себя – как же так: не учел, не доглядел, не проверил, не до конца продумал. Нередко мы спорили, не до конца соглашались друг с другом, что не мешало нам испытывать обоюдное уважение к высказанному мнению. Это выражалось и в том, что к редактированию своих материалов в нашем журнале Абдулгамид относился с безоговорочным доверием.

Но… Ушел человек из жизни. Человек, который с болезненной остротой относился к малейшему проявлению фальши. И в быту. И в публицистике. Но прежде всего – в литературном творчестве. Его мнение было, как лакмусовая бумажка – проверкой на наличие фальшивых интонаций. Как жаль: он так рано ушел.

Далгат АХМЕДХАНОВ

СКАЗКА-ЛОЖЬ

фельетон

Яхья ЯХЬЯЛОВ

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были люди цвета пыли, дикарями слыли. Грязные и жирные, они такими раньше не были, просто обленились и не мылись, обжирались и не постились, да еще ко всему и коровьим какашкам молились. Ведь на них и растения лучше росли, и сушеные они огонь давали, а огонь, как известно, страшная сила. Раз огонь происходит из коровьей лепешки, значит, лепешка главней, – считали люди. И поклонялись ей.

Другие душам мертвых предков молились, и полжизни у их могил крутились. А некоторые печень умерших братьев своих поедали, или мозг, или селезенку, чтобы храбрость прибавить себе, ум или силенку. В общем, ясно, что людьми называли их напрасно. Они явно спились, или с ума сошли и заблудились.

Долго Бог этот триллер с небес наблюдал о том, как рогатый бес человека бодал, вокруг пальца его водил и до маразма его доводил. Наконец, сжалился и в который уж раз послал к ним гонца с инструкцией, как им жить-быть, кого любить, кого бить. И чтобы глупым все разъяснять, назначил самого достойного из них, почтив его милостью своей, – знаниями и откровениями своими.

Некоторые из людей приняли Указания всецело и были вполне довольны своим уделом. Многие же по порочности своей или умственной худосочности вновь отступили от явных предписаний и оказались в плену своих маний. И была в результате всегда недовольна, до самого гроба, ненасытная их утроба.

И вот однажды в этом захолустном царстве человек по имени Билис заявил, что из-за горя большого и беды… тридцать дней он не будет стричь бороды, ведь покинул мир его старенький дед. Однако. Так и ходил этот Билис как заросшая собака, хотя в инструкциях на то был запрет – болван не воспринял дельный совет. Про то, может, только дурак и не знал, что смерть есть естественный жизни финал. К чему тогда слезы фальшивые лить, рвать волосы, в грудь себя горестно бить. Подобно зверям ни к чему зарастать, или уши и пальцы себе отрезать, как принято у папуасов и прочих дикарей, живущих в районе экватора и намного южней. Все это туфта и пустой маскарад.

Но был у Билиса еще один брат – он взялся не стричь бороды и ногтей сорок дней. Однако. Так и ходил сорок дней как макака.

Но был у Билиса еще один брат, который придумал, чтоб отличиться, девяносто два дня не стричься и не мыться, а также носки совсем не снимать – коль горевать, так горевать. Вот, мол, какой хороший я. Так и ходил, как грязная свинья.

Глядя на эти все безобразия, глупые их соплеменники говорили: «Посмотрите, люди, как они своего деда любили. Вот молодцы!». Хотя это, конечно, юродство – без смысла себя подвергать неудобствам. С того и пошла, утверждают по слухам, мода на траурную показуху.

Так в том племени и жили, и сдуру бесились, и потихоньку к обрыву катились. И вот в их среде уж другой «молодец» всем заявил: «Так как умер отец, и нет у меня уже более слез – я обязуюсь в течение года кушать на ужин сушеный навоз».

Он, вероятно, потомком был тех, кто поклонялся коровьим какашкам. Но «нашла коса на камень» и вышла промашка. «Герой» не прожил трех дней – заболел какой-то болезнью страшной, от которой воротило кишки и срывало башню. От нее впоследствии померли все его соплеменники – все это глупое стадо. Видать, так им было и надо. Вот так ложка навоза даже бочку дегтя портит!

Но этим история не завершилась. Безумие далее распространилось. В другом из племен того государства женщина, звали ее Таншай, несмотря на запрет быть в трауре более трех дней, объявила, что будет ходить в нем целый год – так велико ее горе – самое горькое горе – и так знатен ее род!

Так и ходила вся в черном, пугая в округе бродячих собак. От чего те озлоблялись и кусали людей от нечего делать, просто так. Соплеменники ее, ошалевшую, не призвали к порядку – промолчали в тряпку. И вскоре многие женщины годами в черном щеголяли, чтобы о скорби их скорбной все знали. Другие повязывали черные платочки на домашних животных – ослов и коров, и даже птицу. Только в кошмарном сне такое приснится.

В скором времени, от чего – кто бы мог знать, стали люди в том племени подряд умирать. Через три на четвертый день к ним смерть являлась – седая зараза, вероятно, чтоб траур у них соответствовал нормам Указа.

Печально, но сказано раньше ведь было о паршивой овце, что все стадо сгубила. Но все повторяется снова и снова – плохо доходят слова до глухого.

Сказка – ложь, да в ней намек, да дуракам она – не впрок.

Мои соболезнования.

Х. Алиев "Девушка в красном"
(см. стр. 31-32)

В горах давно зима...
Фото К. Чутуева